

История, География/этнография

Звенья русской культуры

Георгий Вернадский

З венья русской культуры

Древняя Русь
(до половины XV века)

Георгий Вернадский

Ломоносовъ
издательство

Георгий Вернадский

З
венья
русской культуры

Древняя Русь
(до половины XV века)

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2016

УДК 94(47).01-03
ББК 63.3(2)41
В35

Составитель серии Владислав Петров

Печатается по изданию:
Г. В. Вернадский. Звенья русской культуры.
Часть I, выпуск I. Древняя Русь (до половины XV века).
Берлин, 1938

Иллюстрации Ирины Тибиловой

Scan by Greego

§ 1. Предварительные замечания

К узнец русской культуры — русский народ. Творилась русская культура в определенных условиях пространства и времени, и в этих условиях только и может быть понято ее зарождение и развитие. Пространство и время в развитии русской культуры, так же как и в развитии культуры других людских обществ, представляют не только внешнюю рамку развития, но теснейшим образом связаны с проявлениями внутренних творческих сил — физиологических и духовных, заложенных в самом народе. Следовательно, три главных фактора в истории культуры каждого народа — его творческая жизненная энергия¹, его месторазвитие и его времяиспользование. Эти три фактора действуют не незави-

симо друг от друга, а в теснейшей связи и взаимопроникновении.

Так, русское историческое месторазвитие — Евразия — не было дано русскому народу в готовом виде, а было им освоено в длительном процессе его истории².

Время, как фактор в развитии культуры, использовалось русским народом не в одинаковой мере, неодинаковым темпом. Периоды застоя или медленного течения прерывались катастрофическими перебоями и взрывами, появлением «революционных» темпов с лозунгами «догнать и перегнать Европу» (Петровская эпоха) или «догнать и перегнать Америку» (советская эпоха). Достижения взрывных отрезков времени и самая постановка «революционных» лозунгов возможны были, однако, лишь в результате предыдущего длительного накопления жизненной энергии в народе. Так, бурное развитие русской науки, литературы, музыки в XVIII—XIX веках было бы невозможно без предшествующих веков внутренней духовной работы, накопления творческой энергии.

Фактор времени следует учитывать и в смысле относительном, то есть спрашивать себя, в какой мере развитие русской культуры определялось уровнем развития, достигнутом в данную эпоху культурами соседних народов. Отсюда вытекают и вопросы о взаимоотношении и взаимных влияниях культур народа русского и народов соседних.

Поток исторического развития непрерывен. Но чтобы лучше понять и ощутить его течение, нужно рассматривать его по частям. Непрерывную цепь истории русской культуры мы должны разложить на отдельные звенья. Развитие русской культуры до 1917 года будет нами рассматриваться в трех отрезках времени: 1) Русь Древняя (до середины XV века); 2) Русь Великая, Малая и Белая (с половины XV до конца XVII века); 3) Россия XVIII—XIX веков (до 1917 года). С 1917 года начался новый отрезок, который должен подлежать особому рассмотрению. В пределах каждого намеченного нами периода элементы русской культуры будут характеризоваться не в динамическом, а в статическом отношении. Нам представляется, что таким образом яс-

нее можно запечатлеть итоги культурного развития каждой эпохи.

Предметом нашего рассмотрения являются черты как «материального», так и «духовного» быта. Разделение это, конечно, вполне условно. Такая «материальная» отрасль культуры, как хозяйство, зависит не только от окружающих «материальных» условий, но в значительной мере от волевой энергии человека как хозяина. С другой стороны, такая «духовная» отрасль культуры, как религия, приводит часто к созданию ценностей не только «духовных», но и «материальных» — достаточно упомянуть роль древнерусских монастырей в развитии русской хозяйственной жизни.

§ 2. Общие предпосылки развития культуры Древней Руси

В предлагаемом теперь читателю первом томе нашего обзора мы будем иметь дело с достижениями русской культуры — духовной и материальной — древнего периода, до середины XV века, то есть с историей той эпохи, которую теперь, для согласования с европейской историей, принято называть русским Средневековьем.

До недавнего времени в науке не только европейской, но и русской принято было на достижения русской культуры не только этого периода, но и последующего, то есть всей «допетровской» эпохи, смотреть несколько свысока. С такой точки зрения написаны, например, известные «Очерки» Милюкова³. С этой точки зрения достижения русской культуры признавались возможными лишь в меру «европеизации» России.

Такой подход к развитию русской культуры прежде всего неисторичен. Нельзя объяснять развитие культуры какого бы то ни было народа только иностранными влияниями. Для развития культуры общества нужна основа, субстанция. На эту основу уже могут действовать «влияния», а на пустом месте и «влияния» были бы бесплодны.

Но, независимо от этих общих методологических соображений, нельзя теперь не видеть, что культура Древней Руси

была действительно культурой полновесной, значительной, во многих отношениях перворазрядной, а вовсе не какой-то полуварварской «полукulturой», как иногда принято считать. Если в отношении науки, литературы, музыки достижения русской культуры XIX—XX веков способны, может быть, затмить достижения веков предшествующих, но, например, русская живопись никогда позже не достигала таких высот, на какие она поднялась в XV—XVI веках.

Да и достижения Древней Руси в области литературы или музыки нельзя считать малозначительными. «Слово о полку Игореве» есть литературный памятник силы совершенно необыкновенной. И если еще во времена Пушкина можно было считать, что «Слово о полку Игореве» возвышается уединенным памятником в пустыне нашей словесности»⁴, то в настоящее время мы знаем, что «Слово» создано в самом тесном взаимодействии с другими замечательными произведениями русской литературы той эпохи. Что же касается музыки, то, например, древнерусская народная песня свидетельствует о значительной высоте уровня музыкального творчества народа. Своеобразно развивалось и пение церковное.

Науки естественные и технические были действительно слабо развиты в Древней Руси, но то же можно сказать и о средневековой Европе. Руководящая роль в развитии математики и естествознания, по крайней мере до XII века, принадлежала арабскому Востоку. Следует, однако, заметить, что, хотя о развитии науки в Древней Руси сведений у нас почти не сохранилось, из этого нельзя заключать, что никакой работы не велось. Сложные постройки Древней Руси предполагают наличие хотя бы у некоторых русских мастеров серьезных знаний по архитектуре и математике. Точно так же раз в Древней Руси проживали, и притом иногда подолгу, первоклассные восточные врачи, мы можем предполагать, что были у них хотя бы в малом числе какие-то русские ученики-медики.

Что же касается наук гуманитарных, то в этой области, несомненно, в Древней Руси были свои творческие работники большого масштаба. В этом отношении Русь, в сущ-

ности, не отличалась от Византии и Европы. И для Европы, и для Византии характерно преобладание гуманитарных наук, и прежде всего богословия, над науками естественными. В области богословия и философии русские той эпохи были учениками прежде всего византийцев. Не отрицая начитанности многих духовных вождей Древней Руси в области богословия и философии, «европеизующие» наши «гуманитарные ученые» отделяются обыкновенно от своих предшественников словом «начетчик».

Разницу между истинным «ученым» и «начетчиком» не всегда, конечно, можно провести, но ясно, например, что Климента Смолятича (XII век) «начетчиком» назвать нельзя, а надо называть ученым, каким он и был, — иначе вообще мало кого можно было бы назвать ученым для эпохи Средневековья. Несомненно, что и на всем протяжении древней русской истории среди духовных руководителей русского народа находились всегда люди, весьма в стиле той эпохи образованные.

Тот факт, что в XI веке на Руси мог появиться такой блестящий мыслитель и ритор, как митрополит Иларион, показывает, что уже к этому времени русская культура достигла значительных высот и что, следовательно, и языческая эпоха не была так темна, как это обычно себе у нас представляют, в этом отношении уже следуя указке не только «европеизации», а также и своей церковной традиции.

§ 3. Социальные предпосылки развития древнерусской культуры

Если взятая в целом культура Древней Руси по существу своих достижений стояла весьма высоко, то не все социальные круги одинаково участвовали в культурном строительстве.

В наши дни⁵, в России советской, поставлены цели поднятия масс до высшего культурного уровня, который в данное время может быть достигнут. Ясно, что это долго еще останется идеалом, не претворившимся в действительность. Как бы ни улучшались общие условия быта, разница между

«руководящим отбором» и «обывателем» сгладится не скоро, если вообще можно ее сгладить. В других странах, материально сейчас более богатых, чем Россия, дело, по существу, обстоит не лучше.

В России императорской, XVIII–XX веков, различие между «культурным отбором» и «народными массами» было весьма велико, причем дело было здесь не только в разнице материального благополучия, но и в разнице всего мирозерцания. Разница между «интеллигенцией» и «народом» императорской России создавалась в Петровскую эпоху. Но, идя глубже, мы не можем миновать Никона, потрясшего незыблемость старого обряда, старой веры. А было время, когда и старая эта вера была новой. Христианство Русью принято было официально в конце X века, и церковь сорганизовалась весьма быстро в пределах тогдашних русских княжеств, но фактически еще долго христианство оставалось религией «интеллигентской». Народная вера долго хранила элементы язычества, окрашенные манихейством.

Следует иметь в виду, что мирозерцательный разрыв между верхами и низами русского народа существовал еще до принятия христианства. Возможно, что культ Перуна был принесен на Русь варягами (скандинавский Тор). Лет за двадцать до принятия христианства Владимир произвел попытку установить варяжский языческий культ на более широких основаниях, сделать его общеобязательным. Но было уже поздно.

В раннехристианские времена митрополит Иларион и Климент Смолятич в известном смысле были такие же «оторванные от народа» интеллигенты XI — XII веков, как Белинский и Грановский в XIX веке.

Ведущий культурный слой всегда в России был очень тонок. «Интеллигенция», в узком смысле слова — «книжники» всегда были в меньшинстве, хотя, вообще говоря, грамотность была в Древней Руси гораздо более распространена, чем это часто себе представляют.

Дуализм между «руководящим отбором» и народной почвой нам придется еще отмечать неоднократно в ходе на-

шего изложения. Необходимо, однако, здесь сделать еще одну оговорку.

Если «интеллигенция» всегда составляла в России меньшинство, то «народ» был в древности на более высокой ступени развития, чем в XVIII–XIX веках. К услугам широких народных масс была непочатые богатства подымавшегося из их собственной среды или, во всяком случае, ими органически воспринятого литературно-художественного творчества — богатства, к XIX веку уже начавшие иссякать. Имею в виду так называемый фольклор — песню, сказку, духовный стих, «гудьбу» — в области литературы и музыки; орнамент, шитье, резьбу по дереву — в области изобразительного искусства. Передвижные товарищества актеров и музыкантов — скоморохи — обслуживали Русь, одинаково и городскую и сельскую. Скоморохи были желанными гостями на князем и боярском дворе, на купеческой братчине. Но мимоходом они обслуживали все городское и сельское население — людей вообще. Княжеские пиры, на которых выступали скоморохи, были подчас всенародными сборищами.

Русь допетровская, а особенно — Русь дониколаевская, до окончательного установления крепостного права, жила строем несомненно более «демотическим», чем Россия императорской эпохи. В наивных представлениях славянофилов о древнерусской «общине», наряду с преувеличениями и неточностями, было много коренной правды. В церковной жизни — приход (в Западной Руси — братства); в земской жизни — старосты и выборные люди; в политической жизни — городское вече (а после, на Москве — земский собор, у казаков — круг или рада); в городской жизни — корпоративные организации (сотни); в дружеском общении — братчины. Таковы устои допетровской русской соборности. Основная же ячейка ее — семейная община.

Перечисленные формы демотической соборности играли значительную роль в культурном строительстве Древней Руси. Но не менее значительна была роль тех социальных сил, которые стремились подчинить себе народную соборность. То были: церковь (как учреждение идеократическое), князь (как политическая власть), боярство (как власть со-

циальная). Сотрудничество, соревнование, иногда открытая борьба всех этих сил кладут свой заметный отпечаток на весь ход развития культуры Древней Руси.

§ 4. Восток и Запад в истории древнерусской культуры

Домонгольская Русь жила в довольно тесном общении с Европой. Достаточно указать на связи торговые. Торговля Руси с Западом не прерывалась, однако, и позже, только изменились направление и роль торговых путей. В монгольскую эпоху растет значение торговли балтийской и в известном смысле — черноморско-итальянской.

Когда говорят о том, что Русь Киевская, домонгольская, была в более тесном общении с Европой, чем Русь Московская, обыкновенно имеют в виду прежде всего личные и брачные связи русского княжеского рода с европейскими владетельными домами, а также отчасти и церковно-политические сношения с Римом. Отсутствие до середины XI века формального разъединения между Православной и Латинской церквами, несомненно, способствовало культурным связям Руси с Западом.

Но что представлял собой Запад этого времени? Превосходство Запада над Востоком в смысле науки и техники — дело гораздо более позднего времени. Лишь в XVI или XVII веке можно определенно говорить о научно-техническом превосходстве Европы над Азией, причем все еще с оговорками. В более раннее время не всякий мог бы разглядеть в Европе ростки будущей культурной гегемонии.

Правда, XIV и XV века были свидетелями блестящих достижений европейской мысли и техники. Но и Восток, хотя бы мусульманский Восток, в это время жил творческой жизнью. Если же идти еще далее в глубь веков, то до XII века (как было уже выше упомянуто) мусульманский Восток, бесспорно, превосходил Европу в культурном отношении. Лишь восприняв научные достижения арабского Востока, могла позже подняться европейская наука. Можно согласиться (с оговорками), что Русь была в киевскую эпоху в бо-

лее тесном общении с Западом, чем в московскую. Но, как видно из только что сказанного, культурные выгоды такого общения именно в киевскую эпоху были невелики.

Характерно, что для этой эпохи нет у нас данных, которые бы свидетельствовали о преклонении перед Европой русских, в эту Европу попавших. Наоборот, европейские путешественники, попадая в Киев, дивились его роскоши и культурному размаху. Все это указывает на то, что не общение с Западом лежало в основе культурного расцвета, который замечен был на Руси в киевскую эпоху. Наоборот, влияние Запада было в это время во многих отношениях разлагающим и ослабляющим. Феодальные нравы западного рыцарства, кладя свой отпечаток на политическую жизнь нынешней Западной Украины (Галичины, Волыни), способствовали дезинтеграции там политического порядка и спокойствия, усиливая элементы усобицы и неустойчивости. Варварский обычай «поля» (судебного поединка) узаконивается в русском праве под прямым влиянием права немецкого. Характерно, что «поле» появляется в русском законодательстве именно в Северо-Западной Руси (Смоленский договор с немцами 1229 года, Псковская судная грамота).

Итак, если Киевская Русь достигла блестящего культурного цветения, то это было не благодаря западным влияниям, а скорее несмотря на них, а также благодаря тому, что Русь той эпохи была открыта для культурных влияний со стороны Византии и Востока. Удельный вес западных и восточных культурных влияний на Древнюю Русь становится более ясным, если обратиться к свидетельствам языка. В развитии русского языка (первоначально — языка восточнославянских племен) несомненно наличие влияний, шедших как с Запада, так и с Востока. Но нетрудно заметить, что восточные влияния были шире и глубже⁶.

Почвой для языковых влияний служило уже самое месторазвитие восточных славян. Как бы ни решать вопрос о славянской прародине, во всяком случае, вероятно, что славяне издавна занимали бассейн Среднего Днепра и правых его притоков, а отдельные группы восточных славян

заходили, конечно, далее на восток и юго-восток, расселяясь на территории, где политически господствовали другие народы и создавались финские, иранские, турко⁷-татарские племенные союзы и государственные образования. С разных времен нашей эры на территорию Западной Евразии проникали также отдельные группы германских и скандинавских племен (готы, позже варяги и т. д.). Немецкие и скандинавские купцы и дружинники должны были, конечно, принести с собою ряд терминов технических и военных. Слова немецкого корня проникли в русский язык также из западнославянских языков. В общем, однако, русских слов, заимствованных в древний период из германских языков, не так много⁸.

Ввиду тесных сношений Древней Руси с Византией неудивительно наличие в русском языке греческих влияний. В особенности важно, конечно, влияние строя греческого языка на русскую богословскую литературу. Известное влияние оказал и латинский язык — в особенности через посредство Западной Руси.

Несомненны также некоторые словарные заимствования из южных (болгарского, позже сербского) и западнославянских (в особенности польского) языков⁹. Считаю все же, что влияния восточные на русский язык в древний период были более значительны и, помимо словарных заимствований, наложили большой отпечаток на самый строй русского языка.

Еще до распада славянской семьи народов на отдельные ветви славяне должны были подвергнуться значительному влиянию восточных народов. Финны издревле занимали весь север и северо-восток доуральской Руси. Иранцы (скифы, сарматы, аланы) в течение более чем шести веков после начала нашей эры господствовали в степях Северного Причерноморья. Турецкие племена двинулись в клин Северного Причерноморья в составе гуннских полчищ, а позже одна волна сменяла другую (авары, хазары, болгары).

Некоторые восточные элементы русский язык унаследовал еще от праславянской эпохи вместе с другими, позже обособившимися славянскими языками. Так, слово «кло-

бук» (от турецкого «колпак») имеется не только в русском, но и в большинстве славянских языков, включая западнославянские (польское kłobuk, чешское klobuk). Много позже новой волною общения между русским и турецким народами в русский язык принесено было слово «колпак» — на этот раз в форме, тождественной с турецким оригиналом.

От иранского «тебер»¹⁰ (быть может, через турецкое посредство) в славянские языки проникло слово «топор»¹¹. Примеры эти можно было бы и значительно приумножить, но в этом нет особой надобности.

Другая группа восточных слов заимствована не всеми славянскими языками, а лишь восточно- и южнославянскими. Заимствования этого порядка относятся к периоду VI—VII веков, когда Северное и Западное Причерноморье одинаково попали под власть народов турецкого корня (хазары, авары, болгары). К этому времени относится, например, проникновение в южно- и восточнославянские языки слова «сан» от соответствующего турецкого («честь, почет, достоинство»); ср. русское «приосаниться».

По-видимому, к этой же эпохе относится и заимствование в южно- и восточнославянские языки слова «чертог» от персидского (перешедшего в турецкие языки) слова «чартак» («портик, балкон»).

Значительно позже в русском языке появляется это слово и в другой форме («чердак»), в ином уже значении, чем «чертог».

Века хазарского владычества, а затем эпоха печенежских набегов и эпоха половецкая принесли в русский язык ряд дальнейших заимствований из турецких языков. Сюда относятся такие слова, как «батог», «бесурменин», «бисер», «ватага», «кумыс», «курган», «лошадь», «товар» (первоначально в смысле «скот»), «шатер» (с персидского), «япончица» («спанча»), «яруга» («овраг», «яр»).

Монгольское завоевание имело одним из своих последствий принудительное общение русских людей с турко-татарами, которое позже сменилось эпохой общения добровольного (проникновение русских купцов и промышленников, позже земледельцев на Восток). Результа-

том было обогащение русского словаря длинным рядом турецких (также монгольских и персидских) слов и терминов. Здесь не место пытаться дать сколько-нибудь полный список этих заимствований, но небезынтересно все же привести несколько примеров в качестве иллюстрации.

Заимствования касаются самых различных областей народной жизни и быта, как-то: общественного строя («очаг», «хозяин», «боярин», «казак», «пай» и т. д.); финансов («казна», «деньги» и пр.); вооружения и военного быта («булат», «булава», «палаш», «табор» и пр.); средств передвижения и дорожных вещей («телега», «арба», «кибитка», «вьюк», «торба», «сундук», «чемодан» и пр.); коневодства, сбруи и масти лошадей («аркан», «чепрак», «табун», «буланный», «бурый», «караковый» и т. п.); торговли и товаров («барыш», «базар», «магазин», «тамга», «аршин», «десть», «атлас», «бязь», «кумач» и др.); жилища и построек («амбар», «сарай», «чердак», «кирпич» и др.); домашней утвари («бадья», «шайка», «кувшин», «утюг», «тюфяк», «графин», «стакан», «кубок», «булавка» и т. п.); одежды и обуви («башлык», «шапка», «куртка», «кафтан», «халат», «кушак», «шаровары», «штаны», «башмак», «чоботы», «калоши» и пр.); кушаний и напитков («калач»¹², «лапша», «борщ», «буза», «чай» и пр.); огородничества и огородных растений вообще («баштан», «бахча», «арбуз», «кавун», «фасоль», «камыш», «чинара» и пр.); минерального царства — металлов и драгоценных камней («жесть», «чугун», «карандаш» (первоначально — «графит»), «алмаз», «бирюза», «жемчуг» и т. п.); животного царства («собака», «баран», «барсук», «кабан», «обезьяна» и пр.); из турецкого же заимствованы такие слова и выражения, как «башка», «дурман», «изьян», «лафа», «пустяки», «ни бельмеса не знает»¹³ и т. п.

Влияние турецкого языка на русский выразилось, однако, не только в словарных заимствованиях. Оно было гораздо глубже и наложило известный отпечаток на самый строй языка — на синтаксис. Приведем несколько примеров.

В русском языке имеется аффикс (окончание) -чий, -чей, выражающее понятие ремесла, занятия, профессии: например, казначей, кравчий, ловчий и т. д. Этот аффикс, не-

сомненно, возник в русском под влиянием подобного же турецкого аффикса -джи или -чи: например, «капыджы» — «привратник», «сютчю» — «торговец молоком» и т. д.¹⁴ Равным образом уменьшительный аффикс -чик, -чек в русском языке возник под влиянием соответствующего турецкого аффикса. Имею в виду такие русские слова, как, например, «мальчик», «ножичек», «цветочек» и т. п. В турецком языке имеется ряд уменьшительных имен, образованных с помощью того же аффикса. Таковы, например, «одажык» («комнатка»), «евджик» («домик»), «чичеджик» («цветочек») и т. п.

Любопытный пример влияния турецкого языка на русский в области синтаксиса я вижу в построениях типа «у меня» или «у меня есть» («находится у меня»). Русский человек спрашивает: «У кого книга?», в то время как романо-германец (а также и западный славянин) строит вопрос иначе: «Кто имеет книгу?» («Who has the book? Wer hat das Buch? Qui a le livre? Kdo ma knihu?»). Этому соответствует и разница в построении ответов. Русский человек отвечает: «Книга у меня», в то время как романо-германец и западный славянин отвечают: «Я имею книгу» («I have the book. Ich habe das Buch. J'ai le livre. Ja mam knihu»).

И вот тут надо отметить, что в русском языке построение совершенно соответствует турецкому. Турок ответит на этот вопрос точно таким же построением фразы, как и русский. Русской фразе «книга у меня» соответствует турецкая «китап бенде дир». Далее, на вопрос «есть ли у вас книги? (имеются ли у вас книги?)» романо-германец и западный славянин отвечают по типу «да, я имею книги», в то время, как русский ответит «да, у меня есть книги», и точно так же турок скажет «бенде китап вар».

Сходство в построениях этого типа между русским и турецким языками и, наоборот, разница между языками русским и романо-германскими имеют, может быть, и более глубокие психологические корни.

Под иным, чем в романо-германских языках, построением фразы в вопросах об отношении человека к имеющимся в его пользовании вещам может скрываться совершен-

но иное психологическое отношение к вещам. В то время как романо-германец, даже говоря о хотя бы случайно и на короткое время находящихся в его пользовании вещах, выдвигает личное и как бы собственническое притязание («я имею»), русский и турок ограничивается констатацией простого факта, что вещи эти сейчас «у него есть» или «у него находятся».

Влияние Востока на Русь в области языка глубоко проникло, таким образом, в самую психологию русского народа. Словарные заимствования являются отражением глубоких влияний на весь строй русского государства и общества. Неоспоримый факт, что в XIV—XVI веках весь строй управления Древней Руси, финансы, военная организация сложились под влиянием монгольско-татарских образцов. Стиль дипломатических документов ранней московской эпохи, несомненно, развился под влиянием стиля монголо-татарских канцелярий. Отдельные же черты общественно-государственного строя Древней Руси, конечно, и ранее монгольского периода отразили собою влияние Востока.

§ 1. Страна и население

В широком историческом смысле, как было уже сказано, месторазвитием русской культуры и русского народа является вся Евразия. В узком смысле, в приложении к русскому Средневековью, то есть к эпохе до середины XV века, месторазвитием русского народа, а следовательно, и начальной фазы русской культуры, служила территория, приблизительно соответствовавшая доуральской России, то есть Западной Евразии. Следует, впрочем, иметь в виду, что в северной полосе русские проникли за Камень, то есть Уральский хребет, уже в XIV–XV веках; с другой стороны, среднее течение Волги лишь во второй половине XV века приведено было в некоторую политическую зависимость от Русского государства (включено в состав Русского государства лишь в середине следующего столетия, а именно в 1552 году); нижнее же течение Волги, хотя ненадолго и захвачено было русскими в X веке, было затем потеряно и вновь добыто лишь в 1556 году.

Если, однако, территория, занятая русским населением в древний период его истории географически уже, чем в новый период, то культурно-исторически эта территория и в древний период связана была со всей Евразией. Если русский народ Восточную Евразию в то время еще не освоил (а Средней Евразии лишь в слабой степени коснулся), то, наоборот, народы Средней и Восточной Евразии (иранцы, турки, монголы) волна за волной проникали в Евразию Западную. Словом, Западная Евразия в смысле этническом и культурно-историческом представляла собою в древний период русской истории как бы всю Евразию в концентрированном виде. Месторазвитие русского народа в древний период его истории может поэтому быть названо Малой Евразией, в отличие от позднее освоенной Евразии Великой.

Освоение Малой Евразии русским народом явилось результатом длительного колонизационного процесса. Прародиной восточных славян можно, с оговорками, считать Среднее Поднепровье, в особенности же бассейны правых притоков Днепра. Около V века славяне появляются на Дунае, и на низовьях Дуная можно предполагать стоянки предков именно восточной отрасли славян¹⁵.

Малая Евразия, или, во всяком случае, часть ее — причерноморские степи, политически в течение ряда веков (приблизительно от VII века до н. э. вплоть до III века н. э.) была организована иранцами (скифы, сарматы, аланы). Иранскому владычеству было в эту эпоху подчинено и Среднее Поднепровье, то есть предполагаемая прародина восточных славян. Можно думать, что, пользуясь установленным иранцами объединением причерноморских степей (Рах Scythica), славянские поселенцы или целые группы их начали тогда же проникать в местности к востоку от Поднепровья. Об этом, конечно, можно только догадываться. Но если в позднейшее время (XI — XII века) остатки иранских племен держались еще в ославленной к тому времени Киевщине и Черниговщине (коуи, турпей), то нет ничего невозможного в том, что в более древнюю эпоху, наоборот, славянские поселки и общины вклинивались в территорию, заселенную в общем иранцами.

Иранская эпоха наложила неизгладимый отпечаток на географическую номенклатуру Западной Евразии. Так, например, в названиях многих русских рек явственно выступают иранские (или иранизированные) корни: Дон (древнеиранское «дан» — река), Днестр («Данистр»), Цна («Сна; Сина» — иранское название Дона)¹⁶. «Др, Дьр» как составная часть некоторых русских географических названий идет от иранского «дар» («море, озеро, большая река» — ср. Амударья).

В иранскую эпоху заложены были, конечно, и основания политической и общественной организации восточно-славянских племен, продержавшиеся сквозь смуты готско-гуннского периода (III—V века) и отчасти потом вновь утвержденные хазарами (VI—IX века). Так, например, считаю вероятным к иранской эпохе относить создание податной общины (позднейшей верви «Русской Правды»), «людской» общины («люди» «Русской Правды»).

Славянскому термину «люди» в иранскую эпоху, вероятно, соответствовал термин «мерды» (иранское «мерд» — «человек, людин»). Этот термин сохранился в Киевской Руси в качестве «смердов».

Возможно, что здесь мы имеем пример русского народного осмысления чужезычных терминов. Общины «смердов» в киевскую эпоху стоят на более низкой социальной ступени, чем общины «людей». Уничтожению социально должно было соответствовать и уничтожение терминологическое. Иранский термин «мерд» мог быть в смысле уничтожительном осмыслен от славянского глагола «смердеть»¹⁷.

Примеров такого русского народного осмысления иностранных (а подчас и русских) слов, имен и фамилий можно, разумеется, привести сколько угодно. Покойный А. П. Кадлубовский¹⁸ рассказывал мне, что старая нянюшка в их семье, жившей тогда в Крыму, гору Чатыр-даг называла просто Чердак («Арсений-то Петрович опять на свой чердак полез»). Выходцы шотландской семьи Hamilton в России стали называться Хомутовыми. Мне говорили, что, когда покойный А. А. Корнилов¹⁹ (историк) ездил в 1891 году на

голод в Тульскую губернию открывать столовые, в народе его звали Кормилов («кормит народ»).

Если считать, что расселение восточных славян по Западной Евразии происходило, в известных пределах, еще в иранскую эпоху, то можно думать, что некоторые славянские поселения к востоку от Поднепровья удержались и в готско-гуннскую эпоху. Славянские отряды, конечно, были в составе гуннских полчищ. Однако лишь в хазарскую эпоху, когда опять, как и в эпоху иранскую, в Западной Евразии установился более прочный политический строй, славянское расселение могло возобновиться более интенсивно. С VI века расселение восточных славян шло неудержимо по бассейнам рек Днепра, Дона, верховьев Западной Двины, Волхова, Оки и Верхней Волги, а позже и Двины Северной.

Захвачены были восточнославянской колонизацией также и побережья морей Черного (в северной части) и Азовского, откуда, однако, позже русские вытеснены были степняками-половцами²⁰.

Трудно определить, хотя бы приблизительно, численность восточнославянских (русских) племен в различные моменты древнего периода. Огромная территория заселена была славянами далеко не сразу и не сплошь. На севере славянские поселки были первоначально лишь островками в финском море, на юге — в море турецком.

Считаю, однако, весьма важным высказать некоторые свои соображения о численности населения средневековой Руси — пусть это будет только лишь предварительный подход к вопросу. Численность населения является, конечно, одним из основных показателей исторического процесса. С другой стороны, выяснить численность населения важно для определения удельного веса русского народа в тогдашней международной обстановке. Приведем, прежде всего для соображения, несколько цифр, касающихся населения Средиземноморья, Ближнего Востока, а также и средневековой Европы.

В Римской империи в период ее наибольшего распространения нужно считать не менее 80 миллионов населе-

ния. В Византийской империи VI века (эпохи Юстиниана) можно считать до 25 миллионов. Для преемницы Византийской империи — империи Османов следует, по всей вероятности, принять цифру населения, значительно меньшую, чем для империи юстиниановской эпохи. В пределах Османской империи XVI века проживало, вероятно, до 15 миллионов.

Средневековая Европа: для Англии в первой половине XIV века (до эпидемии так называемой «черной смерти») принимают 4–5 миллионов жителей. Во Франции эпохи Карла Великого (VIII–IX века) предполагают около 8 миллионов. Во Франции первой половины XIV века (до «черной смерти») считают около 25 миллионов. Относительно немецких земель можно думать, что в X веке население здесь не превышало 3 миллиона; в XI — составляло от 5 до 6 миллионов; в XII — от 7 до 8 миллионов (расчет Кечке); в первой половине XIV века (до «черной смерти») — около 12 миллионов; в конце XVI века — до 15 миллионов (расчет Шмоллера)²¹.

Население Чехии в начале XVII столетия составляло около 3 миллионов, население Польши в XVI веке (включая украинские земли короны) доходило, вероятно, до 4 миллионов.

Обращаемся теперь к России. О количестве населения Древней Руси — как и о населении немецких земель в Средние века — точных данных нет. В «Энциклопедическом словаре» Брокгауза — Ефрона, в статье «Население» (полutom 40, с. 631) приводятся для России следующие цифры населения: конец XV века — 2,1 миллиона; конец XVI века — 4,3 миллиона. М. В. Довнар-Запольский²² (основываясь отчасти на соображениях П. П. Смирнова²³) считает, что в пределах Московского государства середины XVI века жило около 2 миллионов человек, а в конце XVI века — около 3 миллионов.

Цифры эти я считаю безмерно преуменьшенными. Действительная цифра населения тогдашней России была, конечно, больше. По расчету П. Н. Милюкова, ко времени смерти Петра Великого (1725 год) в России было около 13

миллионов жителей. Эта цифра может считаться установленной прочно, ибо основана на правительственных ревизиях для подушной подати, с соответствующими поправками.

Исходя из этой цифры, П. Н. Милюков рассчитывает, что ко времени смерти царя Алексея Михайловича (1676 год) в России было около 16 миллионов жителей. К концу XVI века, по мнению того же исследователя, в России было до 15 миллионов. Цифры П. Н. Милюкова, может быть, для XVI—XVII веков преувеличены. П. П. Смирнов считает для 1678 года в Московском государстве (без Украины) всего лишь 6 573 000 жителей²⁴. Но его расчеты мне кажутся приуменьшенными. Думаю, что для середины XVII века можно принять от 10 до 12 миллионов. В конце XVI века перед смутою население в Московском государстве было вряд ли меньше, чем в половине XVII века. Приблизительно можно принять цифру 10 миллионов.

Нужно иметь в виду, что эта цифра относится лишь к той части русского народа, которая проживала в пределах Московского государства. К этому следует прибавить численность другой части русского (украинского, белорусского) народа, жившей в пределах Польского и Литовского государств. По расчетам польских историков, население русских земель короны в XVI веке (Полесья, Червонной Руси, Волыни, Подолья и Украины) составляло около 1 743 000 человек²⁵.

Можно думать, таким образом, что в XVI веке русское население Речи Посполитой составляло около 2,5 миллиона. Складывая цифры для Восточной и Западной Руси, получим не менее 12 миллионов.

Прирост населения с середины XV века по конец XVI века не мог быть особенно значителен ввиду, с одной стороны, постоянных войн между Москвой и Литвой и т. д., а с другой — из-за татарских набегов сначала остатков Золотой Орды и татар казанских, а затем крымских на обе Украины — и московскую, и польскую. Численность русского народа для середины XV века не могла быть поэтому значительно меньше, чем в конце XVI века.

Можно принять для середины XV века как приблизительную цифру 9 или 10 миллионов.

Нужно иметь в виду, что для конца XV века у нас есть более определенные данные по Новгородской области. Исследователь новгородских писцовых книг А. М. Гневушев, произведя подсчет по трем (из пяти) новгородским пятинам, определил число семейств, живших на этой территории, почти в 70 тысяч, или (считая в среднем 6 человек на семью) — около 416 000 душ.

Если к этому прибавить городское население Новгорода, а также население двух оставшихся пятин, то эту цифру нужно удвоить. Но, больше того, к концу XV века, после московского погрома, население Новгорода и Новгородской области уменьшилось. Следовательно, для середины XV века мы должны считать не менее 1 миллиона. При расчете 1 миллиона населения для Новгородской области общая цифра населения Руси Восточной и Западной в это время, вероятно, должна быть миллионов девять или десять.

Если теперь от середины XV века идти вглубь, то и там нельзя предполагать особенно резких перемен в численности населения благодаря тому же факту, что прирост населения часто сводился на нет страшными эпидемиями, неурожаями, а также разорительными войнами и усобицами. В середине XIV века Русь подверглась так называемой «черной смерти»²⁶. В 1237–1240 годах прокатилась первая, особенно разрушительная волна монгольского нашествия. Перед этим — бесконечные княжеские усобицы и половецкие набеги.

Соображая все сказанное, думаю, что в XII веке общая численность русского народа может быть принята около 7 или 8 миллионов. Идти дальше в глубь веков было бы уже, пожалуй, слишком рискованно. В виде ориентировочного предположения можно лишь сказать, что в X веке численность населения была, вероятно, значительно меньше, чем в XII, а в VIII веке — значительно меньше, чем в X. Из всего этого можно сделать вывод, что Древняя Русь уже по самой численности своего населения была для своей эпохи и в сравнении со своими соседями социальным организ-

мом весьма сильным и значительным. Правда, население Древней Руси было вдвое меньше населения средневековой Франции. Но если сравнивать Русь с немецкими землями, а также с Польшей, Чехией и т. д., то отношение будет для Руси более благоприятным.

По своим физическим качествам русское население древней эпохи, вероятно, значительно превосходило нынешнее. И мужчины, и женщины были рослыми, сильными, здоровыми. До некоторой степени о физической силе и здоровье древнерусского населения можно судить не по населению внутренних губерний России XIX или начала XX века, а по казачьим войскам юго-востока России. Духовные способности русского народа той эпохи, как видно будет из последующих глав о духовной культуре русского Средневековья, следует также признать весьма замечательными.

Страна, в которой расселились восточные славяне, была, по природным своим свойствам, значительно богаче прежней их территории. Хотя страна эта не была совершенно девственной, так как человек в ней жил с давнего времени — финны на севере, иранцы на юге, — все же страна эта была еще к моменту славянского расселения лишь в слабой степени использована человеком.

Девственная тайга занимала большую часть площади русского Севера. Даже в области смешанных лесов расчищены были для земледелия лишь небольшие участки. Леса преграждали сообщение из Верхнеокского края в Среднее Приднепровье и из Черниговщины в Киевщину: былинный богатырь Илья Муромец должен был очищать путь через леса от засевшего там Соловья-Разбойника.

В девственных дебрях леса основан был город Брянск (имя которого происходит от Дебрянска). Лес держался островами во многих местах, по балкам (оврагам) в степном море, к югу от южной границы лесов (границу эту условно можно принять по линии Киев — Казань). Такой лесной остров был, например, в низовьях Днепра (Олешки). Воспоминание о приморских лесах отразилось в русском фольклоре; отсюда и пушкинский образ: «у Лукоморья дуб зеленый». Обилие лесов должно было отражаться на климате

(более высокая влажность). Реки этой эпохи, без сомнения, значительно полноводнее нынешних.

Распахана была лишь часть лесостепья (полосы по границе между лесом и степью). Целинные ковыльные степи («поле») тянулись сплошь между Киевщиной и Черным морем. Деятельность человека за ряд веков после расселения восточных славян по доуральской равнине постепенно меняла лик земли. Это сказалось особенно на лесной полосе Средней и Северной России. Неприкосновенность степей охранялась кочевниками. Русскому поселенцу приходилось жечь лес и расчищать его под пашню.

§ 2. Использование естественных богатств страны

Раселившись по широким равнинам доуральской России, восточные славяне стали понемногу осваивать естественные богатства своей страны. Хозяйственная деятельность восточных славян шла, вероятно, отчасти по налаженным еще в иранскую и финскую эпоху образцам. Частью же русские славяне явились пионерами-зачинателями новых промыслов и трудов.

Для удобства обозрения деятельности русского народа по использованию природных богатств страны рассмотрим сперва промыслы лесные, а также и степные, затем речные и морские. О земледелии и скотоводстве, а также и о добыче металлов будем говорить особо в следующих параграфах.

Из лесных промыслов самый важный был — охота, звероловство, также и птицеловство. В русских лесах того времени было такое изобилие зверей и птиц, для истощения запасов которого понадобились века хищнической деятельности человека. Охотой занимались люди различных сословий и состояний Древней Руси.

Охота составляла любимое развлечение древнерусских князей; она не раз воспевается в былинах²⁷. Про одного из старших богатырей — Волха Всеславича — поется в былинах так:

Дружина спит, так Волх не спит:
Он обернется серым волком,
Бегал, скакал по темным лесам и по ра́менью,
А бьет он звери сохатые,
А и волку, медведю спуску нет,
А и соболи, барсы — любимый кус,
Он зайцам, лисицам не брезговал.

Князь Владимир Мономах в своем «Поучении» детям вспоминает так: «...Конь диких своима руками связал есмь в пушах 10 и 20 живых конь... Тура мя 2 метала на розех и с конем, олень мя один бол, а 2 лоси, один ногами топтал, а другой рогома бол, вепрь ми на бедре мечь оттял, медведь ми у колена подклада укусил, лютый зверь скочил ко мне на бедра и конь со мною поверже»²⁸. Охота была для князей не одним лишь развлечением; она была важной отраслью княжого хозяйства. У князей были свои охотничьи участки (становища, ловы) и целый штат охотников — ловчих, сокольников, псарей, бобровников и т. п.

Бояре, епископы, монастыри имели свои ловы и своих охотников. Прочее население также занималось много охотой, в особенности на Севере. Наиболее ценной добычей — игравшей издревле значительную роль в русской внешней торговле — был зверь пушной: куница, соболь, черно-бурая лисица, белка, бобр. Бобровые гоны были и в Юго-Западной Руси, и в верхневолжско-окском междуречье, были и в Двинской земле. Куницы водились на всем Северном Доуралье, соболи — в Приуралье и Зауралье.

Обилием соболей славилась в особенности Югра и Самояд. Соболи (а также серебро) были главной приманкой, привлекавшей в эти края новгородцев, проникавших к востоку за Северную Двину, вплоть до «Камня» (Уральского хребта) уже в XII веке. В 1160 году смоленский князь Ростислав дарил Святослава Черниговского «собольми и горностаими и черными кунами и песцы и белыми волки»: это меха, частью местных, поднепровских пушных зверей, а частью привозные из Новгорода, добытые новгородскими купцами за Северною Двиною (в частности, белый волк — это волк тундряной, зверь Крайнего Севера).

Техника лесного звероловства и птицеловства состояла преимущественно в употреблении сетей разного рода, как-то: тенета, перевес, силец, а также капканов (кляпца; позже вошли в употребление кулемы).

Но не только в лесах, а также и в степях держались неисчислимые богатства зверя и птицы. Достаточно перечитать «Слово о полку Игореве», чтобы ясно представить себе богатство степной фауны. «...Вльци грозу всрожат по яругам, орли клетком на кости звѣри зовут, лисици брешут на чръленья щиты»²⁹. В степной охоте помощником человеку служила преимущественно ловчая птица — сокол и кречет³⁰, а также и ловчий зверь — пардус (барс). В упоминавшейся уже выше былине о Волхе Всеславиче поется о соколиной охоте так:

Дружина спит, так Волх не спит;
Он обернется ясным соколом,
Полетел он далече на сине море,
А бьет он гусей, белых лебедей,
А и серым малым уткам спуска нет.

Впрочем, в степях русских привлекала не только — или не столько — охота за зверьем и птицей, сколько охота за человеком и накопленными им богатствами. После первого удачного столкновения с половцами воины Игоря Святославича «помчаша красныя девкы половецкыя, а с ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты, Орьтьмами, и япончицами, и кожухы начашя мосты мостити по болотом и грязивым местом, и всякыми узорочьи половецкыми»³¹. В другом месте представляет себе певец «Слова о полку Игореве», как в случае победы русских над половцами невольники и невольницы стали бы дешевы на Руси: «была бы чага (невольница) по ногате, а кошей (раб) по резане».

Монгольское нашествие XIII века закрыло степь для русской охоты и набегов. Хозяином степи стал «царь» — хан татарский и его беи. Царские пардусники имели преимущественное право распоряжаться степными урочищами и угодьями.

Возвращаемся, однако, опять в леса. Наряду со звероловством и птицеловством большое значение в Древней Руси имела добыча меда от пчел — бортничество. Бортные ухажья имелись почти во всех лесных областях Древней Руси, и мед составлял один из важных предметов русского вывоза.

Некоторые племена (древляне, например) и области медом платили дань князю. От дани медом и от своих бортных промыслов князья скопляли большие запасы меду. 5000 берковцев меду хранилось, например, в 1146 году в погребах черниговского князя Святослава.

Обилие рыбы в реках и озерах способствовало развитию рыболовства. Рыбу на Руси употребляли в пищу до принятия христианства, с введением христианства постепенно стал укрепляться обычай постов, что должно было увеличить спрос на рыбу. Из отдельных пород рыбы в памятниках древней эпохи упоминаются короп (каarp), карась, линь, осетр. Обычным способом ловли рыбы был ез (или кол) — река перегораживалась перегородкой из прутьев и кольев с вершами, куда загонялась рыба. Ловили рыбу также неводом. Была в ходу и ловля удочкой.

Наряду с речными следует упомянуть о морских промыслах, хотя в этот период русский народ имел лишь ограниченный доступ к морям. От Черного и Азовского морей русских скоро оттеснили, к морю Хвалискому (Каспийскому) русские проникали лишь во время кратковременных набегов X—XI веков, Балтийского моря русские поселения едва касались (на побережье Финского залива). Зато уже и в этот период начали развиваться промыслы на Студеном море (Ледовитом океане). Рыбная ловля на Ледовитом океане имела в этот период лишь местное значение, но добыча моржовых клыков (рыбьего зуба) уже начинала играть роль в новгородской торговле. «Рыбьим зубом» наряду с мехами дарил в 1160 году Ростислав Святослава. В середине XV века в Новгород с Печоры привозили не только рыбий зуб, но также китовое и моржовое сало.

Невозможно учесть хотя бы в приблизительных цифрах итоги добычи зверей, птиц, рыбы и пр. на всем пространстве тогдашней Руси. Одно можно сказать, что добыча эта

должна была быть колоссальна, так как помимо местного и домашнего потребления большие количества звериных шкур, рыбьего зуба, воска и меда вывозились к соседним народам.

Следует иметь в виду, что, хотя количество населения Древней Руси было более чем в десять раз меньше, чем количество населения на той же территории к концу XIX века, большая пропорция населения занималась лесными и степными промыслами, а животные богатства страны были настолько поразительны, что даже при примитивных технических средствах общий итог улова и добычи должен был быть весьма внушителен.

§ 3. Земледелие и скотоводство.

Садоводство и огородничество

С конца XVIII века основной житницей России является черноземный юг России³². Этот чернозем мог в древнюю эпоху быть использован лишь в малой степени из-за неблагоприятных политических условий — сперва это были набеги кочевников (печенежский и половецкий периоды), затем постоянная власть кочевников (монгольский период), не допускавшая распаивания степи (впрочем, существовавшие пашни не всегда уничтожались). Земледелие должно было поэтому, как уже отмечалось выше, жаться в лесостепной полосе под защитой укрепленных рубежей (которые начал строить еще Владимир Святой), а также прямо вклиниваться в лесную зону.

Уже в X веке у древлян — живших в пределах лесной зоны — были нивы, как видно по летописному рассказу о княгине Ольге. В дальнейшем, по мере усиливавшейся колонизации лесных пространств как Верхнего Поднепровья, так и Верхнего Поволжья, земледелие все более проникало в лес. Колонизация шла как по почину крупных земельных собственников (князей, бояр, монастырей), так и крестьянским самотеком.

В лесу выжигались и расчищались поляны, пригодные для пашни. Когда земля истощалась, земледелец часто по-

двигался дальше в глубь леса. Иногда же расчищенное место прочно усваивалось для земледелия. История многих монастырей Северной Руси хорошо обрисовывает такое превращение лесной тайги в сельскохозяйственное поселение.

В лесной глуши отшельником поселился преподобный Сергей Радонежский, но к концу жизни его на месте уединенной лесной кельи уже стоял монастырь, окруженный пашнями. Взгляните на миниатюру одного из списков жития св. Сергия, где наглядно изображен рост обители³³. На первом плане этой миниатюры поселенцы вырубают лес и складывают лесные материалы у самых стен монастыря. В левом верхнем углу миниатюры плотники рубят и тешут доски и строят новые здания. В правом верхнем углу миниатюры поселенец сеет зерна на росчисти, а немного ниже изображен уже пышный всход злаков.

С течением времени расчищенные участки леса прочнее осваивались для пашни. От подсечной системы земледелия постепенно переходили к лядиной системе с распределением распаханной площади на три поля (два под злаками и третье под паром). Если в степном хозяйстве основными хлебными злаками были просо, полба, пшеница, то в лесной Руси на расчищенных участках сеяли преимущественно рожь, овес, ячмень. В трехпольный оборот — установившийся к XV веку — вводились только хлебные злаки. Торговые и технические растения (горох, чечевица, конопля, лен), а также корнеплоды, по-видимому, не входили в состав пашенных полей, а сеялись отдельным клином.

Урожай в целинной степи, а также на лесных лядах при подсечной системе достигали иногда баснословной высоты (сам-30 и даже больше). Однако с истощением земли урожайность быстро падала, и средняя урожайность в XV—XVI веках была разве немного выше урожайности конца XIX — начала XX веков.

Из сельскохозяйственных орудий известны плуг, соха (рало), борона, коса, серп. Пахали обычно на лошадях. Владимир Мономах говорил на княжеском снеме (съезде) 1107 года: «Но се дивно ми, братье, оже смердов жалуете и их коний, а сего не промышляюще, оже на весну начнет смерд тот ора-

ти лошадью тою, и приехав половчин... поймет лошадь ту... и гумно его зажжет»³⁴ (Лаврентьевская летопись, 1111 год). В Южной и Юго-Западной Руси для пахоты употреблялись, впрочем, издавна и волю.

Хлеб, как и в более поздние времена, складывался сперва в копны, затем свозился на гумно и складывался в скирды или в стога. Для просушки хлеба перед молотьбой были овины. Молотили цепами. Обмолоченный хлеб хранился в ямах и в клетях. Чтобы дать представление о кругообороте сельскохозяйственных работ средневековой Руси, приводим выдержку из грамоты митрополита Киприана 1392 года: «Большим людем из монастырских сел... игумнов жеребей весь ролюи орать възгоном, и сеяти, и пожати, и свезти... а пешеходцам из сел к празднику рожь молоти и хлебы печи... на семя рожь молотити».

Любопытные изображения различных сельскохозяйственных работ Древней Руси можно найти в раннемосковских миниатюрах. Пахота хорошо изображена на одной из миниатюр того же жития св. Сергия, которое выше было уже упомянуто. Пахарь («орач») в онучах и лаптях пашет трехлемешной сохой; соху везут три лошади: одна в кореннике, запряжка дугою и две впереди на постромках. Посев изображается в одной из миниатюр «Хронографа», иллюстрирующей историю Исаака. Исаак сеет вместе с одним из своих рабов. Оба держат коробье или лукошко в левой руке, а правой сеют. Другой раб подносит коробье с зерном. Еще один раб в отдалении развязывает стоящие на поле мешки с зерном и наполняет коробья.

Две другие миниатюры из той же истории Исаака изображают жатву ячменного поля (серпами) и молотьбу (цепами).

Что касается форм землевладения и организации хозяйства, то нужно отметить существование в Древней Руси как крупных хозяйств — княжеских, боярских, купеческих и монастырских, — так и мелких единоличных хозяйств. Общинного землепользования Древняя Русь, по-видимому, не знала. Так называемые «черные земли», принадлежавшие городским и сельским общинам, служили лишь фон-

дом, из которого брали себе участки в пользование отдельные лица, принадлежавшие к общинам.

При обилии свободной земли первоначальное освоение ее принадлежало обычно заемщику — первому, вложившему свой труд или капитал (в виде труда зависимых людей). Границы земли часто определялись пределами обработки («куда плуг, коса и топор ходили»). Земли, обработанные или заселенные рабочими руками, делались уже собственностью первоначального заемщика и затем переходили путем наследования или покупки. Границы означались межами или гранями.

О размерах княжеских владений можно судить по вкладам в монастыри некоторых князей. Так, князь Ярополк Изяславич «вда всю жизнь (имение) свою, Небльскую волость и Деревскую и Лучскую и около Киева» в Печерский монастырь (Ипатьевская летопись, 1158 год). Владимиро-Суздальский князь Андрей Боголюбский дал (в 1158 году) владимирской церкви имени много: «свободы купленные и с даньми и села лепшия» (Лавр.). Иван Калита в своей духовной перечисляет села и деревни, которые он оставляет своим сыновьям и вдове. Западнорусские князья и в киевский, и в литовский период также оставляли своим наследникам большие земельные владения.

«Села боярские» упоминаются неоднократно в древнерусских летописях и других современных источниках. Были земельные владения и у купцов. В 1371 году нижегородский купец Тарас Петров «купил себе вотчину Великого князя за Кудьюмою рекою, на р. Сундоваке 5 сел: Садово, Ряховское, Запрудное, Заляпчиково, да Мухарни». Крупными землевладельцами Древней Руси, так же как европейского Средневековья, были монастыри³⁵. Уже в киевскую эпоху некоторые монастыри, как Киево-Печерский, имели большие земельные владения. В XIV–XV веках быстро растет монастырское землевладение в Северо-Восточной Руси (Троице-Сергиев монастырь, Кирилло-Белозерский, Соловецкий и другие). Крупными землевладельцами были в литовскую эпоху и монастыри Руси Западной и Юго-Западной.

На больших земельных вотчинах Древней Руси прямо на хозяина обрабатывалась обычно лишь часть земли. Для этого применялся труд посаженных на землю холопов или зависимых людей (полусвободных — см. о них в следующей главе). В большинстве случаев, однако, боярская запашка не была значительна. В организационно-хозяйственном отношении крупная земельная вотчина представляла собою лишь совокупность мелких крестьянских хозяйств, распашавших боярскую землю и плативших исполу.

Трудно учесть объем сельскохозяйственного производства средневековой Руси. Можно сказать лишь, что в Северной (Новгородской) Руси населению своего хлеба не хватало и оно зависело от привоза хлеба «снизу». Что касается вывоза сельскохозяйственных продуктов за пределы Руси, то в первоначальной торговле с греками хлеб не играл большой роли. Позже, однако, пшеница шла по Черному морю в Царьград. Когда в середине XIV века литовский великий князь Ольгерд, объединив Западную Русь, утвердился на короткое время на Черном море, русская пшеница стала усиленно вывозиться в Константинополь. Хлеб играл известную роль и в вывозной балтийской торговле, хотя главными предметами новгородского сельскохозяйственного отпуса были лен и пенька.

Переходим теперь к скотоводству, которое, наряду с земледелием, играло немаловажную роль в хозяйстве Древней Руси. Разводились лошади, рогатый скот, овцы, козы, свиньи. От половцев, а позже от татар русские отбивали иногда верблюдов, но нет указаний, что верблюд разводился на Руси регулярно. В отдельных русских хозяйствах, преимущественно княжеских, табуны и стада были иногда довольно значительны. Из Ипатьевской летописи известно, что в 1145 году князя Давыдовичи «заграбита Игорева и Святослава стада в лесе по Рахни, кобыл стадных 3000, а конь 1000». В Киеве устраивались иногда конные ристалища. Скаковые лошади назывались фарями³⁶.

У московских князей XIV века были довольно большие конские заводы. В духовной великого князя Ивана (1356 год) говорится, между прочим: «А что моих стад коневых и же-

ребцов и кобылиц, а то сыну моему князю Дмитрию и сыну моему князю Ивану, то им наполю (то есть пополам, поровну)». Западнорусские князья и паны XIV—XV веков владели также большими табунами и стадами. В общем, однако, количество лошадей и скота в Древней Руси не было достаточно для потребностей населения и потому должно было постоянно пополняться со степного юго-востока путем торговли, а подчас и грабежа.

Кони шли на Русь также из Угрии (Венгрии), которая славилась ими. Угорские иноходцы упоминаются в «Слове о полку Игореве». В XIV веке была довольно развита конская торговля с татарами, и доход от пошлин должен был быть довольно значителен. «Пятно ногайское» было как статья, очевидно доходная, дано Троицкому монастырю в 1389 году.

Скот составлял видную статью и внутренней торговли. Из «Русской Правды» видно, что и кони, и иной скот продавались на торгу (III, 28—29)³⁷. В одном позднем списке «Русской Правды» вставлен примерный расчет приплода, который нормально предполагался в скотоводческом хозяйстве (III, 47 слл.). В Псковской судной грамоте постановлено — по продаже коровы телят не требовать (ст. 118). В больших скотоводческих хозяйствах были особые специалисты, заведовавшие скотом. В княжеских хозяйствах упоминаются конюхи, коневники, овчары. «Старейшина конюхам», «конюх старый», позже превратившийся в «боярина конюшего», был весьма важным лицом в княжеской администрации.

Садоводство и огородничество играли в хозяйстве Древней Руси сравнительно второстепенную роль. Можно предполагать, что яблочные и вишневые сады разводились в Южной России еще с иранских времен. Общение с Византией должно было дать толчок садоводству. В 907 году Олег вез из Царьграда на Русь «овощи» (фрукты) как особо ценную добычу (наряду с винами, золотом и тканями). Позже христианские монастыри на Руси являлись проводниками садоводческой культуры. Известно, что печерские монахи занимались садоводством. Из Печерского Пате-

рика известно, что некий монах Григорий «имеяше... мал огородец, идеже зелия сеяше и древа плодовита». Известно о существовании садов в Смоленске в XII–XIII веках (житие преподобного Авраамия Смоленского). В 1259 году князь Даниил посадил в городе Холме «сад красен». О садах в Новгороде и Москве упоминается в более поздних источниках (XV век), но, конечно, сады там были и раньше. Все же, вероятно, садоводство в Южной Руси было более развито, чем в Северной. Итальянский путешественник Иоасафат Барбаро, бывший в Москве в 1439 году, жаловался, что «плодов здесь никаких нет, кроме небольшого количества яблоков и орехов».

Что касается огородов и огородных растений, то здесь также нужно отметить культурную роль монастырей. Не только упомянутый монах Григорий, но и другие печерские монахи еще в XI веке «в ограде копаху зелейнаго ради растения». Огородничество составляло важную отрасль монастырского хозяйства и в Северной Руси. Одна из миниатюр упоминавшегося уже жития св. Сергия Радонежского изображает работу святого в огороде при монастыре³⁸. Св. Сергий вскапывает землю железным заступом. Два богомольца (очевидно, из соседних крестьян) смотрят на него с почти удивлением. Огород, видимо, очень обширный, окружен крепким бревенчатым забором.

Огороды были и при многих городах Древней Руси. Огородники упоминаются иногда в числе городского или пригородного населения. Огороды обыкновенно разводились «в болоньи», на низменных местах близ рек. Огородники продавали выращенные ими овощи на городском торгу. В числе огородных овощей упоминаются репа, капуста, тыква, бобы, чеснок, лук. Около Киева сеяли мак; в Новгородской земле разводили хмель.

§ 4. Ремесла и обрабатывающая промышленность

В наши дни, говоря о промышленности, мы привыкли разделять промышленность на тяжелую и легкую, относя к первой главным образом металлургию и машино-

строение, а ко второй — промышленность текстильную, кожевенную, пищевую и т. д. Первая, то есть тяжелая, промышленность играет преобладающую роль в современной экономике.

В Средние века не было вообще фабричной промышленности в нашем смысле, а могло быть лишь в большей или меньшей степени организованное ремесло (рукоделие), но, кроме того, добывание металлов и производство из них металлических изделий далеко не играло в тогдашней экономике той первостепенной роли, какую играет это производство ныне. Тем не менее в видах удобства единого плана, для большей возможности сопоставления хозяйства Руси древней с Россией новой, мы примем для обзора древнерусской промышленной и ремесленной деятельности схему, облегчающую сравнение с последующими периодами. Порядок нашего обзора будет поэтому такой:

А. Добыча металлов и производство металлических изделий.

Б. Строительная деятельность.

В. Производство и обработка тканей.

Г. меховое и кожевенное дело.

Д. Пищевая промышленность.

Добыча металлов и металлическое производство

Территория Древней Руси богата железом. Правда, по состоянию техники сколько-нибудь глубоко лежащие руды не могли обрабатываться. К услугам населения Древней Руси были, однако, огромные пространства поверхностных, большей частью болотных и озерных, железных месторождений. Эти легкоплавкие руды весьма удобны для обработки. Русские болотные руды имели основное значение в русской промышленности вплоть до XVII—XVIII веков³⁹. В некоторых местностях, как, например, в Устюжне Железнопольской, окрестное население использовало эти руды еще в XIX веке. Крестьяне собирали беловатую землицу, пережигали в ступках горна, после чего она превращалась в красно-багровую, потом в темно-синий крепкий металл.

Разработки поверхностных железистых руд производились почти во всех областях Древней Руси — в Средней России (б. Московская губерния), на Донце (б. Харьковская), в верхнем и среднем правобережье Днестра, на Волыни, в Северном Поволжье (б. Казанская), на севере (Новгородская область). Железный шлак, куски железной руды, остатки тиглей, кузнечные молоты обнаружены были археологическими раскопками многих древнерусских курганов и поселений времени VIII—X веков.

Любопытно известие Начальной Летописи об ответе, данном полянами хазарам на требование дани: «сдумавше же поляне и власта от дыма меч» (Лавр., л. 6). Мечи эти, вероятно, полянами и выковывались из местной руды. В том, что поляне предлагали хазарам в виде дани продукты своего железного производства, нет ничего удивительного⁴⁰.

Так, позже в Новгородской области сельское население платило оброк крицами железа, а иногда железными изделиями — сковородами, топорами и пр.

В Новгородских писцовых книгах конца XV — начала XVI века много указаний на развитое железное производство (особенно в Копорском и Ямском уездах). «Домницы» были ценными хозяйственными угодьями этой эпохи. Развилось это производство, конечно, в гораздо более раннее время. Новгородские «домники» копали руду иногда на своей земле, иногда же арендовали участки земли, богатые рудой, и в этом случае вносили владельцу земли арендную плату частью деньгами, частью железом. Железо мерилось прутами и крицами. В крице было, вероятно, около 2 пудов железа, а на прут считалось 10 криц. Железные разработки имелись и на крайнем севере новгородских владений. Так, в одной из новгородских купчих XIV—XV веков упоминается «два сугреба⁴¹ железа в Неноксе».

Богатство железной рудой ставило древнерусскую промышленность в весьма благоприятное положение. Зато сколько-нибудь значительных месторождений других металлов на территории Древней Руси не было. В лучшем положении была Древняя Русь лишь относительно соли. Соль добывалась издревле в Карпатских горах, то есть в Галицкой

области. Галич снабжал солью и Киевщину. Когда в усобице, последовавшей за ослеплением Василька (1097 год), западнорусские князья «не пустиша гостей (купцов) из Галича... (то) и не бысть соли во всей Русской земли». Вероятно, из-за соляных варниц получил свое название и Галич-Костромской. Соляные варницы там известны с XIV века. Можно думать, что именно соль и соблазнила Ивана Калиту на покупку Галича.

Соль вываривалась также у моря в Крыму и в Северном Поморье. В Уставной грамоте князя Святослава Ольговича, данной новгородскому Софийскому собору (1137 год), доход с соляных варниц определяется «на мори от чрена и от салги по пузу»⁴². К XV веку соляная промышленность Древней Руси получила весьма широкое развитие.

При крайней бедности страны другими, помимо железа, металлами русские должны были зависеть от привоза металлов. Ввозилось, впрочем, даже и железо (более крепкие сорта из Скандинавии).

Ганзейские купцы доставляли в Новгород сталь, медь, свинец, олово. Лучшего качества сталь — харалуг (черная сталь) — доставлялась с юго-востока (мечи и копья «харалужные» упоминаются в «Слове о полку Игореве»). Киев, Чернигов, Владимир-Суздальский были в этом отношении в более выгодном положении, чем Новгород. Киев мог получать из Чехии серебро, а через Чехию или немецкие земли медь из альпийских рудников. Медь могла доставляться и с Востока (самородная медь добывалась издревле в горах Урала, Алтая, в нынешнем Казахстане)⁴³.

Серебро также шло на Русь с Урала и из-за Урала. Сведения о «закамском серебре» и возможность покупки или конфискации серебра у приуральских племен играли большую роль в новгородской, а позже московской политике, и на Камень издавна посылались целые экспедиции или отдельные военно-торговые отряды. Золото привозилось на Русь преимущественно из Византии (иногда уплачивалось русским князьям в виде субсидии). Много золота в виде слитков, монеты и изделий должно было добываться путем военного грабежа — во время ранних Каспийских

и Дунайских походов, во время набегов на половецкие степи и волжских болгар. Кое-что могло получаться с Востока и путем торгового обмена (через тех же половцев и волжских болгар).

При наличии собственных железных руд и благодаря привозу других металлов и металлических изделий на Руси могли образовываться довольно значительные, в масштабе того времени, запасы металлов — по-видимому, главным образом на княжеских складах. Образование резервных фондов металла позволяло производить в известных размерах также и экспорт металлических изделий для нужд торговли. Известен передаваемый в Начальной Летописи под 1096 годом рассказ новгородца Гюряты Роговича, посылавшего отрока своего в землю Югорскую, и сказала югра отроку, будто ходят они к горам непроходимым, в которых сидят люди, «и в горе той просечено оконце мало, но кажут на железо и помавают рукою, просяще железо, и аще кто даст им нож ли, секиру ли, дают скорою (меха) противу» (Лавр.).

Из орудий обработки металлов и кузнечного производства в Древней Руси употреблялись наковальня, молот, клещи. Предметы выработки металлических производств были следующие: а) орудия производства, б) оружие, в) предметы культа, г) домашняя утварь и украшения.

а) Сюда относятся, прежде всего, земледельческие орудия; рало (плуг), лемехи, коса, серп, а равно и всякие другие орудия, как-то: топоры, ножи, заступы, также и для специальных ремесел — плотниче-столярного (тесло, долото и пр.); кузнечного (наковальня, молот, клещи); солеваренного (салги и црены).

б) На Руси выделялись различные предметы вооружения, как-то: мечи, сабли, копья, сулицы, стрелы, также и оборонительное оружие (шиты, шлемы, броня). Однако знатоки предпочитали оружие заграничное. Употреблялось отчасти и оружие западное — сулицы лягцкие, шелома латинские, — но более всего восточное оружие: копия аравитские, шелома сванские, кончары, сабли и пр. Князь Даниил Галицкий снабдил свои лучшие полки одеждой и вооружениями монгольского образца⁴⁴.

в) Важной отраслью производства предметов культа было литейное дело — литье колоколов. Колокола Древней Руси были невелики. В 1342 году новгородский владыка Василий призвал мастера из Москвы, чтобы отлить «колокол велик» к Св. Софии. Этот колокол весил, однако, не более ста пудов⁴⁵.

Большинство предметов культа и украшения церковей выделялось серебряниками, то есть серебряных и золотых дел мастерами. Известно, что украшены были многие из древнерусских церковей с чрезвычайной роскошью.

г) Что касается, наконец, предметов домашней утвари и украшения домов, то здесь можно отметить изделия как из железа и меди (посуда), так и из золота и серебра (всевозможные украшения). Последние, конечно, заказывались главным образом в богатые дома (князей, бояр, купцов).

Ювелирное, финифтяное и сканное дело достигло в Древней Руси высокой степени развития. Для украшения одежд употреблялся часто жемчуг. Из драгоценных камней упоминаются сердолик, аспид, лал, алмаз.

Строительное дело

Территория Древней Руси богата была лесом. Припомним, что хотя сплошные леса занимали огромные пространства Западной и Северной Руси, но и в степной зоне имелись лесные острова, большей частью ныне исчезнувшие. Однако и камнем Древняя Русь не была уж так бедна, как это иногда утверждается. Гранит и булыжник были к услугам зодчего в Северной Руси. Богаты были камнем Новгород и Псков. Залежи более мягкого известкового камня разрабатывались по крутым берегам Днепра, Донца и Волги. Выходы «белого камня» имеются близ Москвы и Владимира. Для киевского строительства имел большое значение шифер из окрестностей Овруча.

Первоначальные постройки восточных славян были деревянные. Но конечно, уже в иранскую эпоху славяне должны были познакомиться с каменными постройками греков на Черноморском побережье. В сколько-нибудь широком

масштабе камень, однако, стал употребляться на Руси лишь со времени принятия христианства.

В X—XI веках воздвигнуты были каменные храмы во многих городах не только Южной Руси — в Киеве, Чернигове, Тмутаракани и т. д., но также и на севере — в Новгороде. Несколько позже каменное зодчество началось в Волжско-Окском крае. Наряду с камнем с раннего времени под византийским влиянием употреблялся и кирпич. На сооружение церквей шел дикий или обтесанный плитняк и булыжник, а по местам кирпич, и все это заливалось вязкой известью, смешанной с мелко набитым щебнем. Колонны в церквях были частью мраморные, частью кирпичные. Полы делались из каменных плит или кафлей. При постройке Дмитриевского собора во Владимире (1194—1197) выведены были из известкового белого камня две параллельных стены, а промежуток между ними заполнен булыжником, обломками белого камня и залит известковым раствором с примесью ячменной или ржаной мякины. Этот цемент так окреп от времени, что оказался тверже самой стены.

Для жилых построек камень употреблялся в Древней Руси в гораздо более ограниченных размерах, чем для церквей. Первоначально лишь церковь и князья могли себе позволить каменные палаты. Позже начали строить себе каменные дома купцы и бояре. В Киеве еще в X веке был «терем камен» княжеский. В Печерском монастыре в XI веке упоминается «трапезица каменная». Каменные палаты воздвиг себе суздальско-владимирский князь Андрей Боголюбский (XII век). В XIV веке были каменные постройки у купцов и бояр в Новгороде и Пскове. В Москве жилые каменные палаты стали воздвигаться лишь в XV веке.

Важной отраслью каменного строительства было строительство крепостное. Камень и кирпич применялись для башен, ворот и укреплений Киева в XI веке. Первоначальный каменный детинец в Новгороде построен также в XI веке (возобновлен в 1302 году). Постройка каменного Кремля в Москве относится лишь к 1367 году. В XV веке уже многие русские города и монастыри обнеслись каменными или кирпичными стенами. Техника древнерусского каменщи-

чества была не особенно сложной. Камни разбивались и обтесывались. Известь и вяжущие составы разводились в деревянных ящиках.

Накладывалась известь лопаточками⁴⁶.

Строили быстро, но не всегда прочно. В летописях занесено несколько случаев обвалов недавно построенных церквей.

Несмотря на постепенный рост каменного зодчества, деревянное строительство в Древней Руси решительно преобладало. Более просторные деревянные жилые дома (преимущественно князей, бояр, купцов) назывались хоромами. Большинство населения жило в избах⁴⁷. К избе сенями обычно присоединялась клеть — летнее, не отапливаемое помещение, служившее обычно и кладовой. Самые сени в летнее время служили часто приемной комнатой. Вокруг зажиточных домов и в монастырях ставились различные хозяйственные пристройки — хлебки, амбары, подклети, погребя, хлева для скота. Двор обносился тыном, или плетнем.

Из древесных строительных материалов в летописях упоминаются бревна, плахи, доски, тесницы, столпье, колья, брусья, жерди. Из плотничьих инструментов в ходу были топор, тесло⁴⁸, долото, сверло. Пила была известна и упоминается иногда в источниках (например, в «Слове о Небесных Силах» приписываемом Авраамии, XII век), но, по-видимому, применялась мало, а в Северо-Восточной Руси до XVII века совершенно не была распространена. Зато в обращении с топором русский человек достиг необыкновенной ловкости, употребляя топор и для грубой, и для более тонкой работы.

Были попытки применения механической силы к лесопильному делу. Можно думать, что тартак⁴⁹ Корунский приводился в движение силой порогов на реке Роси.

К плотничьему ремеслу примыкали столярное, бондарное и прочие виды более тонкой работы по дереву, которые были в Древней Руси очень развиты. Помимо деревянной мебели (столы, кровати, скамьи, стулья) выделялась самая разнообразная деревянная утварь и посуда. Упомянем здесь, кстати, и о гончарном и стеклянном производстве.

Горшечное производство развито было на Руси значительно, еще с иранских времен. Стеклянная посуда употреблялась редко; окна древнерусских зданий обычно были слюдяные и лишь в немногих церквях стеклянные, сначала — привозного стекла. Собственное стеклянное производство начало развиваться поздно, в XIV или XV веках.

Производство и обработка тканей

С незапамятных времен восточные славяне пряли лен и коноплю, ткали кросна и белили холст. Холст и полотно употреблялись для одежды («белые порты»), надобностей домашнего обихода (убрусы, полавочники, скатерти), церковного и религиозного обихода (полотняные антиминсы, покрывала, саваны), военных надобностей (шатры, знамена), судоходства (паруса). Из льна и пеньки готовили также веревки, канаты, паклю, сети для ловли птиц, рыболовные снасти. Полотняное производство в Древней Руси достигло высокой степени развития. Холст и полотно выделывались для разных надобностей различных сортов, как-то: яриг (грубая ряднина), толстина, частина, тончица. Более тонкие полотняные изделия обшивались часто кружевами.

Довольно развито было в Древней Руси и суконное и шерстяное производство. Суконные ткани шли на одежду, в особенности зимнюю, а также на шапки. Требовались шерстяные изделия и для дорожных надобностей (полсти). Походные шатры иногда делались из войлока или полсти («полстница»).

Конские «подклады» (попоны) также бывали войлочные. Таким образом, производство и шерстяных и льняных тканей обслуживало самые разнообразные нужды древнерусского населения, и потому объем производства должен был быть очень значителен. Ткани выделывались не только для потребностей отдельных хозяйств, но и для продажи на торгу.

Что касается шелковых тканей, Древняя Русь своего шелка не производила. Шелковые и золотые материи ввозились с Востока (атлас, камка, тафта, парча, объяр) или из Византии (аксамит, бархат).

Меховое и кожевенное дело

Обилие пушных зверей в русских лесах и степях обеспечивало Древнюю Русь запасами материала для меховых изделий. Меха шли главным образом на зимнюю и дорогую верхнюю одежду и предметы домашнего и дорожного обихода. Основным мехом Древней Руси была куница⁵⁰. Весьма ценился соболь. Арабский путешественник X века ибн-Фадлан видел, как русские надевали на покойника соболью шапку. Даниил Заточник (XIII век) упоминает собольи одеяла.

Иван Калита (XIV век) завещал одному из сыновей своих «бугай соболій». Горностаи шел на украшение одежды и головного убора. По свидетельству Рубрика⁵¹ (XIII век), русские женщины носили горностаевые платья или делали горностаевые опушки и накладки. Шубы делались также медвежьи, волчьи, барсовые, бобровые, беличьи. Более бедные употребляли овчину. Меха лисьи, песцовые, хорьковые также распространены были в торговле. Шлемы воинов иногда были волчьи или барсовые.

Важную отрасль древнерусского хозяйства составляло и кожевенное производство. Дубление кож распространено было исстари в Киеве и Новгороде. В известном летописном предании о посещении Новгорода апостолом Андреем и о новгородских банях рассказывается, что новгородцы поливали себя в бане «квасом усниянным», то есть таким, в котором отмачивались кожи и овчины. Предметами кожевенного промысла были обувь (сапоги, чоботы, черевья (черевики), башмаки), пояса (ремни), конская сбруя (узечки, седла), оружие и воинское снаряжение (сумки, колчаны, ремни; щиты часто обивались кожей), музыкальные инструменты (бубны, барабаны).

Пищевая промышленность

Пищевая промышленность как особая отрасль народного хозяйства была в Древней Руси развита слабо. Каждое отдельное хозяйство удовлетворяло свои нужды из продуктов, которые большей частью дома производились (сельское хозяйство) или добывались личными усилиями членов домо-

хозяйства (охота). В крупных хозяйствах, как монастырское или княжое, заготовка припасов и приготовление пищи были, впрочем, более сложной задачей и требовали труда специалистов.

В пище древнерусского человека мясо играло гораздо большую роль, чем впоследствии. Употреблялась говядина, баранина, иногда конина; мясо иногда солилось. Ели зайцев и разнообразную дичь. Потребление рыбы усилено было церковными правилами о постах. Икра упоминается с XII века, но, вероятно, употреблялась и ранее. Хлеб — пшеничный и ржаной, — конечно, и тогда был на Руси во всеобщем употреблении. Ели также овсяные кисели, горох. Употреблялись в пищу и яйца и молоко. Из молока приготавливались сыр и масло. Билось также постное масло из конопляного и льняного семени.

Распространенными напитками были квас, мед и пиво. Напитков не жалели. При освящении церкви в Василеве князь Владимир Мономах велел сварить 300 вар меду. Князь и бояре присылали в монастыри на утешение братии мед бочками. Владимир Святой велел развозить по Киеву для дряхлых и больных мед и квас. Меды бывали сладкие, пресные, пряные. После переvara в мед обычно всыпали хмель, отчего он приобретал особенную крепость. Пиво варилось с солодом и хмелем. Перегонная водка Древней Руси не была известна⁵².

Из съестных припасов многие служили предметом торговли, как хлеб, мука, напитки. Собственно, по отношению к изготовлению только этих припасов, продававшихся на рынке, и можно говорить о пищевой промышленности. Размол зерна производился в Древней Руси часто ручными жерновами, даже в крупных монастырских хозяйствах, как в Печерском монастыре, где каждому монаху давалось ежедневно зерно на размол. Святой же Феодосий ночью молот не только за себя, но и за других.

С XIII века в источниках упоминается о мельницах (млинах в Юго-Западной Руси). По ярлыку Менгу-Тимура (конец XIII века), принадлежащие церкви и духовенству мельницы освобождаются от пошлин и конфискации.

Великий князь Дмитрий Донской завещал своей княгине село на Яузе с мельницей (1389 год). Подольский князь Александр Кориатович дал в 1375 году Домишжанскому монастырю в Смотриче жалованную грамоту на млин с землей и угодьями.

Хлебопечение может быть также упомянуто как отрасль пищевой промысловой деятельности, работавшей иногда на рынок. В больших хозяйствах (княжеских, монастырских) были особые хлебни и печи. В упоминавшемся житии св. Сергия Радонежского одна из миниатюр изображает хлебопечение в Сергиевом монастыре⁵³.

Мукомольное и хлебное производства были в Древней Руси развиты недостаточно для накопления свободного излишка и запасов. Поэтому в случаях недорода в стране наступал голод (явление частое, впрочем, и в средневековой Европе). В особенности не обеспечено было положение Новгорода, зависевшего в большой степени от привозного хлеба.

Что касается заготовки напитков, то она производилась в большом масштабе в монастырях и на княжих дворах. Часть потреблялась немедленно, часть шла на продажу, но много хранилось в погребах впрок. В 1146 году князь Изяслав II захватил в Киеве двор изгнанного князя Святослава «и в погребах было 500 берковцев меду, а вина 80 корчаг». Постепенно развивался к услугам приезжающих — купцов и служащих — трактирный промысел. Корчемный сбор упоминается в грамоте князя Ростислава 1150 года.

Обратимся теперь к вопросу об организации древнерусских промыслов. Уже в довольно раннее время (в XI веке) на Руси существовали ремесленники-профессионалы. «Русская Правда» назначает за убийство ремесленника более высокую виру (12 гривен), чем за убийство смерда или холопа (5 гривен). Каждый промысел имел своих мастеров-специалистов, живших иногда в особой части города и составлявших артели. В порядке рассмотренных нами выше производств упомянем прежде всего кузнецов (ковалей), котельников (литейщики меди), серебряников. Плано Карпини⁵⁴ видел в 1245 году русского мастера Козьму при дво-

ре монгольского хана. Его работы, между прочим, был престол хана.

Плотническое ремесло было очень развито, и артели плотников были в некоторых больших городах, в частности в Новгороде. Воевода князя Святополка насмешливо называл всех вообще воинов новгородского ополчения плотниками (1016 год). Плотники различались по специальностям, как-то: мостники, городники (строители городских укреплений), мастера крестечные. Наряду с плотниками имелись в Древней Руси мастера-каменщики, работавшие, вероятно, также артелями. Подобно тому как новгородцев называли плотниками, владимирцев называли каменщиками.

Прочие ремесла, как производство одежды, предметов домашнего обихода и т. д., также предполагали существование специалистов-мастеров и мастериц, швцов, кружевниц и т. д. Все эти мастера и ремесленники работали иногда в одиночку, иногда артелями. Но кроме того, существовали и большие постоянные мастерские — зачатки будущей мануфактуры. Такие мастерские устраивались при больших монастырях, в княжих и боярских дворах. Известны мастерские гончарные, ткацкие, кружевные и т. д.

§ 5. Пути сообщения, служба связи

При огромных пространствах Руси пути сообщения всегда должны были играть особенно существенную роль во всей хозяйственной и культурной жизни русского народа. Но именно величина протяжения России представляла особые трудности для постройки сколько-нибудь широкой сети дорог. До введения паровой (а позже и моторной) тяги до половины XIX века пути сообщения на Руси оставались в весьма примитивном состоянии. Шоссейные дороги из камня и щебня начали у нас строить лишь в начале XIX века — следовательно, шоссейные дороги у нас стали вводиться почти одновременно с железными. Это представляет значительный контраст со странами, входившими в круг земель Римской империи, где сеть шоссейных дорог была построена еще римскими инженерами.

В числе причин, препятствовавших постройке дорог, была сравнительная бедность камнем основной территории Древней Руси (хотя, как мы видели, эту бедность не надо преувеличивать).

Следует, впрочем, иметь в виду, что некоторые дороги в Древней Руси, а в особенности в болотистых местах (гати) мостились деревом. Если мало дорог мостилось сплошь, то, во всяком случае, сообщение по дорогам поддерживалось постройкой мостов через реки. Серьезное значение имели причины климатические — тот факт, что, за исключением южных степей, большая часть территории Древней Руси одевалась (как и сейчас одевается) снежным покровом на сроки от двух (Киевщина) до девяти месяцев (Северное Поморье). С одной стороны, климатические контрасты между летом и зимой, осенняя и весенняя влажность делают затруднительным поддержание в порядке всякого искусственного пути. С другой стороны, всякий искусственный путь все равно почти половину или даже большую часть года на Руси занесен снегам и может служить для перевозки лишь в течение меньшей части года. Зимой же санный путь устанавливался — и устанавливается — естественно по всей почти территории Руси, и на половину или большую часть года передвижение, таким образом, вполне обеспечено. Разумеется, весенняя и осенняя распутица делала — а отчасти и до сих пор делает — не проездной большую часть территории Средней и Северной Руси.

Если в зимнюю пору Северная Русь, то в летнюю пору Южная Русь представляла на всем пространстве своих степей удобный естественный путь передвижения равно для торговых караванов — вьючных или колесных — или для воинских отрядов. Существенным вопросом была, однако, не только техническая сторона дела, а военно-политическая и полицейская — необходимость охраны дорог от нападений и набегов соседей. Киевские князья тратили немало усилий на охрану степных и поднепровского пути от кочевников (особенно в XII веке).

Если в Древней Руси не было — или почти не было — искусственных сухопутных дорог, то тем более велико было

значение русских рек, представлявших в своей совокупности почти непрерывную сеть сообщений по русским равнинам. Следует иметь в виду, что благодаря слабой вырубке лесов реки на Руси в древний период были полноводнее нынешних и представляли более удобства для перевозки людей и товаров. Навигационный период русских рек, разумеется, соответствовал приблизительно нынешнему. Волга свободна ото льда в верхних плесах в течение семи месяцев в году, в нижней части — до восьми с половиной. Средняя продолжительность навигационного периода по Северной Двине считается от 160 до 193 дней в году в разные года, по Западной Двине — 234 дня в году. Дон свободен ото льда около 250 дней в году. Среднее число дней навигации по Днепру считается 219 в верховьях и 265 внизу (Каховка).

Истоки Волги, Меты (Волхова-Невы), Северной и Западной Двины и Днепра весьма сближены (кроме Северной Двины, все названные реки берут начало на Валдайской возвышенности). Благодаря этому русские реки представляют почти связанную сеть путей. Сплошная искусственная связь их — путем каналов — дело гораздо более позднее времени (XVIII — начало XIX века). Но в древний период благодаря меньшим размерам судов и меньшей сложности их погрузки и разгрузки представлялась возможность перетаскивать самые суда — или товары с них — из одной речной системы в другую волоком.

Впрочем, некоторые попытки к улучшению водных путей производились и в древний период. На Стерженском каменном кресте 1133 года (хранящемся в Тверском музее) имеется надпись, гласящая о том, что в этом году Иванко Павлович «почал рыти реку» (Волгу при впадении ее в озеро Стержь). Во второй половине X века полоцкие князья озабочены были улучшением фарватера реки Западной Двины, памятником чего остались так называемые Борисовы Камни. Белозерский князь Глеб Василькович (умер в 1278 году) спрямил каналами излучины рек Сухоны и Вологды⁵⁵.

Главнейшие речные пути, пересекающие Западную Европу от моря до моря, следующие: 1) Балтийско-Беломорский и Волжско-Беломорский. Истоки Сухоны — Северной

Двины сближены с верховьями Шексны — Волги, а через Белое озеро и Вытегру с Онежским озером и Свирью — Невой. 2) Балтийско-Каспийский: Мста — Волхов — Нева истоками сближена с Тверцой — Волгой. 3) Балтийско-Черноморский в нескольких вариантах: а) Ловать — Волхов — Нева верховьями сближается с верховьями Западной Двины, а через нее с Березиной — Днепром; б) Западная Двина — Березина — Днепр; в) Вилия — Неман — Березина — Днепр; г) Неман — Припять — Днепр; д) Западный Буг — Висла — Припять — Днепр.

Плавание по Днепру в нижнем его течении было затруднено порогами, которые играли серьезную роль в русской истории, предоставляя возможность степнякам, а позже казакам преграждать дорогу днепровскому торговому судоходству. Длина пояса Днепровских порогов доходила почти до 100 километров — приблизительно от нынешнего Днепропетровска (Екатеринослав) до Запорожья (Александровск). Больших порогов девять⁵⁶.

Помимо указанных речных путей, соединяющих между собой моря, имеют большое значение (которое особенно возросло к XV—XVI векам) пути трансконтинентальные (Евразийская магистраль), соединяющие Евразию Западную (доуральскую) с Сибирью. Эти пути образуются восточными притоками Северной Двины и Волги в сближении их истоков с истоками притоков Оби и Иртыша. Верховья Вычегды (Северной Двины) сближаются в Северном Приуралье с верховьями Камы (Волги). В свою очередь, истоки восточных притоков Камы — Вишеры, Косьвы, Чусовой — находятся на недалеком расстоянии от истоков сибирских рек, стекающих с Уральских гор в восточном направлении, а именно Тобола — Иртыша (который, в свою очередь, является притоком Оби), — Лозьвы, Сосьвы, Туры, Пышмы, Исети.

Более южный вариант Евразийского магистрального речного пути дается верховьями притока Камы — Белой и ее притоками — Уфой и Аем. Верховья этих рек сближены с верховьями Миасса (притока Исети — Тобола — Иртыша).

Сверх этих путей трансконтинентального значения следует отметить наиболее важные речные пути областного значения (для средней и южной части доуральской России), а именно пути образуемые Окой (притоком Волги) и Доном. Западный приток Оки — Утра — связывает систему Оки с системой Днепра (через верховья самого Днепра и верховья Десны). Верховья самой Оки сближены с верховьями Сейма (притоком Десны), а через Шат — Упу также с верховьями Дона. Истоки северных притоков Дона (Воронеж, Ворона, Хопер) сближены с истоками притоков Оки — Цны и Мокши. Сам Дон восточней излучиною своею подходит на довольно близкое расстояние к западной излучине нижнего течения Волги (где ныне предполагается к постройке Волжско-Донской канал⁵⁷). Весьма важную роль в истории Древней Руси (докиевского и киевского периодов) играл Днепровско-Донской водный путь, образуемый сближением верховьев притока Десны, Сейма, с верховьями Оскола (притока Донца) и самого Донца.

Обращаемся теперь к сухопутным путям в Южной Руси древнего периода. В летописях XII века упоминаются три главных торговых пути: Греческий, Соляной и Залозный. Направления их точно не известны. Можно думать, что Греческий путь шел от южного рубежа Киевщины по правому берегу Днепра, срезая излучину порогов, до Днепровско-Бугского лимана. Соляной путь шел, вероятно, от южного рубежа Переяславщины по левому берегу Днепра и затем наперерез степи на Перекоп к Сивашам, где добывалась соль. Направление Залозного пути предполагается от южного рубежа Переяславщины наперерез через степь к устью Дона.

После монгольского завоевания южнорусские степи попали под власть Орды, и татары проторили по степям для своих надобностей дороги (шляхи) от Приазовья на Русь (до линии реки Оки). Татарские шляхи шли по водоразделам речных бассейнов — во избежание переправ через реки. Важнейших шляхов было три: 1) Муравский — по водоразделу между Днепром и Доном, огибая к западу течение Донца; 2) Изюмская саква — наперерез Донца (около Изюма) и далее к северу по водоразделу между Северским Донцом

и Осколом; 3) Кальмиусская саква — по водоразделу между Осколом и Доном.

Теперь нужно сказать о средствах передвижения Древней Руси. По степным тропам легкие военные отряды, а частью и торговые караваны шли верхами, кладь — вьюками. Большие армии везли обоз на телегах. Большие торговые караваны также везли кладь на телегах. Телега, по всей вероятности, заимствована была русскими от кочевников. Половецкие обозы состояли из телег. Вспомним «Слово о полку Игореве»: «а половци неготовыми дорогами побегоша к Дону Великому; крычат телеги полунощы, рци лебеди роспущени»⁵⁸. При древнерусских войсковых обозах и больших торговых караванах имелись мастера-колесники для починки возов. Характерно известие Начальной Летописи, что Олег под Царьградом велел сделать колеса, на которые он поставил вывощенные из моря корабли (907 год), — значит, летописец считал естественным, что при армии должно было иметься достаточное количество мастеров-колесников.

В Северной России для местного гужевого транспорта по лесным дорогам употреблялись двуколки. Зимой в Северной России ездили на санях. О санях княгини Ольги упоминается в Начальной Летописи. Сани иногда обшивались рогожей (пошсвом). В Новгороде богатые люди имели легкие санки для выезда⁵⁹.

Сани употреблялись не только зимой, а и летом — в ритуальных целях — для похорон. В «Сказании о Борисе и Глебе» отмечаются сани «красны», на которых перевозили мощи святых братьев. В санях ездили архиереи и другие духовные лица. В современных миниатюрах попадаются изображения саней⁶⁰.

Для водных сообщений — по рекам и морям в Древней Руси употреблялись суда разнообразных типов. На некоторые типы морских судов оказали, вероятно, влияние корабли викингов, с которыми Русь ознакомили варяги. Византийский император X века Константин Багрянородный называет русские ладьи «однодеревками» (моноксила). Такие ладьи действительно выдалбливались из одного дерева, для чего, конечно, выбирались из поднепровских лесов са-

мые большие деревья. В таких ладьях шли и военные отряды, и купеческие караваны вниз по Днепру и далее по Черному морю.

Для морского плавания выбирались самые большие ладьи; по рекам плавали и в меньших. Большие ладьи были набойные — на бортах у них набивались доски в несколько рядов. Помимо ладей в X веке упоминаются и корабли морского плавания, подымавшие 40 человек и более (до 100 человек). На корабле делался мост (палуба). Парус укреплялся на катарти (мачте) и раинах (реяx). Княжеские, а иногда и купеческие корабли отделялись особенно тщательно и украшались резьбой. Про корабль Соловья Будимировича в былине говорится, что у него

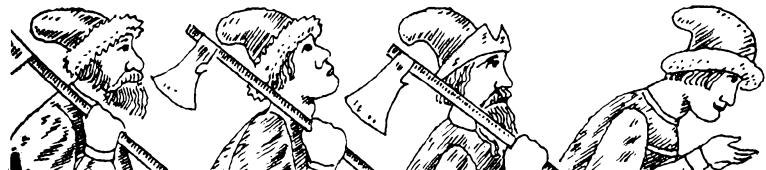
Нос, корма — по-туриному,
Бока взведены — по-звериному.

Корабли красились иногда в красную краску. «Червлен корабль» был у Васьки Буслаева.

Большое судно преимущественно речного плавания называлось насадом. Это была глубокая ладья с поднятыми носом и кормой. В таком насаде плыл от Смоленска вниз по Днепру князь Глеб в 1015 году. В 1149 году князь Изяслав II послал насад за князем Ростиславом и дружиной его. Новгородцы плавали в насадах и по Балтийскому морю⁶¹.

Упомянутый только что князь Изяслав II изобрел ладьи нового типа — «исхитрил Изяслав лодьи дивно: беша бо в них гребци невидимо, токмо весла видити, а человек бяшеть не видити; бяхуть бо лодьи покрыты досками, и борци стояще горе в бронях и стреляюще, а кормьника два беша, един на носе, а другый на корме, аможе хотяхуть, тамо поидяхуть, не обрашающе лодий».

Из других типов судов речного сообщения укажем здесь на струг, который по «Русской Правде» оценен вдвое дешевле набойной лодьи. С XIV века упоминаются ходившие на Волге грузовые суда — паузки. К тому же времени относятся упоминания о легких лодьях — ушкуях — на которых, новгородские удальцы совершали свои набеги. Каждый уш-

куй подымал до 30 человек. Для местного речного сообщения употреблялись также разного рода мелкие суда — челноки (долбленные из дерева), учаны (дошаники) и др. Для морского судоходства новгородцы пользовались типами судов, заимствованными, по-видимому, от шведов, как-то: лойва, шнека, буса.

Обратимся теперь к организации службы связи в Древней Руси. Регулярной почты Древняя Русь не знала. Вести посылались с оказиями — военными или торговыми караванами. В наиболее важных случаях отправлялись специальные курьеры.

После монгольского завоевания монголо-татары для своих нужд наладили в России ямы и ямскую службу по образцу прочих частей Монгольской империи. Из этого впоследствии развилась московская ямская служба, организация которой была в XVII веке использована для заведения почты по западному образцу.

То, что заменяло телеграф в Древней Руси — система маячных огней, — служило не для торговых целей, а для военно-стратегических (впрочем, как неоднократно мы отмечали и еще будем отмечать, война и торговля в ту эпоху были тесно связаны). Маячная служба в Древней Руси была, вероятно, организована по византийскому образцу. Византийская маячная служба описана подробно в сочинении императора Константина Багрянородного о царских походах. Главная магистраль византийской маячной службы проходила через Анатолию (Малую Азию) от сирийских рубежей до Константинополя.

Система маячных огней, подобная византийской, введена была, по-видимому, Владимиром Святым для своевременного получения известий о нападении кочевников на южные рубежи Киевщины и Переяславщины. Благодаря сравнительно близкому расстоянию степных рубежей от Киева наладить маячный телеграф было, конечно, гораздо проще, чем в Византийской империи. Можно думать, что огневые сигналы принимались на башне Софийского собора в Киеве. С течением времени, когда упало политическое значение Киева и маячная служба была забыта, все это по-

дало повод к возникновению легенды о том, будто Владимир имел на башне Софийского собора волшебное зеркало, с помощью которого он знал заранее о нападении кочевников. Легенда эта упоминается бывшим в Киеве в XVI веке путешественником Эриком Ласотой⁶².

Когда Московское княжество стало высвобождаться из-под власти хана и надо было думать о борьбе с татарскими набегами, система маячных огней вновь налажена была московским правительством. Развитие ее, однако, относится к периоду уже более позднему (XVI—XVII века).

§ 6. Торговля

Торговля занимала видное место в хозяйственной жизни Древней Руси. Большинство сведений о торговле в дошедших до нас источниках говорят о торговле внешней. Это не значит, однако, что внутренняя торговля была менее развита. Это значит только, что во внешней торговле были более заинтересованы высшие классы тогдашнего общества. С другой стороны, естественно, что во всех известиях иностранцев о России того времени на внешнюю торговлю России обращалось более внимания, чем на внутреннюю. Наконец, регулирование внешней торговли в виде торговых договоров с чужими странами было более насущным делом для правительственной власти, чем регулирование торговли внутренней, в которой почти все определялось обычаем.

Как мы уже указывали, территория Древней Руси была, если не считать железа, сравнительно бедна металлами; она, однако, была весьма богата многими другими дарами природы. Это ставило Русь в благоприятное положение в смысле торговли — и внутренней, и внешней. Следует иметь в виду также, что географическое положение Древней Руси было весьма благоприятно в отношении международной торговой конъюнктуры. Русь лежала на перекрестке великих торговых путей — из Балтийского моря в Каспийское и Черное моря. Русь была естественным посредником между Северной Европой, с одной стороны, и Средним и Ближним Востоком — с другой.

В VII веке на Ближнем и Среднем Востоке создалась арабская торговая империя (халифат), захватившая господство над путями как Южного и Восточного Средиземноморья, так и закаспийского Востока (Хорезм). Ожесточенные войны, которые велись арабами против византийцев и франков в VII—VIII веках, временно нарушили установленную со времен Римской империи мирную торговую жизнь Западного Средиземноморья. Европейская торговля с Востоком пошла кружным путем — через Балтийское море и систему русских речных путей в Прикаспий. Огромное количество кладов арабских монет VIII—IX веков, находимых в Северной России и Северной Европе, служит свидетелем интенсивности торговых сношений на этих путях.

На этой торговле возросли поволжские государства — Хазар и Болгар, на гребне этой же торговли явились на Русь варяги. Быстрый подъем Новгорода объясняется именно тем, что Новгород был «окном в Европу» для восточной торговли и окном на Восток для доброй половины Европы. Днепровский путь «из варяг в греки» получил значение несколько позже, в IX—X веках. В XI—XII веках выросло значение сухопутного торгового пути из Европы на Русь (с верховьев Дуная на Киев). Торговая роль Днепровского пути была в значительной степени подорвана разгромом Константинополя крестоносцами IV похода (1204 год). Почти одновременно с этим и Киев подвергся разгрому половцами (1203 год).

Значение Киева как узла международной торговли было затем надолго сорвано монгольским погромом (1240 год). Следует иметь в виду, что, подрывая сухопутные торговые пути из Поднепровья в Европу, монголы одновременно старались развить Черноморский путь. Крым сделался «окном в Средиземноморье» для всей евразийской империи монголов, а европейскую торговлю с Крымом монополизировали генуэзцы (так же как балтийскую торговлю — ганзейские немцы).

Впрочем, Западная Русь, войдя с XIV века в состав Литовского, а затем и Польского государств, восстановила до известной степени значение Днепровского торгового пути

и частью восстановила, а частью даже усилила прежние торговые связи со Средней Европой и прибалтийскими странами.

Что касается товарообмена древнерусской внешней торговли, то главными предметами вывоза из России были: меха, воск, кожи, сало, лен, конопля, холст, пакля, рыбий зуб. Пшеница и другие хлеба играли меньшую роль, чем в новейшие периоды, но все же должны быть упомянуты. В домонгольский, особенно дохристианский, период предметом вывоза из Руси (особенно на Левант) были рабы (челядь). В монгольское время торговля невольниками перешла в руки монголов, причем татары продавали главным образом пленников, захваченных во время набегов. Однако же невольники для вывоза из России также покупались восточными купцами на русских рынках (известен Холопий городок на Мологе, служивший одним из центров этой торговли).

Главными предметами ввоза из Византии и с Востока были предметы роскоши: дорогие ткани (византийские и восточные), шелк, ковры, дорогие сосуды и утварь, драгоценные камни, золото и серебро, вина, фрукты, пряности. Из половецких степей ввозили также коней и соль.

Отражения торговли Востока с Русью можно найти в знаменитой «Книге Царей» (Шахнаме) персидского поэта Фирдоуси (935—1021). Про одного из своих героев Фирдоуси говорит: «Сокровищам его и динарам не было числа», собраны они были «из Китая, Болгарии, из Рума (Византии) и Руси».

Когда Йездигерд был убит, тело его было умаслено благовониями, одето в золотой бархат сверх тонкого египетского полотна, а покрыто все было «темно-синим русским сукном».

Торговля с Востоком отразилась также на русских мерах веса. Русь заимствовала у арабов так называемый иракский фунт в 96 золотников⁶³.

Переходим теперь к русской торговле с Западом. Ганзейские купцы доставляли в Новгород сукна, тонкие полотна, металлические изделия, а также металлы в кусках и слитках (серебро, медь, олово, свинец), стекло, также и некоторые

съестные припасы — вино, пиво, сельдь, соль, а также иногда и муку (последнюю главным образом для местного новгородского рынка)⁶⁴.

Торговали русские купцы также товарами, шедшими транзитом с Востока в Европу и обратно.

Организация внешней торговли переживала различные стадии и была неодинакова в разных районах и разные времена. Крупную организующую роль во внешней торговле, особенно в домонгольские времена, играли князья. Киевский князь организовывал торговые судовые караваны для сплава товаров вниз по Днепру и далее по Черному морю в Византию. Описание этих караванов, данное византийским императором Константином VII в его книге «Об управлении империей», хорошо известно и приводится во многих учебниках и курсах русской истории, так что нам нет нужды приводить его здесь.

Киевские князья и в более позднее время (XII век) озабочивались судьбой торговых караванов, шедших в Византию.

В более позднее время русские князья не принимали такого руководящего участия в торговых караванах и других предприятиях внешней торговли, но, несомненно, почти все были в ней так или иначе заинтересованы. Князья брали на себя и заключение торговых договоров с иностранцами.

Древнейшие такие договоры заключены были с греками в X веке. Любопытны договоры суздальских князей с волжскими болгарами (например, договор Юрия II, 1230 год). Большое значение имел договор смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригой, Готландом и немецкими городами (1229 год). Несколько договоров заключил с немцами Новгород. Литовско-русские князья продолжали традиции киевских и смоленских. Еще Гедимин, а позже в особенности Витовт стремились обеспечить торговые интересы Западной Руси.

Торговые интересы играли значительную роль и в политике Орды. В первые времена монгольского завоевания на Русь нахлынула масса восточных («бесерменских») купцов, в особенности из Хорезма. К этому времени относится и освоение русским языком некоторых персидских торго-

вых терминов например пулы (в значении денег). Бесерменским купцам не удалось, однако, задавить русского купечества и русской торговли. Ханские ярлыки подчас служили к обеспечению интересов русской торговли как таковой (в особенности интересов новгородской балтийской торговли).

Купечество как особый класс уже в период первых киевских князей (IX—X века) играло значительную роль в русской внешней торговле, как это видно по договорам с греками X века. Купцы (гости) являлись также иногда агентами князя или пайщиками в княжом торговом караване. Купечество продолжает играть большую роль во внешней торговле и в более позднее время. Особенного расцвета достигает в XIII—XV веках новгородское купечество. Рост московского купечества в XIV веке связан с крымской торговлей (гости — сурожане).

Наряду с русскими людьми во внешней торговле принимают деятельное участие иностранные гости (купцы), частью оседающие в России для своих торговых дел. Таковы евреи, армяне, греки, колонии которых были в Киеве уже в XI веке. В монгольскую эпоху, как только что было упомянуто, на Русь приезжало много восточных купцов — хорезмийцы, персияне, татары.

В Западной Руси с XIII века князья начали призывать для поселения в городах немецких купцов. Получая привилегии корпоративного самоуправления («Магдебургское право»), немцы и евреи стали играть первенствующую роль в торговле Юго-Западной Руси XIV—XV веков. В Новгороде и в Смоленске были фактории немецких купцов. С развитием Ганзейского союза немцы стали ставить препятствия новгородским купцам к выезду за границу, стремясь монополизировать балтийскую торговлю. Это им в значительной степени удалось.

Обращаемся теперь к торговле внутренней. Развитие ее объяснялось как возникновением местных городских рынков, так и хозяйственными различиями между целыми областями. Торговая площадь (торг, торжище) являлась хозяйственным центром каждого сколько-нибудь значительного

города. Торг «снялся» (то есть начинался) ранним утром. На торг сходились местные жители и приезжали из округи «мужи с колы». Было шумно и людно: «слышах стук велик и крик, аки торги снимаются».

Мытники и весовщики собирали пошлину. Княжеские биричи «кликали сквозе торг» административные распоряжения. Совершались и регистрировались сделки всякого рода. В больших городах Древней Руси, как Киев, Новгород, Чернигов, Смоленск, Ростов, Галич, Рязань, позже Москва и Тверь, естественно, должен был совершаться значительный товарообмен между городским и окружным сельским населением, а равно и облегчаться торговый обмен с другими областями. Северу России не хватало своего хлеба — поэтому Новгород был в постоянной зависимости от Низа (Суздальской земли).

Сводя указания современных источников, можно сказать, что на торгах и в лавках различных древнерусских городов продавались кони, окот (коровы, овцы и т. д.), мясо, дичь, птица (гуси, утки и т. д.), рыба, мед, воск, ладан, зерно (пшеница, рожь, пшено, овес), мука, печеный хлеб, соль, хмель, овощи, сено, лен, лесной товар, дрова, горшечный товар, оружие, металлические изделия, платье, шапки, сука, меха.

Политическое раздробление Древней Руси в меньшей степени стесняло развитие торговли между отдельными областями страны, чем это естественно было бы предполагать. Были, конечно, случаи репрессий со стороны одного из враждующих князей против купцов другого князя или города. Так, например, в 1216 году Ярослав арестовал в Переяславле 150 новгородских купцов и заключил их в такой тесный погреб (тюрьму), что они задохнулись. Заключенные в другой тюрьме смоляне остались живы. В других случаях, однако, купцы продолжали торговлю и в период междоусобий. Торговые караваны с юго-востока нередко пропускались через военные заставы даже во время борьбы русских князей с половцами. После монгольского завоевания новгородцы добились себе грамоты от хана, чтобы купцам их гостить в Суз-

дальской земле «без рубежа». Зато монголы установили ряд своих таможен.

Купечество было организовано в различные корпорации. Одной из влиятельных новгородских корпораций было «Иванское сто». О «Магдебургском праве», способствовавшем организации купечества в Юго-Западной Руси, было уже выше сказано. В Москве рано выделились «гости» как высший разряд купечества, затем суконщики и сурожане.

§ 7. Деньги и кредит

Древняя Русь не знала единой денежной системы. До конца X века металлических денег на Руси не чеканилось. Употреблялась монета арабская, отчасти, вероятно, и византийская. В Северной Руси вместо денег издавна ходили меха — векша (белка), куна (куница), лисица. В степной полосе денежной единицей служил также скот. Киевские каны — Владимир и Ярослав — стали чеканить монету золотую и серебряную по византийским образцам. Преемники их, однако, не продолжали этого начинания. Таким образом, в XII веке Южная Русь опять своей чеканной металлической монеты не имела. Причиной этому отчасти могла быть дороговизна золота и серебра. Около 1000 года истощаются серебряные рудники Чехии. В то же время происходит серебряный кризис на Востоке.

Однако, благодаря тесным отношениям с Византией, в XI—XII веках на Руси должно было усиливаться обращение византийской монеты. Для внутреннего обращения меха до известной степени удовлетворяли значению разменной единицы.

В Новгороде довольно рано стало употребляться в роли денег серебро по весу⁶⁵.

Единицей служила гривна (72 золотника). Новгородские гривны представляли собой небольшие бруски серебра, иногда с чеканной надписью («гривна серебра»).

Разнообразие обращавшихся денег при наличии в обращении также и мехов требовало приведения денежно-го счета в какую-то общую систему. Такой условной систе-

мой был счет на куны. Во время «Русской Правды» на Руси считалось 20 ногат или 50 кун на гривну. Позже в различных торговых центрах Древней Руси — Киеве, Новгороде, Пскове, Смоленске, позже — Твери, Москве — денежный счет подвергся местным изменениям. В Новгороде в XIV веке стали считать 30 кун на гривну. Термин «ногата» подвергался различным толкованиям. Возможным представляется объяснение термина «ногата» от арабского «накт» — «разменная монета».

После монгольского завоевания введена была в обращение монета монгольских ханов Золотой Орды, чеканившаяся в Сарае и некоторых других городах Золотой Орды. Из золотоордынских денег на Руси обращалась, вероятно, преимущественно монета серебряная и медная. В XIV веке некоторые русские князья, принявшие на себя сбор монгольского «выхода» (дани), стали чеканить свою монету — также серебряную и медную. Известны деньги, или «пульп», новгородские, тверские, московские. Первый московский князь, начавший чеканить свою монету, был Дмитрий Донской.

Из двух татарских денег чеканилось три русских. 26 русских денег равнялись рублевой гривне, или рублю. Термин «рубль» принято толковать, как уменьшенная (разрубленная пополам) гривна.

Вероятнее, однако, производить термин «рубль» от индийского «рупия». В XIII—XIV веках, после татарского завоевания, на Русь наехало много восточных купцов, которые и могли занести этот термин. Правда, монета, известная под именем «рупия», стала чеканиться в Индии лишь со середины XVI века. Но самый термин «рупия» — древний, с корневым значением «слиток» (серебра)⁶⁶. Татары передавали русский термин «рубль» словом «сом», что именно и значит «слиток». По мнению профессора Р. П. Блэйка, турецкое слово «сом» может быть заимствовано из персидского «сим» («серебро»).

Следовательно, «рубль» первоначально — слиток серебра, то есть та же новгородская гривна. Впоследствии вес рубля был уменьшен вдвое. Согласно записи конца XV века, в Новгороде в XV веке применялся следующий расчет:

1 рубль (или гривна) серебра содержал 15 (с лишним) гривен денег, 30 (с лишним) ногат, 46 (с лишним) мордок, 108 кун, 216 денег, 295 (с лишним) векш.

На русских монетах XIV–XV веков на обороте ставилось часто имя монгольского хана арабскими литерами. На монетах московского великого князя Ивана имени хана уже не находим, но зато имя самого Ивана написано кроме русских литер также и арабскими. В Западной Руси XIV–XV веков помимо ханских монет обращалась также монета, битая польскими королями и великими князьями Литовскими.

Государственного казначейства как особого учреждения в княжествах Древней Руси не было. Княжеская казна была вместе с тем и государственною казною. Не было также ни государственного, ни частных банков. Купцы держали деньги обычно у себя дома в клетях или давали их на хранение в братскую церковь (купеческие корпорации сплачивались обычно вокруг определенной церкви) или в монастырь.

До известной степени роль банков играли разве лишь монастыри, но в кредитных операциях они были стеснены церковной доктриной о греховности роста (процента). Церковные проповедники выступали и против взимания роста частными лицами, но остановить ростовщичество церковь не имела возможности. О размере роста в Древней Руси в нашей ученой литературе существуют преувеличенные представления. Ссылаясь на статьи «Русской Правды» о «третьем росте» (III, 64), Ключевский, например, считает, что размер роста мог составлять до 50 процентов и только выше этого запрещено было брать. Мне кажется, однако, что статья о третьем росте не имеет отношения к определению размера процентов.

Размер процента ограничен другою статьей «Русской Правды», а именно III, 65: «аже кто емлет по 10 кун от лета на гривну, то того не отметати». Следовательно, запрещалось брать более 10 кун на гривну.

Считая, что на гривну в начале XII века полагалось 50 кун, получаем предельный размер процента — 20 процентов.

§ 8. Капитал, хозяйственное водительство, труд

Несмотря на значительное развитие торгового обмена в Древней Руси, основным фундаментом хозяйственной жизни этого периода все же следует признать добывающую промышленность — использование животных богатств страны, скотоводство и земледелие. Эти отрасли хозяйства представляли собою главный капитал страны, они же были основными статьями народного дохода.

Эти же отрасли хозяйства наряду с торговлей были источником образования наиболее мощных частных капиталов той эпохи. Меньшее значение в этом смысле имела промышленность (организация ремесленной деятельности).

Основной общественной группой, занявшей в этот период командующую позицию в отношении создания капиталов и руководства хозяйственной жизнью страны, были князья (род Владимира размножился с такой быстротой, что уже по отношению к началу XII века можно говорить о князьях как особом общественном классе). Наряду с князьями довольно быстро поднимается в хозяйственном отношении группа старших дружинников (бояр). В начале XIII века боярство в некоторых местностях (например, в Галичине) выступает чуть ли не на первый план.

Крупную роль в хозяйственной жизни Руси играло с ранней поры и купечество. Значение купечества ясно отражается в договоре русских с греками X века. Позже купечество местами отступает как бы на второй план, хотя в некоторых областях (например, в особенности в Новгороде) оно, наоборот, даже крепнет. В Новгороде — а отчасти и в других областях — купечество является вместе с тем и землевладельческим классом. Что касается монастырей и церковных домов, то хотя они далеко еще не достигли той хозяйственной мощности, как в последующую эпоху, однако все же их влияние в хозяйственной жизни начинает чувствоваться все больше с каждым столетием.

Капитал был, таким образом, как бы монополизирован в довольно тонком общественном слое. Именно этим, как

нам кажется, и объясняется тот парадокс, что, несмотря на несомненную интенсивность торгового оборота этой эпохи, капитал был сравнительно дорог⁶⁷. Группы, монополизировавшие капитал, в состоянии были диктовать свои условия тем, кто в капитале нуждался.

Хозяйственное водительство, инициатива и организация торговых и иных предприятий, принадлежало обладателям капитала. Сами капиталисты во многих случаях и были организаторами хозяйства. Однако в других случаях можно предполагать, что капиталисты пользовались для организации своих предприятий хозяйственными талантами кого-либо из подчиненных им людей.

Что касается мастеров, часть их была русскими уроженцами, часть — пришлые из-за рубежа. Рабочую силу доставляли люди как лично свободные, так и зависимые (полусвободные и холопы)⁶⁸. Среди ремесленников и рабочих имелся некоторый постоянный состав квалифицированных. Выше упоминалось уже об артелях плотников и каменщиков. Они работали часто не только в своем городе, но их вызывали для работы и в другие города и земли. Ремесленники и городские рабочие получали иногда довольно высокое вознаграждение за свой труд. В сказании о постройке церкви Св. Георгия в Киеве во второй четверти XI века говорится, что вначале трудно было найти рабочих, так как постройка была княжеская и рабочие боялись, что их заставят работать по наряду, а не за плату. Когда же князь Ярослав обещал, что будет платить по ногате в день, рабочих собралось множество.

Труд земледельческий, особенно женский, ценился значительно ниже. По «Русской Правде», оплата труда работницы в сельском хозяйстве исчислялась из расчета «по гривне на лето» (то есть в год), следовательно, около 8 рублей в год (III, 63).

Правда, здесь, вероятно, кроме платы предполагается известное довольствие натурой. Кроме того, здесь имеется в виду случай, близкий к закупничеству, то есть работа за ссуду, и в этом случае плата за труд исчислялась, очевидно, ниже нормальной.

§ 9. Народный доход

Сколько-нибудь точное определение народного дохода Древней Руси невозможно за отсутствием статистических данных. Несомненно, что большие хозяйства того времени — монастырские и княжеские — вели довольно точный учет доходам и расходам. Но записи эти не сохранились или сохранились в ничтожных отрывках.

Государственного кадастра земель или переписи населения домонгольская Русь не знала. Монголы ввели на Руси перепись населения как для целей податных, так и для определения контингента («числа») рекрут для их армий. Записей этих первых переписей не сохранилось. Впоследствии московские князья ввели кадастровые («писцовые») книги, пользуясь, вероятно, отчасти византийскими, но главным образом монгольскими образцами. В широком масштабе «письмо» было применено к новгородским владениям, доставшимся Москве в конце XV века. Часть этих писцовых книг сохранилась, но она относится уже собственно к более позднему периоду, чем нами сейчас рассматриваемый. В Западной Руси кадастр был введен по польскому образцу (причем, однако, некоторое влияние и здесь должны были иметь описи монгольские). Сколько-нибудь полно сохранившиеся описи Западной Руси относятся также к более позднему времени (XVI век).

Таким образом, всякая попытка хотя бы в самых общих чертах наметить народный доход Руси древнего периода может быть только гадательной.

Для определения народного дохода страны, на основе мыслей еще Адама Смита, принимаются во внимание следующие понятия:

1) «валовая продукция страны, охватывающая всю совокупность произведенных и воспроизведенных в течение года материальных ценностей»;

2) «чистая продукция, остающаяся от этой совокупности после вычета из нее той части продуктов, которая служит для воспроизводства материального капитала страны»;

3) «доход населения, слагающийся из чистой продукции страны, которая распределяется между лицами, участвующими в материальном производстве, и доходов лиц, участвующих в нематериальных профессиях»⁶⁹.

В приложении к Древней Руси ни один из этих трех признаков не может быть сколько-нибудь точно выяснен. Говоря в самых общих чертах, соотношение между первой и второй группой понятий (то есть валовой и чистой продукцией) в Древней Руси должно было быть совершенно иным, чем в России новой и новейшей. Иными словами, «часть продуктов, служащих для воспроизводства материального капитала страны» была меньше, чем в Новое время, благодаря отсутствию сложных машин. Таким образом, чистая продукция ближе подходила к валовой.

Что касается до распределения дохода населения, то благодаря тому, что большое число населения производило в первую очередь для собственного потребления, оно известным минимумом дохода (потребительной нормой) и было обеспечено (за исключением случаев стихийных бедствий, как неурожай, военное разорение, пожары и т. п.).

В смысле валовой продукции были в Древней Руси особенно важны следующие отрасли народного хозяйства:

- 1) Звероловство и рыболовство.
- 2) Земледелие.
- 3) Скотоводство.
- 4) Ремесла и промышленность.

По первому из этих четырех пунктов добыча значительно превышала потребности не только лиц и семей, занятых в этой области, но также и потребности внутреннего рынка, так что значительная часть добычи вывозилась на иностранный рынок. Земледелие обеспечивало потребительские нужды производителя в Южной и Западной России, но не могло обеспечить их в Северной (Новгородской) Руси. Хотя часть продуктов вывозилась и на внешний рынок, но зато Новгород должен был иногда даже покупать хлеб из-за границы. Скотоводство как отрасль народного хозяйства доставляло некоторый избыток, шедший даже и на внешний рынок (кожи). Впрочем, кони частью пригонялись на

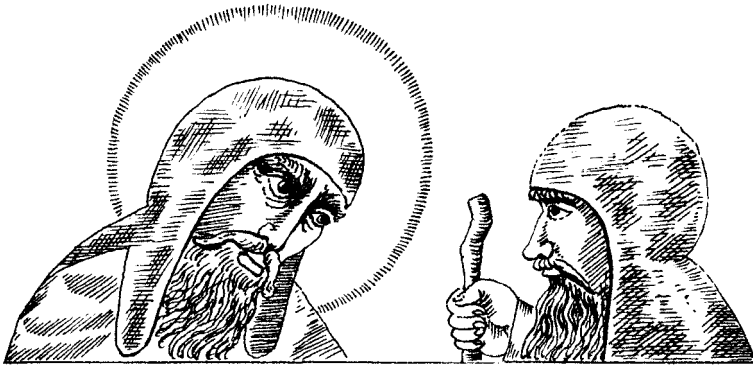
Русь из степи. Ремесла и промышленность мелкого кустарного типа обеспечивали по крайней мере потребительские нужды лиц, занятых в этой области. Более крупные мастерские (монастырские, княжеские) производили излишек, частью шедший на удовлетворение особо изысканного круга заказчиков на самой Руси (на обиход княжеский, позже царский), частью же и на внешний рынок.

Внешняя торговля обогащала главным образом высшие слои древнерусского общества. Военный грабеж и военная добыча обогащали как князей и дружинников, так отчасти и рядовых воинов, а позже казаков (добыча «дуванилась»).

Сводя воедино эти общие соображения, получаем следующие — неизбежно также весьма общие и весьма приблизительные — выводы:

1) Валовая продукция Древней Руси по некоторым отраслям народного хозяйства была весьма значительна.

2) Чистая продукция Древней Руси в состоянии была обеспечить потребительские нужды главной массы населения, а также и притязания на известную роскошь меньшинства населения.

§ 1. Семейно-родовое начало в Древней Руси

Историческим основанием древнерусского общественного уклада был родовой или семейно-родовой быт. Родовая, или, вернее, семейно-родовая, община — та основная ячейка, из которой вырос общественный союз Древней Руси. Ячейка эта сложилась, конечно, еще до расселения восточных или русских славян по Западной Евразии.

Родовой быт не являлся характерным только для славянских народов. Через стадию родового быта прошли и другие арийские народы, например германцы, в том числе, конечно, и готы, завладевшие в III—V веках южнорусскими степями⁷⁰, а также иранцы, в том числе скифы, сарматы, аланы. Потомки последних, осетины, жили родовым бытом еще в конце XIX века. Родовой быт являлся укладом и тех турецко-монгольских народов, которые кочевали в южнорусских степях в V и последующих веках.

Расселяясь по русским равнинам, восточные славяне встречались, таким образом, повсюду у своих соседей

с привычным им общественным укладом и всем соответствующим строем понятий⁷¹. Родовые связи не порвались у восточных славян и во время их расселения по русским равнинам. Наоборот, можно думать, что расселение шло именно родовыми общинами, которые притом еще объединялись в племенные союзы, обеспечивавшие им большую безопасность от туземцев или соседей⁷². О родовом быте восточных славян после расселения их говорит и «Повесть временных лет»: «Поляном же живущим о себе и владеющим роды своими... и живяху кождо с родом своим...»⁷³.

К X–XI векам родовой строй русских славян подвергается уже некоторому разложению. В Ярославовой «Русской Правде» ограничивается родовой обычай кровной мести. Постановления о наследстве в «Правде» Ярославичей предусматривают уже (под влиянием права византийского) возможность раздела семейно-родового имущества между сыновьями. Эти постановления «Русской Правды» имели в виду преимущественно княжью дружину и городское общество. В обществе сельском семейно-родовая община еще преобладала. Да и в боярской среде еще долго держалось единство рода. Еще в XVI веке в русском вотчинном праве играл немаловажную роль институт родового выкупа.

В великорусском крестьянском быту пережитки семейно-родовой общины дожили чуть не до начала XX века («большая семья»). Точно так же, как произведения древнерусской эпики, сложившиеся в XI–XII веках в среде высших слоев тогдашнего русского общества, в XVIII–XIX веках бытовали лишь в среде северного великорусского крестьянства («старины», «былины»), так же и формы общественной жизни, ранее присущие различным слоям русского общества, в XVIII–XIX веках сохранялись лишь в крестьянской среде.

Вот описание таких «больших семей», существовавших еще в крестьянском быту в конце XIX века в одной из волостей Орловской губернии: «Семью в крестьянском быту нашей волости составляет несколько родственников с их женами и детьми, числом от 5 до 20 и даже более, которые все живут в одном доме. Власть старшего в семье имеет большое

значение. Он следит за сохранением в семье общего согласия, спокойствия и благочиния; все семейные ему повинуются. Он распределяет занятия и наблюдает за исправным выполнением их, заведует всем хозяйством и жизненными продуктами, уплачивает казенные подати и повинности. По смерти родоначальника власть его по управлению семейством и хозяйством переходит к совершеннолетнему старшему сыну; если же у покойного нет совершеннолетнего старшего сына, а остались в семье его родные братья, то к одному из них... Бывают, хотя и очень редко, и такие случаи, что по смерти родоначальника из мужского пола к принятию управления никого не остается⁷⁴; тогда его место занимает вдова его... Когда несколько братьев или дядей с племянниками, живя в одном доме, поддерживают между собою семейное согласие и порядок, то все у них общее, кроме женских принадлежностей, как-то: холстов, белья и прочего наряда. Все это в общее употребление не поступает; распорядителем же над всем остальным бывает или старший по летам, или кого изберут по общему согласию; в таком случае жена избранного хозяина имеет преимущество в распоряжении хозяйством, относящимся до женщин, если она к тому способна и рачительна, если же нет, то избирается по усмотрению одна из младших женщин. Работы в семье распределяются между мужчинами и женщинами по их силам и здоровью»⁷⁵.

Я привел эту довольно длинную выдержку потому, что она рисует весьма обстоятельно крестьянскую «большую семью» XIX века, а эта «большая семья», как сказано выше, представляет собою пережиток одной из древнейших русско-славянских общественных форм⁷⁶. Семейно-родовая община Древней Руси была, нужно думать, во многом похожа на тот тип крестьянской большой семьи Орловской губернии, который описан в приведенной цитате. Вероятно, как правило, древнерусская семейно-родовая община была многочисленнее по своему составу. Можно сопоставить в этом отношении древнерусскую семейно-родовую общину с юго-славянской «задругой».

Задружная община, составляя фундамент общественного развития сербов, хорватов и словенцев, дожила в Югославии до настоящего времени⁷⁷ и представляет там еще живой институт народного права⁷⁸.

По определению гражданского законника княжества Сербского 1844 года, «задруга — общность жизни и имущества, возникшая и утвержденная благодаря союзу родства или естественному приросту»⁷⁹. Число членов югославянской задруги среднего размера колеблется от 20 до 60. Встречаются, однако, и до настоящего времени задруги с большим числом членов (около 80). Задружных общин с числом членов более 100 в более новое время не известно. По всей вероятности, и в прежние времена задружно-семейные общины редко заключали в себе более 80 членов, но при известных условиях несколько задруг могли объединяться в более широкие братства.

§ 2. Общинное начало в Древней Руси

Семейно-родовая община, будучи основной ячейкой древнерусского общества, не была, однако, единственной формой общественного союза в Древней Руси. С течением времени развились другие формы, частью выросшие из семейно-родового союза. Таковой была прежде всего территориальная община. Помимо девушек из чужого рода, взятых в жены членами рода, в родовую или семейно-родовую общину могли входить и другие не родные по крови мужчины и женщины. У славян, как и у иранцев, существовал обычай побратимства или братотворчества.

Прием в родовую или семейно-родовую общину не родных по крови во многих случаях являлся результатом житейской и хозяйственной необходимости. Семейно-родовая община, потерявшая значительную часть своих членов в силу болезни или войны, могла быть вынуждена соединиться, сложиться с соседями, не надеясь иначе уцелеть в суровой борьбе за существование. Особенно часто могла быть в этом нужда при расселении славян в новых непривычных условиях жизни при необходимости не только обеспечить себе

пищу и одежду, но и оберечься от туземцев или чужих племен.

Так возникала по типу семейно-родовой новая община на договорных началах. Члены такой общины в Древней Руси назывались складниками, или сябрами.

Могло быть также, что несколько семейно-родовых общин, не сливаясь между собою, находили выгоднее объединиться в более широкий союз — составить волостную общину. Но наиболее существенным фактором, повлиявшим на образование территориальных общин в Древней Руси, были требования, предъявлявшиеся к населению со стороны государственной власти. Последняя стремилась к обеспечению некоторых элементарных своих нужд — сбора дани, а также и расправы с преступниками.

Первые славянские поселения возникли на территории Западной Евразии, вероятно, еще во времена господства иранцев. К иранской эпохе и должно быть отнесимо образование среди оседлого земледельческого населения Западной Евразии податных общин. Общину составляли «люди» («смерды»). В такого рода податные общины организованы были славянские насельники Западной Евразии и в Хазарском государстве (VI—IX века). Варяжские князья, нужно думать, воспользовались уже готовой организацией. О податной общине варяжской и поваряжской эпох можно получить довольно ясное понятие из «Русской Правды».

Как и в иранскую эпоху, синонимом общины был термин «люди» (иранское «мерды»)⁸⁰.

В некоторых списках «Русской Правды» (например, в Синодальном и Пушкинском) община называется вервью⁸¹. Члены верви связаны были между собою круговой порукой. В случае, например, если на территории какой-либо верви найдено было тело убитого княжеского дружинника («княжа мужа») и убийца не мог быть обнаружен, то виру должна была платить вся вервь⁸². Следует, впрочем, иметь в виду, что вхождение в состав общины было в эту эпоху добровольным. Можно было и не «вкладываться» в общую виру⁸³, но в таком случае людин не мог рассчитывать на помощь соседей. Круговая порука членов общины за убийство, совер-

шенное в пределах общины, сохранялась в русском праве долго после «Русской Правды». Например, в Белозерской уставной грамоте 1488 года читаем: «...а учинится душегубство в коем стану или в коей волости, а не доищутся душегубца, и они вины четыре рубли заплатят, в стану или в волости, в коей душегубство учинилось»⁸⁴.

Мы видим, что в этой грамоте территориальная община называется волостью, что и было в XIV–XV веках обычным термином для общины. Термины «село» и «деревня» употреблялись в средневековой Руси в смысле, отличном от нашего времени. Селом тогда называлось обычно отдельное хозяйство — двор с пашней и угодьями («село земли») ⁸⁵. Тот же смысл имело и слово «деревня»⁸⁶. При разделении «большой семьи» в деревне, состоявшей первоначально из одного двора, могло образоваться два-три. Две-три семейных общины могли также сложиться совместно для расчистки леса под пашню — результат был тот же — образование «деревни» в два-три двора, что было обычным типом в XV веке на русском Севере.

Волость могла состоять из 50 и больше таких деревень, то есть из ста, полутора ста и больше дворов или семейных общин. В Новгородском крае волость обычно называлась погостом. По летописному преданию, деление на погосты в Новгородской земле введено было еще княгиней Ольгой. Волостная община помимо общей уголовной ответственности ее членов, о чем было упомянуто⁸⁷, часто обязана была круговой порукой за уплату податей (дани) ⁸⁸. Волость была самоуправляющейся единицей и во многих случаях имела своих выборных властей и судей⁸⁹.

Волостная община не вела, однако, коммунистического хозяйства. Жившие отдельными дворами или деревнями семьи (или роды), входившие в общину, вели каждая свое хозяйство и имели свой хозяйственный инвентарь и свое движимое имущество. Земля могла, впрочем, считаться собственностью всей волости. Земли обычно было вдоволь, земельной тесноты не было даже в более заселенных районах до XV–XVI веков. Ввиду этого не было никакой не-

обходимости в земельных переделах. Земельных переделов в древнерусской общине (волости) не было.

Таким образом, если мы можем сопоставить крестьянскую «большую семью» XVIII–XIX веков с древней семейно-родовой общиной, то следует остерегаться от сопоставления великорусской передельной земельной общины XVIII–XIX веков с древнерусской волостью. Волость могла иметь верховное право собственности на землю, но фактически отдельные участки земли в пределах волости состояли не только в пользовании, но и в распоряжении отдельных дворов (семейных общин). Кроме того, как выше было упомянуто, не все землевладельцы округа входили в волость.

§ 3. Дружинное начало в Древней Руси.

Артели и братства.

Церковь в общественном строительстве

Помимо общины семейно-родовой и территориальной Древняя Русь знала общественные союзы и объединения иных типов. Здесь прежде всего должны быть упомянуты союзы дружинного типа. Объединения этого рода могли быть различных видов. Дружиной называлось в Древней Руси всякое товарищество людей, сошедшихся для какой-нибудь определенной цели, например промышленной или производственной. Дружина в этом смысле была синонимом артели. Но в более узком смысле дружиной называлось содружество, образовавшееся вокруг какого-нибудь популярного военного или политического вождя, преимущественно князя.

Варяжские князья и вожди приходили на Русь каждый со своею дружиной, и по мере того, как князья оседали по русским городам, с ними оседали и их дружины. Княжая дружина делалась, таким образом, влиятельным элементом общества в каждой из русских земель. Постепенно политическое и социальное лицо княжой дружины менялось, и старшие дружинники превращались в боярский класс. Дружинник становился вотчинником. Первоначальная дружина основывалась на чувстве верности ее членов по отно-

шению к вождю и чувстве товарищества по отношению друг к другу. Со своей стороны и князь себя считал не только вождем, но и старшим товарищем в дружине, ценил и любил дружину и относился внимательно к ее нуждам. Общий интерес к воинским подвигам и приключениям, грабежу и добыче тесно спаивал князя с дружиной. С течением времени дружина начинала расслаиваться. Стали различать старших и младших дружинников. Старшие дружинники продолжали еще смотреть на себя, как на товарищей князя, младшие дружинники определенно становились слугами князя. Дружина постепенно превращалась во двор князя.

Своеобразным типом вольных дружин, не связанных с князем, были в Древней Руси всякого рода товарищества и ватаги, образовавшиеся как для промыслов, так и для военного грабежа. Таковы были ватаги новгородских «ушкунников» на русском Севере и ватаги «бродников» на степном юго-западе. Ватага представляла собой вольное товарищество с выборным ватаманом, или атаманом, во главе. По типу «бродников» позднее возникли ватаги и общины казаков — на Дону, Яике, Тереке, Днепре. Казачья ватага могла образовываться и для мирных промыслов, и для военного грабежа. Такого типа казачьи ватаги явились позже одной из главных сил русской колонизации на востоке и юго-востоке. Сибирь освоена была именно ватагами и артелями казаков и «промышленных людей» (XVI–XVII века).

К числу производственных организаций Древней Руси принадлежали артели плотников и каменщиков. Всякие крупные хозяйственные предприятия, например постройки церквей, производились артелями или товариществами (дружинами). Во главе каждой такой дружины стоял выборный старейшина или старшина. По актам XIII и XIV веков известно существование охотничьих артелей на севере России, в частности для добывания кречетов (артели или «ватаги» помытчиков)⁹⁰. Подобного же типа артели и ватаги образовывались и для рыбного промысла.

Свои артели и товарищества были и у купцов и городских ремесленников. Известна купеческая организация при церкви Св. Иоанна Предтечи на Опаках (в Новгороде).

Для того чтобы быть постоянным членом этой организации («пошлым купцом»), требовался взнос в 50 гривен серебра. Эта купеческая организация, или братство, должна была также заботиться о благолепии своей церкви и церковных служб и справлять торжественно («почесть створити») храмовой праздник. Подобного рода купеческие братства или артели были, конечно, и при других церквях в различных городах Древней Руси.

В городах Западной Руси в XIII–XV веках вместе с немецкими поселенцами и «Магдебургским правом» распространяется и цеховая организация ремесла. Корпорации ремесленников Западной Руси утверждались правительственными грамотами. Так, в 1386 году издана была грамота, обеспечивающая права корпорации портных города Перемышля. При этом ограничивалось число заведений (лавок) портных в городе. Их не могло быть более шестнадцати. Много цеховых грамот дошло от XV века, как, например, для ткачей и скорняков города Львова, портных, кузнецов, шорников Перемышля и др.

Цех Западной Руси XIV–XV веков представлял собой, наподобие цехов германских, замкнутую самоуправляющуюся корпорацию с выборным старшиной во главе. Члены цеха разделялись на мастеров, подмастерьев (товарищей) и учеников. Полноправными были, собственно, лишь мастера, с которыми старшина должен был советоваться в делах. Споры между членами разрешались цеховым судом. Цех ручался за честность и нравственность своих членов. Цех был не только юридической организацией, но и братством. Братство это искало церковного освящения. Каждый цех имел свою церковь или часовню. Цех участвовал всем составом в похоронах каждого из своих членов. Собирались члены цеха и для братских пиров — пили вместе «братское пиво». Подобного рода «братчины» не были, впрочем, непременно связаны с цехами, и обычай «братчин» широко был распространен не только в Юго-Западной, но и в Северо-Восточной Руси. Подобного рода «братчина» являлась иногда особой организацией «пивцов» во главе с «пировым старостою» или «государем пировым». Братчина имела даже

право судить своих членов — очевидно, главным образом за буйство во время пира⁹¹.

Говоря о купеческих и ремесленных организациях Древней Руси, мы упомянули уже о связи их с церковью. Церковь играла вообще крупную роль в общественном строительстве Древней Руси. Церковь осватила не только профессиональные организации, подобные купеческим и ремесленным братствам и цехам, но и другие виды общественных союзов, начиная с основной социальной ячейки — семейно-родовой общины.

Культ предков, существовавший в славянской родовой общине до принятия христианства, теперь принял форму почитания святых — покровителей целого рода или отдельных родичей. Церковный храм сделался также средоточием равно и волостной, и городской общины. В больших городах кроме соборов, имевших общегородское значение, каждый «конец», или улица, имели свои приходские храмы, вокруг которых сосредоточивалась кончанская, или уличная, жизнь. Церковь образовала особые организации верующих — приходы, которые в средневековой Руси часто сливались с другими общинными организациями.

Далее церковь взяла на себя попечение обо всех лицах, потерявших связь с общественным союзом или лишившихся своего общественного положения. Такие лица в широком смысле назывались «изгоями». В частности, изгоями были: попов сын, вышедший из своего сословия по незнанию грамоты; холоп, выкупившийся из холопства; обанкротившийся купец. Кроме изгоев церковными или богадельными людьми считались нищие и убогие («слепец, хромец, вдовица»). Принимая на себя попечение о людях, вышедших из рамок общественного союза, церковь вместе с тем создавала свой новый тип общественного союза — союза людей, объединенных (в идеале) церковно-религиозной идеей и связанных с церковью профессионально. Сюда входят духовенство и крылошане («поп, диакон и дети их, а кто в крылосе: попадья, чернец, черница, проскурница, паломник, свещегас»), а также те, кто обслуживает больницы, гостиницы, странноприимные дома⁹².

Основным типом идеократического общественного союза, введенного на Русь церковью, было, конечно, монашество. В идеале монашество прежде всего было братством, основанным на духовной связи и духовном делании. Фактически монастыри сделались быстро также и важным фактором материальной, экономической жизни. Об этом отчасти упоминалось уже и раньше⁹³, а отчасти будет идти речь еще дальше⁹⁴.

§ 4. Разложение родового и общинного быта и образование общественных классов

Родовой и общинный быт может сохраняться в неприкосновенности долгое время, пока условия жизни — и главным образом условия экономической жизни — более или менее однородны для всего населения страны, пока не создается резких противоречий между отдельными группами общин в стране — например, городскими и сельскими — или между отдельными семьями, родами или лицами в пределах той же общины. В нашем обзоре хозяйственной жизни Древней Руси (глава I) мы видели, что такие противоречия действительно и образовались. В руках отдельных родов скоплялись значительные богатства — в виде земли, скота, различных угодий. Развитие внешней торговли приводило к накоплению значительных денежных капиталов в руках немногих. Массы населения в больших городах вроде Киева, Новгорода оказались в положении полупролетариата.

В сельских местностях создавалось неравенство владения и власти — подымалось вотчинное начало и укреплялось крупное землевладение. Государь-вотчинник, князь или боярин владели не только землей, но и людьми — челядью. Кроме холопов (рабов) крупный вотчинник пользовался трудом людей полусвободных (закупов). Целые группы крестьянства (смерды) попадали в полузависимое (от князей) положение. Подготавливалось закрепощение крестьянства.

Монгольский погром XIII века разорил, отчасти прямо уничтожил верхушку общества. Противоречия несколько сгладились — но ненадолго, так как введенная монголами система откупов для сбора податей⁹⁵ вновь привела к обеднению массы и обогащению «выдвиженцев» новой формации.

Спрашивается: как все это должно было отразиться на строении общества? По всей вероятности, большинство населения и сельского, и городского продолжало держать старые семейно-родовые и общинные связи, и, вероятно, именно крепость этих связей многим позволяла пережить все невзгоды. Разрыв связей, обнищание и пролетаризация коснулись в процентном отношении лишь меньшинства. Это меньшинство шло под покровительство сильных и богатых землевладельцев — или церкви, или князей и бояр. Покровительства подчас искали себе не только отдельные лица или семьи, но также и целые роды или общины. Подобно тому как дружинники и бояре искали князя по сильнее и побогаче, которому было бы служить почетно и выгодно, подобно тому целые двory и деревни крестьян, а иногда целые волости ставили себя под покровительство бояр или тех же князей. Так власть боярина-вотчинника начинала покрывать собой крестьянский мир — общинный или семейно-родовой⁹⁶.

Таким путем боярская вотчина, наряду с крестьянской общиной, сделалась одним из устоев русского уклада в монгольские и послемонгольские времена.

Это поглощение общины боярщиной в марксистской и близкой к марксизму литературе принято называть феодализмом. В отличие от феодальных отношений между сюзеренами и вассалами, отношения между сеньором и вилланами называют феодализмом экономическим. Ни в политической, ни в экономической области, однако, нельзя провести совершенной аналогии между «феодализмом» русским и «феодализмом» романо-германских стран⁹⁷.

Характерную сущность романо-германского феодализма составляет юридическое оформление смычки между явлениями «экономического» и «политического» феодализ-

ма. Власть сеньора (политическая и экономическая) над населением сеньории была неразрывно связана с вассальным его подчинением своему сюзерену. Такой связи на Руси в домонгольский период не было. Равным образом ее не было в Восточной Руси в XIV—XV веках. До известной степени о смычке двух рядов феодальных отношений можно говорить лишь по отношению к Западной (Литовской) Руси этого периода. Только по отношению к Литовской Руси и можно поэтому вообще говорить о развитии феодализма в смысле феодализма романо-германских стран. Но полной аналогии не было даже и здесь.

Ввиду всего сказанного мне кажется предпочтительным говорить не об «экономическом феодализме» в средневековой Руси, а о развитии в ней «вотчинного строя». Вотчинный строй этот развивался в результате отчасти разложения, а отчасти подчинения себе общинного порядка, причем здесь наибольшее значение имело право вотчинного суда⁹⁸. Следует иметь в виду, что «выдвижение» княжеских, боярских, отчасти и купеческих родов в положение командующих классов само по себе вовсе еще не означало ослабления родовых связей в среде самих этих высших классов. Наоборот, родовой порядок — по отношению к своим — продолжал в среде этих высших классов вполне признаваться. И на этом именно основан был первенствующий политический принцип Древней Руси — признание права на государственную власть за одним лишь княжеским родом⁹⁹. Сильно было родовое начало и в сознании бояр и купцов.

Впрочем, со времени еще «Русской Правды» наблюдаются и противоположные тенденции. Отдельное лицо чувствует потребность отделиться от рода, основать свою собственную семью вне тесной связи со старым родом. Это прежде всего сказывается на междукняжеских отношениях. Князья отдельных линий стремятся закрепить за собой определенные области и города как свою вотчину вместо того, чтобы довольствоваться своими владениями на праве участия в родовой собственности. Столкновение двух типов понятия о княжеской власти — родового старейшинства и вотчинно-удельного начала — приводит к ожесточенным

усобицам, продолжавшимся непрерывно вплоть до монгольского нашествия, а отчасти и позже. То же желание создать свою семью, выделенную из старого рода, наблюдаем мы и в боярской среде.

Позже, с возникновением крупных государств — возвышения московского единогодержавия и объединения Западной Руси великими князьями Литовскими — перед теряющими государственный облик княжатами и панями-боярами встают новые задачи: обеспечить совокупности своего класса первенствующее место в социальном и государственном быту. Задача эта решается в Западной Руси по польскому и европейскому образцу — ограждением себя сословными привилегиями. В Руси Восточной возникает местничество. Но и в Московском, и в Литовском государствах высшие классы помнят и берегут родовые связи. И в московском, и в литовском законодательстве еще и XVI века тщательно оговаривается право родового выкупа недвижимых имений.

§ 5. Высшие классы древнерусского общества

В предыдущем параграфе мы говорили о разложении первоначального общественного союза в Древней Руси. Непроницаемые перегородки между отдельными группами общества образовались, однако, не сразу. В Киевской Руси не было сословий в позднейшем юридическом смысле этого слова, а были лишь общественные классы более или менее текучего состава.

В «Русской Правде» различаются следующие общественные группы: 1) княжеская дружина, князь и мужи — в поздних редакциях — бояре; 2) люди; 3) купцы; 4) ремесленники; 5) смерды; 6) закупы (полусвободные); 7) холопы. Позже состав общества упрощается. В Западной Руси (на Галичине и Волыни) привычным делается различие трех основных общественных классов (не считая холопов): бояр, горожан и крестьян. В Галицко-Волынской летописи при описании нападения князя Даниила на город Белз читаем: «Боярин

боярина плениша, смерд — смерда, град — града» (Ипат., 1221 год).

В населении Московской Руси (не считая холопов) могут быть различаемы две основные группы: служилое и тяглое население, причем вторая группа, в свою очередь, распределяется на две: посадских людей (горожан) и крестьян.

В Литовской Руси общественное развитие шло иными путями. Там в конце XIV—XV веке устанавливается разделение на общественные группы сословного типа: 1) княжата и паны; 2) шляхта; 3) мещане (горожане). Внизу сословной лестницы стояли мужики (крестьяне), позже называемые «хлопами», и холопы (челядь).

Обратимся сначала к общественной верхушке — князьям и боярам. Как было уже сказано выше¹⁰⁰, княжеский род потомков Владимира Святославича («Рюриковичей») размножился так быстро, что уже в XII—XIII веках князей можно рассматривать как особую общественную группу. У Владимира считают до 24 детей (в том числе двоих сыновей). У Ярослава было 10 детей (в том числе семеро сыновей). Сыновья Ярослава также оставили многочисленное потомство, в особенности Изяслав, Святослав и Всеволод. В XII—XIII веках некоторые княжеские линии (Смоленские Ростиславичи, Черниговские Ольговичи, Суздальские Всеволодичи) размножились в большие роды.

Князья притом не сидели изолированно каждый в своем углу, а широко общались между собой. Не только Киев, но каждый старший город каждого удельного княжества притягивал к себе окрестных младших князей, стремившихся иметь город, село или хотя бы дворец вблизи столицы. Между общественным положением великих князей и вообще князей главных городов и областей, с одной стороны, и положением мелких князей (вотчинников или служилых), с другой стороны, была, конечно, значительная разница. Тем не менее во всех князьях «Рюриковичах» жило сознание единства их рода и особого своего общего всему роду достоинства.

В XIV—XV веках помимо князей Рюриковичей возникают новые группы князей — Гедиминовичи в Западной Руси

и татарские царевици и князья в Руси Восточной. Некоторые их линии также весьма быстро размножились.

О политическом значении князей речь будет идти в следующей главе, здесь же нужно сказать несколько слов о значении князей как социальной группы.

Князья как целая группа и каждый князь в отдельности должны были, по пониманию современников, быть ласковы к дружине, поддерживать в обществе «добрые нравы», творить добро, хранить заповеди Божии, раздавать милостыню, украшать храмы¹⁰¹.

Конечно, это — идеальное понимание социальной функции князя, и идеал этот редко осуществлялся в действительности. Но важно и то, что лучшие представители княжеского рода к этому идеалу стремились. Владимир Мономах ставит себе особенно в заслугу следующее: «и худого смерда и убогой вдовицы не дал есм сильным обидети; и церковного наряда и службы сам есм призирал».

Разумеется, не всякий князь был покровителем церковного искусства и церковной письменности. Но некоторые были и играли крупную организаторскую роль в культурной жизни тогдашней Руси. Некоторых князей вроде Юрия Долгорукого и его потомства можно назвать градостроителями и храмостроителями по преимуществу. Князь являлся также зачинателем общественных увеселений, охоты и спорта. В Древней Руси, за исключением западной окраины, не было рыцарства как оформленного института на европейский лад. Тем не менее двор князя являлся своего рода школой высшего света для дружины, а отчасти и прочих кругов общества. В Киеве устраивались конские ристалища, а иногда и подобия рыцарских турниров. Когда Изяслав с угорской помощью выгнал из Киева своего дядю Юрия Долгорукого, победа отпразднована им была с необычайной пышностью.

Охота занимала видное место в княжеской деятельности¹⁰². Немаловажной функцией князя было устройство пиров и председательство на них. Знамениты были пиры Владимира Святого, «Красна Солнышка», воспетого в былинах. На этих пирах не только пили и ели: на них играла музыка, под гусли пелись героические были и веселые пес-

ни. На этих пирах создавалось общественное мнение, обсуждались старые подвиги и намечались новые предприятия. Пирь утверждали популярность князя, закрепляли его связь если не с «народом», то хотя бы с дружинной средой.

Переходим теперь к боярам.

По расовому происхождению древнерусское боярство представляло собой весьма неоднородную группу. Первоначальная дружина варяжских князей состояла, разумеется, главным образом из скандинавских выходцев¹⁰³. Весьма скоро, конечно, в дружину вошли и местные славяне. Каждый князь стремился привлекать влиятельных племенных старейшин или «нарочитых людей» для укрепления своих связей с местным населением. Да и пришлые варяги быстро ославянивались. В дальнейшем к дружине присоединялись удалыцы самого разнообразного происхождения. Помимо постоянного притока славяно-русских «выдвиженцев», князь охотно принимал в дружину выходцев из других евразийских народов — финнов, торков, половцев, ясов (осетин), касогов (черкесов) и т. д.¹⁰⁴

С другой стороны, в княжескую дружину шли помимо варягов и другие выходцы с Запада, как-то: ляхи (поляки), угры (венгры), чехи, литовцы и т. д. Со временем некоторые из этих пришлых родов стали выводить свое происхождение вообще «из немец» (как, например, Романовы и Свечиные).

После монгольского завоевания в восточнорусское боярство влилось много татарских князей. Процесс этот принял массовый характер в середине XV века¹⁰⁵.

Принимая православие, все эти выходцы быстро сливались с русской средой, совершенно ославянивались, принимали русский язык, обычаи и нравы.

Боярство скоро стало крупно-землевладельческой группой по преимуществу. Боярские вотчины быстро росли во всех русских землях. «Села боярския» упоминаются неоднократно в летописях и других памятниках XII века. Богатство становится неразлучно с боярством в сознании современников. Захватив Киев у Изяслава Давидовича, князь Мстислав «зая товара много Изяславли дружины — золота и серебра и челяди и копий и скота» (Ипат., 1159 год).

Большая боярская вотчина была своего рода удельным княжеством. Боярские хоромы играли роль княжого дворца в округе. У многих бояр были свои собственные дружины. Эти боярские дружины упоминаются уже в «Русской Правде» (III, 101). Некоторые бояре возрастали на княжой службе, другие приходили к князю уже со своей дружиной и челядью. Про Шимона Варяга (XI век) известно, что он «оставих латинскую буесть и истинне верова (то есть принял православие)... с всем домом, яко до 3000 душ». В 1332 году к московскому великому князю Ивану Калите поступил на службу «от Киевских благоплеменных вельмож Родион Нестерович и с ним же княжата и дети боярския и двора его до тысящи и до семи сот»¹⁰⁶.

Роль боярства в общественной жизни сливалась с ролью князей. Окружая князя тесной толпой, бояре помогали князю руководить общественным мнением и сами на себя смотрели как на лучших людей общества. В своей вотчине боярин жил князем. Так же задавал пиры, охотился, так же заботился о благолепии церкви и монастырей. Подобно князьям, бояре жили в тесном общении с церковью и духовенством. Многие бояре или дети их шли в монастыри, играя подчас крупную роль как в умственной жизни монастырей, так и в церковном управлении вообще. Из бояр бывали и архиереи¹⁰⁷.

Между князем и боярством бывали и конфликты, и по временам борьба между двумя этими элементами доходила до большого напряжения. Но об этом в другом месте¹⁰⁸.

Своеобразно было новгородское боярство, связанное тесно с местным купечеством и городской общиной и не зависевшее от пришлеца-князя. Но и новгородское боярство носит ту же социальную окраску, что боярство других русских земель. Влияние новгородского боярства в значительной степени покоилось также на землевладении.

В результате монгольского завоевания князья и боярство в Южной Руси были в значительной степени раздавлены. Однако в Восточной Руси и княжата и бояре удержали свои социальные позиции, и с течением времени московское боярство значительно окрепло. Вновь расшатано оно

было уже в результате внутренней политической борьбы начиная с конца XV века и было основательно разгромлено Иваном Грозным в эпоху опричнины. Но по мере падения боярства в Московском государстве стал подниматься новый общественный класс — дворянство. Создание и подъем этого класса выходит уже, однако, за пределы хронологических рамок настоящего тома.

Значительный расцвет ожидал боярство (панов) в Западной Руси после образования Великого княжества Литовского. Западнорусские паны в течение XV и первой половины XVI века наряду с духовенством сыграли крупную роль в развитии социальной и культурной жизни края. С течением времени, однако, западнорусские паны и шляхта обнаружили уклон к денационализации под влиянием латинства и полонизма. Процесс денационализации западнорусских панов и шляхты пошел особенно быстро с середины XVI века.

§ 6. Средние классы русского общества.

Городское население

Состав общественной середины в Древней Руси трудно поддается точному определению. Много позже, в XVIII веке, императрица Екатерина хлопотала о том, чтобы создать в России «средний род людей». В сословно-крепостном русском обществе XVIII века то, что тогда рассматривалось как средний род людей — городское состояние, — представляло собою тонкую прослойку между высшим и низшим классами — дворянством и крестьянством. В Древней Руси строение общества было иным. Правда, как мы видели¹⁰⁹, Галицко-Волынская летопись XIII века говорит о том же трехчленном составе общества, какой характерен был и для XVIII века.

Но для Руси XIII века в ее целом галицко-волынский порядок как раз характерен не был. Мы видели¹¹⁰, что по «Русской Правде» состав общества представляется гораздо более сложным.

Для правильного подхода к истолкованию материала «Русской Правды» в этом вопросе нужно выяснить соотношение между терминами «люди» и «смерды». Весьма часто приходится встречаться с распространительным толкованием термина «смерд». Сергеевич, например, признавая, что слово «смерд» в тесном смысле означало пахаря, сельского работника, вместе с тем считал, что в широком смысле слово это употреблялось для обозначения всего населения за исключением одних князей¹¹¹. Сергеевич при этом ссылался на статью 27 академического списка «Русской Правды» (I, 27), в которой определяется штраф за увод коня: «А за княжь конь... 3 гривны; а за смердей 2 гривны».

Из того факта, что о конях, принадлежащих лицам других классов, в этой статье не упоминается, Сергеевич делал вывод, что под смердами понимается здесь в противоположность князю все население. С таким выводом согласиться нельзя. Сергеевич не принял во внимание характера «Русской Правды» как памятника специально княжого права, часть постановлений которого имеет не общий характер, а относится лишь к особым случаям княжого хозяйства и управления группами населения, находившимися в специальной зависимости от князя. К таким как раз принадлежали и смерды, упоминаемые в статье 27 академического списка. Статья 27 только к этому особому случаю и относится, не имея характера нормы общенародного права.

По мнению академика Б. Д. Грекова, следует различать два типа смердов в Древней Руси: 1) свободных земледельцев, не попавших в специальную зависимость к «феодалам» (вотчинникам), и 2) освоенных уже феодалами, зависимых от них крестьян¹¹².

Надо сказать, что основные списки «Русской Правды» знают только этот второй вид смердов, то есть зависимых крестьян, притом зависимых именно от князя. Особенно характерна в этом отношении статья 32 академического списка: если кто «умучает» смерда «без княжа слова», то должен платить за обиду 3 гривны. Сравните также и статью 58 Синодального списка: если смерд умрет (не оставив сыновей), то наследство идет князю.

Таким образом, вряд ли можно возражать против того, что смердов «Русской Правды» нужно считать низшим, едва ли не полузависимым разрядом сельского населения. Это не значит, что в Древней Руси не было вполне свободных и более зажиточных землевладельцев. Они были, но не назывались смердами. Назывались они людьми. Эти землевладельцы организуются в общины (верви). Существенной функцией такой общины была уплата судебных штрафов князю в случаях уголовных преступлений, совершенных на территории верви.

Нужно при этом вспомнить, что согласно Пространной Правде, участие в круговой поруке не было обязательно для всех землевладельцев данной верви. Можно было «вложиться» или не вложиться в круговую поруку (РП II, А, 6). Тому, кто не вложился, люди не помогают, в случае если штраф пал на него.

Под термином «люди» в «Русской Правде», однако, не непременно понимаются землевладельцы. «Люди» «Русской Правды» — это скорее вообще то, что в XVIII—XIX веках называлось бы средним состоянием или классом. Положение «людей» в общественной шкале «Русской Правды» можно видеть из сопоставления цифр судебных штрафов (вир и продаж) для различных состояний. В то время как за убийство князя мужа (дружинника) полагалось платить 80 гривен, а за смерда 5 гривен, штраф за убийство «людина» составлял 40 гривен. Такой же штраф — 40 гривен — полагался за убийство купца. В эпоху «Русской Правды» «людин» и «купец» расценивались, таким образом, одинаково в смысле их общественного положения. Можно думать, что первоначально «людин» было более общим термином, покрывавшим среднее состояние как в городах, так и в волостях.

В Новгороде один из слоев городского населения назывался и позже «житьими людьми». Эти «житьи» (зажиточные) люди, конечно, в социальном смысле сродни «людям» «Русской Правды». По новгородским порядкам мы можем отчасти судить и о том, чем были «люди» — землевладельцы в вервях или волостях. Такие землевладельцы — хуторяне — в Новгороде назывались «земцами» или «своеземца-

ми»¹¹³. Размеры их земельных владений колеблются от двух до ста десятин пашни.

В числе этих своеземцев были и купцы. Таким образом, во многих случаях землевладельцы среднего состояния не порывали связи с городом. Никаких служебных отношений к Новгороду или к новгородскому князю своеземцы не несли. Они платили только «обежную» дань. В некоторых новгородских владениях, как, например, в Двинской земле, землевладельцы продолжали складываться для уплаты виры, как это видно из Двинской уставной грамоты 1397 года¹¹⁴.

Подобно Новгороду, и в других землях-княжениях Древней Руси, вероятно, долго держался (местами до монгольского погрома, а местами и дольше) средний класс городских и волостных людей, соответствовавший «людям» «Русской Правды».

Строй общества начал изменяться в московскую и литовскую эпохи. На Москве, с установлением различия между служилым и тяглым состоянием, прежние «люди» заняли нижние ступени служилой лестницы и верхние ступени тяглого состояния. Дети боярские (как особая общественная группа), позднее также служилые казаки представляли собой некоторое подобие остатков среднего состояния, уже подчиненного порядкам службы. В службу московского великого князя верстали иногда и «лучших» крестьян и зажиточных людей. Позже особый вид среднего состояния уже в рамках служилого класса составляли так называемые «слуги под дворским»¹¹⁵ (дворяне).

В Литовско-Русском государстве XIV–XV веков установился, как мы видели, сословный строй. Высшее сословие было неоднородно. Верхний слой его составляли княжата и паны. В состав второго слоя входили или к нему примыкали отдельные группы землевладельцев (земяне¹¹⁶, панцирные бояре), в которых можно видеть социальных наследников группы «людей» «Русской Правды». Но в более тесном смысле лишь мещане в Литовской Руси, равно как купцы и посадские люди в Московской Руси, могли рассматриваться теперь как представители среднего общественного слоя.

Основная масса «людей» по происхождению своему была, вероятно, чисто славянской. Можно выразить это положение и иначе. Можно сказать, что основная толща расселившихся в VI—VIII веках по западноевропейским равнинам восточных славян продолжала жить главным образом в классе «людей». Высший общественный слой — дружинники и бояре — был, как мы видели, проникнут чужеродными элементами. Славянское происхождение смердов может быть также заподозряемо. «Люди» же были, вероятно, чистые славяне. Только относительно примыкающего к «людям» класса купцов можно думать о чужеродной расовой примеси. Несомненно, что в первоначальный состав купечества (IX—X века) должно было войти довольно много варягов. Известно также, что в последующее время в Киеве и вообще в Западной Руси жили купцы неславянского происхождения (евреи, армяне, позже также немцы). Хотя эти иноземные купцы жили обычно отдельными общинами, не сливаясь с туземным купечеством, могли быть и случаи обрусения иноземных «гостей».

Все же в основной своей массе купечество Древней Руси было славянским. В каждом из больших русских городов купцы составляли особые товарищества или корпорации, иногда называемые сотнями. Купеческие товарищества объединялись обычно вокруг какой-нибудь церкви. Выше уже упоминалось об «иванском купечестве» в Новгороде¹¹⁷. Другой новгородской корпорацией было «заморское купечество», объединявшееся вокруг церкви Св. Пятницы.

Торговля, особенно заморская, в те времена была делом весьма рискованным и трудным. Заморские плавания и дальние «гостьбы» вообще требовали часто не только коммерческой сметки и коммерческого риска, но исключительной смелости, находчивости, предприимчивости, подчас подлинного удайства и героизма. Понятно поэтому появление в купечестве новгородском особого типа «богатыря во купечестве», прославленного в былинах о Садко — богатым госте.

Новгородское купечество тесно сливалось с новгородским боярством. Вместе новгородские купцы и бояре за-

правляли делами городской общины, руководя в особенности торговой политикой. Купечество новгородское, как и купечество других больших торговых городов Северо-Западной Руси (Смоленска, Полоцка, Пскова), обнаружило большие способности к руководству общественными делами и большую твердость в отстаивании своих прав перед иностранцами¹¹⁸.

В социальном отношении купечество было таким же ведущим слоем в городе, как князь или боярин в своей земле или вотчине. Купеческие хоромы (большей частью деревянные) были в числе лучших зданий города. Купеческие пиры (братчины) играли немалую роль в развитии русской музыки и поэзии. Богатые купцы соперничали с князьями и боярами по строительству и украшению церквей.

Язвой древнерусского города была социальная рознь между верхами и низами городского населения. Богатые купцы считались «лучшими» людьми города. Но большинство населения естественно состояло из менее зажиточных — «молодших», или «черных», людей. В их составе были обедневшие купцы, мелкие торговцы, ремесленники различных специальностей и просто чернорабочие. Некоторые из них были «смердами», но большинство представляло собой тех же «людей», что и купцы, только обедневших и деклассированных. Сознание своей бывшей принадлежности к настоящим «людям» часто их ожесточало против «лучших людей». Политически большинство «молодших людей» в Новгороде было равноправно с людьми лучшими и могло участвовать в вече. Отсюда частые конфликты, многие из которых улаживались лишь посредничеством церкви.

§ 7. Сельское население низших разрядов

К концу XIX века русское крестьянство представлялось довольно однородным по своему составу. Заметно было экономическое расслоение, появление с одной стороны группы зажиточных крестьян («кулаков» по советской терминологии), с другой — группы бедняков и безлошадных. Но в юридическом отношении крестьянское сословие было

едино, и общественная организация его (мир) также была для всей почти России единообразна. Единое крестьянское сословие новой России образовалось в результате долгого исторического процесса из слияния многих более мелких разрядов и общественных групп. До крестьянской реформы 9 февраля 1861 года основными разрядами великорусского крестьянского населения были крестьяне казенные и крестьяне помещичьи (крепостные). Разряд крестьян помещичьих исторически возник, в свою очередь, из слияния в начале XVIII века двух разного рода общественных состояний — крепостных крестьян и холопов.

Крепостное крестьянство Московской Руси XVII века опять-таки было разнородным по своему составу и происхождению. В XVI веке лишь небольшие группы крестьянства можно считать закрепощенными. В Западной (Литовской и Польской) Руси процесс образования крестьянского сословия во многом отличался от московского и проходил под влиянием польских подрядов. Крепостное право в Западной Руси возникло раньше, чем в Руси Восточной.

В домонгольский период положение сельского населения было опять-таки иное. В Киевской Руси не было единого крестьянского сословия или состояния, которое бы обнимало собой все сельское население. На земле в киевскую эпоху сидели и совершенно свободные землевладельцы, и хуторяне («люди», «своеземцы»), и полусвободные от крупных вотчинников смерды и «сироты», и полусвободные «закупы». В крупных вотчинах для сельскохозяйственных работ употреблялась и «челядь» (холопы, рабы).

В дальнейшем историческом процессе верхний слой сельского населения («люди» и «своеземцы») постепенно распался. Часть его примкнула к служилому классу, часть слилась с «черным» крестьянством. Об этом отчасти было уже сказано¹¹⁹. Что касается холопов, их положение мы рассмотрим ниже особо¹²⁰.

Таким образом, сейчас нам нужно обратиться к «смердам» и «закупам». Начнем со «смердов». В своем месте было уже сказано о том, что в «смердах» можно видеть потомков сельского населения еще эпохи иранского владычества. На ча-

сти территории Южной Руси, занятой иранцами, издревле жили, вероятно, отдельные группы и славян. Смерды могли, таким образом, быть славянского происхождения, лишь попав в низший разряд населения в эпоху заселения страны новой волной славянских пришельцев — полноправными «людьми». Можно думать, однако, что часть смердов была потомками не славянских, а иноплеменных поселенцев иранской эпохи и, следовательно, инородцами с точки зрения позднее пришедших славян. Это обстоятельство также могло быть причиной подчиненного положения смердов в киевскую эпоху.

В киевскую эпоху смерды являются перед нами людьми, хотя лично и свободными и имеющими имущественные права (хотя несколько и ограниченные), но все же полузависимыми от князя и, несомненно, стоящими на низших ступенях общественной лестницы. Вспомним, что по «Русской Правде» за убийство смерда и холопа полагался одинаковый штраф (пять гривен). Смерды — по преимуществу земледельцы. Когда на Долобском съезде (1103 год) князя стали обсуждать вопрос о походе на половцев, между Святополком II и Владимиром Мономахом возникло разногласие по поводу времени похода. Святополк говорил: «Яко негодно ныне весною ити, хочем погубите смерды и ролью их»¹²¹. На это Владимир Мономах возражал так: «Дивно ми дружино, оже лошадей жалуете, еуже кто ореть (пашет), а сего чему не примыслите, оже то начнет орати смерд, и приехав половчин ударит и стрелою, а лошадь его поиметь, а в село его ехав иметь жену его и дети его и все его имение»¹²² (Лавр.).

Из этого обмена мнений между князьями ясно видно, что на смерда смотрели прежде всего как на землепашца. Но при этом любопытно отметить еще и то, что при военном походе князь имел право мобилизовать смердых коней для нужд армии. В связи с этим надо поставить и заботу «Русской Правды» о смердьем коне. За увод смердьего коня полагается штраф в две гривны (за княжого коня три гривны) (II В, 38). Так как смерды находились в зависимости от князя (и зато в некоторых случаях под покровительством князя), то, вероятно, и земля, на которой работали смерды, не

принадлежала им на праве частной собственности, а была княжой. Отсюда понятно, что и выморочное имущество смерда шло князю.

Более тесной, чем зависимость смерда от князя, была зависимость ролейного (пашенного) закупа от боярина. Закупами назывались сельскохозяйственные рабочие, взявшие у крупного землевладельца денег или скот в займы¹²³. У закупа оставалось ограниченное право иска на боярина. Боярин не мог также бить закупа «не смысля, пьян, без вины». В таком случае закуп имел право на вознаграждение. Но, с другой стороны, наказывать закупа за вину боярин имел право. В случае побега закуп считался холопом боярина, от которого бежал, и, если боярину удавалось поймать беглеца, он возвращался уже холопом.

С течением времени к положению смердов и закупов приблизились и другие низшие разряды сельского населения (в том числе обедневшие и потерявшие земли «люди»). Крестьяне этих разрядов известны современным памятникам под именем «изорников»¹²⁴, «сирот», «половников», «серебреников» и др. В Западной Руси, а позже и в Восточной к этим полузависимым от землевладельца крестьянам применяется термин «мужики» (в Западной Руси позже также «хлопы»). В Восточной Руси общим названием земледельческого населения становится «христиане» (крестьяне). В социально-экономическом отношении двумя обычными признаками всех этих низших разрядов сельского населения были: 1) аренда ими земли у крупного землевладельца и 2) ссуда денежная или иная, получаемая ими от того же самого землевладельца.

Условия крестьянской аренды изорников подробно разработаны в Псковской судной грамоте. Аренда уплачивалась натурой (четверть урожая). Для всех арендных договоров установлен был во Пскове один общий срок — Филиппово заговение (4 ноября). При отказе от продолжения аренды изорник должен был заплатить двойной оброк (половину урожая). Этим возможность отказа от аренды весьма затруднялась. С арендой обычно во Пскове связано было получение ссуды («покруты»). В случае прекращения аренды зем-

левладелец получал право требовать сразу всю ссуду назад. Это, разумеется, еще более связывало изорника.

При всей той денежной зависимости от крупных землевладельцев, в которую часть крестьянства попадала непрерывно в течение ряда веков (XI—XV), государственная власть не делала попыток закрепить эту фактическую зависимость законом. Ограничения права перехода сельского населения начинаются лишь с XV века, притом ранее в Литовской Руси, чем в Московской. Земским привилеем 1457 года великий князь Казимир запретил зазывать крестьян с панских вотчин на казенные земли. На Москве первые ограничения свободы крестьянского перехода общим законом относятся к 1581 году, но лишь Уложение царя Алексея Михайловича (1649 год) окончательно подтвердило крестьянское закрепощение.

§ 8. Холопы

Рабство — повсеместный институт древнего и раннесредневекового мира. Оно истари утвердилось в Западной Евразии. Рабы были у скифов и у хазар. По всей видимости, рабство существовало у славянских народов еще до расселения их по западноевразийским равнинам.

Следует различать, однако, различные виды рабства. Одно дело рабство как традиционный институт семейного права. Другое дело рабство как институт права международного и торгового. Связь истаринного рабства у славян с семейным правом видна из самой терминологии. Власть господина над рабами терминологически приравнивалась к власти отца над детьми. В Древней Руси вместо слова «раб» (или «роб») обычно употреблялось слово «холоп», и лишь в женском роде говорилось «раба» («роба»). «Холоп» значит собственно мальчик («хлопец» по-украински); такого же смысла чешское *otrok* (раб). «Роб» и «роба» — то же, что «робенок» (ребенок). Также и термин «челядь» сближается с «чадь», «чадо». Глагол «работать» (трудиться) — производный от «раба». «Работать» первоначально значило «быть в рабстве, трудиться в качестве раба».

Семейное право славян отличается более мягким характером, чем у некоторых других народов. Отеческая власть в славянском праве менее сурова, чем, например, в праве римском. Можно поэтому думать, что и рабство древних славян отличалось более мягким характером. Рабы, челядь были в некотором смысле младшими членами в семейно-родовом хозяйстве. Но когда славяне восточные расселились по просторам Западной Евразии, они втянуты были в международный коммерческий оборот. Торговля рабами была одним из существенных его элементов.

Культура народов древнего мира — греков и римлян — построена была на рабовладении и рабском труде, и так как своих рабов не хватало, то рабов стали покупать у соседей (или захватывать на войне). Римские походы на север и северо-восток, за Дунай, являлись отчасти экспедициями для добычи невольников. В годы мира римские купцы и агенты скупали невольников по северным границам разросшейся Римской империи, в том числе и в Северном Причерноморье. С римской эпохи в Северном Причерноморье, то есть в Западной Евразии, установились традиции работорговли. Эти традиции были подхвачены варяжскими князьями, когда они утвердились на Руси.

Рабы (челядь) составляли в X—XI веках значительный предмет русского экспорта в Константинополь и на Левант. Святослав Игоревич, пытаясь утвердить свою столицу в Перемышле на Дунае и перечисляя товары, которые туда стекались из разных стран, отмечал: «...из Руси же скоро и мед, воск и челядь». В Константинополе был специальный торг русскими невольниками, у церкви Св. Мамы. Греки раскупали невольников преимущественно в гребцы галерного флота. «Челядь» эта главным образом состояла, вероятно, из пленных, захваченных князем при покорении («примучивании») окрестных земель. Позже, при междукняжеских усобицах, пленники также часто обращались в рабов. Коммерческий характер, который приняли рабовладение и работорговля, совершенно, конечно, должны были изменить характер рабства. Холоп стал рассматриваться как объект вещного права¹²⁵.

Холопы держались на Руси преимущественно в больших хозяйствах. При дворе каждого князя и боярина жила челядь. В некоторых случаях хозяин заставлял холопов работать на земле. В большинстве же случаев холопы жили на барском дворе, в качестве прислуги или в качестве ремесленников. Холопов, заслуживших доверие своих хозяев, последние часто назначали у себя приказчиками (тиунами). Первоначальная княжеская дворцовая администрация почти вся состояла из холопов. С течением времени некоторые из этих холопов или их потомки выбивались на важные должности дворцовой службы. Самые эти должности постепенно изменяли характер, служба принимала характер государственной, и должности стали замещаться свободными людьми¹²⁶.

После введения в России христианства церковь повела длительную и упорную, хотя и не увенчавшуюся решительными успехами борьбу с институтом рабства. Если для древнерусского права холоп был объектом, а не субъектом, то, разумеется, церковь не могла не видеть в холопе такой же человеческой души, как в юридически свободном человеке. Церковь прежде всего стремилась внушить владельцам, что убийство холопа есть такой же грех, как убийство всякого человека. «Аще кто челядина убьет, яко разбойник епитимью приемлет», — гласило правило митрополита Георгия (XII век). Далее, церковь выступала против продажи рабов, в особенности против продажи рабов «поганым» (иноверцам), за что положены были церковные наказания. Наконец, церковь всячески поощряла отпуск рабов на волю, в особенности рекомендуя отпуск рабов по завещанию перед смертью «на упокой души». Число таких отпущенников («задушных людей») должно было быть в Древней Руси весьма значительным.

В монгольский период, под очевидным влиянием уйгурского права¹²⁷, создается институт условного холопства, известного под именем кабального. «Кабала» — слово арабское, значит «обязательство», «долговая расписка». Должник, получивший деньги по кабале, должен был работать на господина за проценты по долгу. Вернуть самый

долг ему, очевидно, в громадном большинстве случаев не было никакой возможности. Поэтому «кабальная зависимость» стала синонимом зависимости безвыходной.

Первое упоминание о введении на Руси кабального холопства (хотя и без упоминания самого термина) находим в летописях под 1262 годом. По смерти Батыея «князи рустии, согласившеся между собою и изгнаша татар из градов своих¹²⁸: бе бо от них насилие, откупаху бо богатые у татар дани и корыстовахуся сами, и мнози люди убозии в ростех работаху»¹²⁹. Работа «в ростех» (то есть за проценты) и есть существенный признак кабального холопства. Подлинные кабалы дошли до нас лишь начиная со второй половины XV века.

Кабальное холопство было личным, оно погашалось смертью закабалившегося человека или его господина. Дети закабалившегося (рожденные до его закабаления) кабале не подлежали. Иногда, однако, закон обходили таким образом, что при получении займа человек писал кабалы не только на себя, но также на жену и детей. Иногда человек обязывался кабалой не только заимодавцу, но также и его сыну (или сыновьям). Но такие случаи были исключением, а не общим правилом.

Кабальный человек мог употребляться хозяином для работы и в поле, и в усадьбе. В последнем случае положение кабальных людей мало чем отличалось от положения дворовых холопов.

§ 9. Быт

В предыдущих параграфах мы познакомились с общественным строем Древней Руси и общественными классами. Теперь нам нужно перейти к характеристике — поневоле весьма краткой — быта древнерусского общества.

Быт этот нельзя, конечно, рассматривать как нечто единое. Домашняя жизнь, жилище, одежда, общественные праздники и развлечения — все это менялось с течением времени. Быт горожан отличался от быта сельского населения. Особым миром были монастыри. Быт высших классов общества не во всем подобен был быту низших слоев общества.

Надо, впрочем, сказать, что такой резкой разницы в быте высших и низших слоев, как в XVIII—XIX веках, Древняя Русь не знала. В XVIII—XIX веках разница между европеизированным бытом высших сословий и бытом народным прорыла глубокую пропасть между «господами» и «простонародьем». Это были почти что две различные цивилизации. В Древней Руси различия между бытом высших и низших слоев общества были скорее количественные, чем качественные.

Начнем наш обзор с характера поселений Древней Руси. Как и в более позднее время, вплоть до начала XX века значительная разница в условиях жизни была между горожанами и сельскими обывателями. Городские поселения Древней Руси рано развились благодаря подъему торговли. Важнейшие города Древней Руси — Киев, Чернигов, Новгород, вероятно, также Суздаль и Ростов, возникли на месте поселений еще иранской эпохи. В киевский период многие из этих городов, в особенности сам Киев, достигли значительной степени процветания. Начали создаваться и новые городские центры на северо-востоке, как-то: Владимир, Боголюбов, Ярославль, Тверь, Москва, Тула.

Рост городов связан был, конечно, прежде всего с ростом промыслов и торговли и потому в значительной степени был делом купечества и мещан. Однако во многих случаях это зависело и от княжеской инициативы. Известно, как много сделал для украшения Киева Ярослав или для украшения Владимира и Боголюбова Андрей Боголюбский. Киев поражал приезжих иностранцев красотой, размерами и кипучей жизнью. Адам Бременский называл Киев соперником Константинополя. Упадок Киева как города начинается с половецкого погрома 1203 года. Одновременно почти происшедший разгром Константинополя крестоносцами IV Крестового похода подорвал значение византийской торговли, до того времени являвшейся одним из главных источников благосостояния Киева. Вторым по значению городским центром киевской эпохи был Новгород. Значение его особенно поднимается в XIV—XV веках, когда Новгород служит посредником не только между немец-

кой Ганзой и Русью, но также между Ганзой и монгольским Востоком. Упадок Новгорода начинается с подчинения его Москве (1471 год).

У нас нет точных данных о численности населения в древнерусских городах. В Киеве XI—XII веков можно предполагать более 100 тысяч жителей, и такое же число вероятно для Новгорода XIV—XV веков. Прочие города были менее значительными; все же в Смоленске, Чернигове, Ростове, Рязани, Владимире-Волынском, Галиче, Львове, позже также в Твери и Москве нужно предполагать несколько десятков тысяч жителей.

Почти всякий город Древней Руси был одновременно центром административным, церковным, торговым, ремесленным. Город обычно окружен был стенами — первоначально в большинстве случаев деревянными — и являлся крепостью, под защиту которой спасалось окрестное население в случае вражеского нашествия. В соответствии с различными заданиями древнерусского города, в нем обычно имелись дворец князя или его наместника, несколько — иногда очень много — церквей и монастырей, торговая площадь — в больших городах не одна, окруженная лавками купцов и ремесленников, и, наконец, дома — жилища обывателей. Каменных зданий, кроме церквей, было мало или почти не было. Благодаря этому монументальность церквей и крепостных башен архитектурно особенно должна была выделяться на фоне низких деревянных хором и домов.

Что касается внегородских поселений, они были в Древней Руси различного типа. Боярские дворы со своими службами и хозяйственными постройками, окруженные частоколами, иногда с церковью возле, представляли собою как бы города в миниатюре. То же можно сказать и о больших монастырях, огражденных каменными стенами, к которым жался посад. Больших сел и деревень позднейшего типа в Древней Руси, по-видимому, не было или было не так много. Лишь в Западной Руси в XV—XVI веках стали возникать местечки полуторгового типа.

«Люди», «своеземцы» жили хуторами, «смерды» — иногда мелкими поселками, иногда отдельными дворами. Население такого двора или хутора иногда было, впрочем, не менее населения маленькой деревни позднейшего типа благодаря обычаю жить большими семьями. Жилые постройки были довольно разнообразны по типу. Каменные жилые палаты являлись, как сказано, исключением. Общим правилом были деревянные хоромы и избы.

О внутреннем убранстве и обстановке домов отчасти уже говорилось выше. В больших хоромах бывало по многу покоев или комнат — горенки (чистые комнаты), ложницы (спальни) и т. д. После введения христианства в чистых комнатах вешались иконы. В большой комнате устраивался иногда целый иконостас, подобие домашней часовни. Мебелью служили скамьи, столы, кресла, кровати, поставцы, шкафы. Все это покрывалось убрусами, коврами, всякими тканями. Кровати были с особым изголовьем. В богатых хоромах кровати были постелены дорогими одеялами (иногда собольими) и покрывалами (паполомами). Подушки были иногда шелковые. В бедных домах все, разумеется, было проще. Одеяла употреблялись там полотняные.

Исконной одеждой древнерусского мужчины были сорочка (рубаша) и шаровары, которые идут, вероятно, еще от скифской эпохи, как можно судить по изображениям скифов на памятниках эллино-скифского искусства. Женский сарафан — также, вероятно, наследие скифских времен. Низшие слои древнерусского населения при этой одежде и остались, присоединяя к этому в более холодное время свиты волосяные и надевая на зиму теплый кожух или тулуп. Люди высших классов стали в XI веке одеваться по византийским образцам. В ходу были и восточные одежды. Впрочем, в самом византийском костюме сильны восточные влияния. Князья в парадных случаях стали носить корзна (род облекавшего весь стан круглого плаща, накидывавшегося сверху). Корзна застегивалось на правом плече запонью с петлицами. Употреблялись также откидные (япончицы). Даниил Галицкий носил скарамангий (тонкой работы кожух) тоже по византийскому образцу. Женский костюм

установился также по византийским и отчасти иконным образцам.

Со времени монгольского завоевания русский костюм подвергся новому влиянию восточных образцов. Стали употребляться узкие кафтаны, азямы, армяки, зипуны и т. д. Бояре стали надевать ферязи и опашни (опашни были мужские и женские). В качестве обуви носили сапоги и черевья (черевики), а беднейшее население в лесных местностях — лапти. Щеголи, как былинный Чурило Пленкович, носили сапоги с особыми загнутыми носками, чем приводили в восхищение древнерусских красавиц. На голове носили шапки разного вида. Распространенным типом был клобук — высокая остроконечная шапка, часто с меховым околышем или опушкой. Носились также треухи, мурмолки. Позже ввелись в употребление среди высших сословий шапки горлатные (обшивавшиеся лисьим, куньим или собольим мехом). На руках носили перчатки (рукавицы перстатые).

Строй жизни был приблизительно одинаков в богатых и бедных домах. Вставали рано. «Да не застанет вас солнце на постели», — поучал своих детей Владимир Мономах. Помолившись, отправлялись на работу. Князь начинал день «думую» с дружинниками, творил суд, вникал в дела управления. Бояре делали то же. Купец и ремесленник шли каждый в свою лавку. Земледелец выезжал в поле. Работали до обеда, а после обеда ложились отдыхать. «Спанье есть от Бога присуждено полудние, — советовал тот же Мономах — от чина бо почивает и зверь и птица и человеки». После спанья опять работали или шли в церковь к вечерне.

Дома жена богатого человека наблюдала за хозяйством — приготовлением пищи, рукодельем и шитьем мастериц, за детьми надзирали мамы и няньки. Жена бедняка сама варила себе и семейству и сама рукодельничала.

О приготовлении пищи в древнерусском обиходе говорилось уже выше¹³⁰. В «Слове о богатом и убогом» (XII век) обед богатого человека описывался так: «На обеде же служба бе многа, сосуди златом сковали и серебром, брашно много и различно: тетеря, гуси, жеравия, ряби, голуби, ку-

ри, зайцы, елени, вепреве, дичина, чамьри, тьртове, печени, крьпання, шемьлизи, пирове, потькы, множество сакачий (поваров) работаюче...»¹³¹. Обед среднего обывателя был, конечно, много скромнее, но и там обычно потреблялось мясо. Мясо ели и воины на походе.

Мылись в банях, имевшихся на севере при каждом доме, а летом в реке или прудах. По субботам и перед праздниками мылись особенно тщательно.

Иногда болели и звали «лечца» (доктора) или знахарку. От простых болезней и ран тот или другая иногда вылечивали. С эпидемиями, как «черная смерть» (середина XIV века), бороться не умели и умирали множествами. И помимо эпидемий для беднейшей части населения были трудные года — неурожая и голода. От голода особенно часто страдал Новгород, где своего хлеба не хватало и зависели от привоза. Войны — не только нападения внешних врагов, половцев или татар, но и междукняжеские усобицы — были часто не менее губительны для мирного населения, чем эпидемии.

Но если бывало много горя, бывало много и веселья и радости. В городах, а также и во многих селах в воскресные или праздничные дни ехали в церковь. Церковь давала не только исход религиозному чувству, но также удовлетворяла эстетическим запросам, заменяя отчасти то, что в наши времена дают музеи и театры. После службы на площади перед церковью шла оживленная беседа между соседями и знакомыми, а затем можно было отправиться на званый обед и смотреть скоморохов, слушать игру на гусях или иную «гудьбу» (музыку).

Княжеские пиры часто открыты были для всех желающих. «Изяслав с сыном Ярославом послата подвойски и биричи по улицам кликати, зовучи к князю на обед от мала и до велика» (Ипат., 1148 год). Будничный круг жизни прерывался не только подобными пирами, но целым рядом обрядовых торжеств. Наряду с церковными праздниками долгое время почитались языческие, против чего церковь боролась, но не всегда могла старые обычаи одолеть. Некоторые языческие праздники, исчезнув как таковые, были приспособлены к христианским, например, «русалии» — к Троицы-

ну дню, зимний солнцеворот — к Рождеству, а летний — ко дню св. Ивана Купалы.

Своего рода общественными событиями были также и некоторые семейные события, в особенности в жизни знатных семей и родов. В случае смерти князя или боярина умершему устраивались торжественные похороны с вопленицами и причитаньями. На заупокойную тризну (пир) звали всю округу. Свадьбы праздновались пышно и торжественно почти во всех слоях населения, с подробно разработанным ритуалом, веселым пиром, пением величальных песен, причитаний, а в знатных домах — также с «гудьбою».

Уклад жизни Древней Руси был несложен, но в достаточной мере отвечал потребностям и запросам своего времени. Человек, за редкими исключениями, не чувствовал себя одиноким и потерянным и мог идти в ногу с окружающим обществом. Различные общественные слои жили приблизительно тем же темпом и, в общем, однородными интересами. Классовая рознь была налицо, но во многих случаях смягчалась возможностью общения между лицами разных классов. Противоречия общественной жизни в значительной степени смягчала церковь, беря под свое покровительство увечных и изгоев. Если кто бывал неудовлетворен жизненным обиходом, а вместе с тем не склонен был искать выхода своей душевной энергии в богатырских подвигах — такой человек мог себя отдать служению церкви — шел в монастырь.

Глава III. Власть и управление

§ 1. Источники и виды власти

Древнее славяне, по-видимому, не знали централизованной государственной организации, представляя собой плохо сложенные союзы родов и семейно-родовых общин, управлявшиеся каждый своими старейшинами. Несколько родов могли составлять племенную организацию, впрочем слабо налаженную.

Подобной же можно себе представлять организацию — и, в частности, восточных славян — перед и во время их расселения по русским равнинам, а также в первое время после их расселения. Родовые старейшины направляли суд и расправу, решали дела, касающиеся всего рода, совещались со старейшинами соседних родов. Бывали, впрочем, попытки и более широких племенных объединений. В IV веке восточные славяне (анты) вступили в борьбу с готами. Антский военный союз представлял, по-видимому, довольно значительную силу в причерноморских степях VI–VII веков.

Зачатки государственной организации славян покрывали собою первоначальные формы их общественных союзов. Государственная организация постепенно выростала на основе общественной ткани. Власть племенная была, вероятно, естественным развитием власти семейно-родовой. Собрание родовых старейшин решало дела племени. При наличии условий, требовавших более прочной организации (например, в случаях войны с соседями), во главу племени выдвигался князь, вероятно, из состава родовых же старейшин. Таково, можно думать, было происхождение местных племенных князей, которые держали власть в некоторых областях Руси перед захватом власти варяжскими князьями. Из летописных сказаний о киевском князе Игоре мы знаем, что у древлян, например, еще в X веке был свой местный князь (по имени Мал).

Существенным фактором в развитии древнерусской государственности было то обстоятельство, что, захватив Приднепровье и Приазовье, восточные славяне проникли в область древней иранской культуры, с налаженными традициями международного торгового оборота, а также и традициями государственного порядка. Эти традиции помогли в свое время готам наладить подобие большого государства на юге России (III—IV века).

Нашествие гуннов (конец IV — первая половина V века) многое опрокинуло и разорило, но не надо забывать, что гунны несли с собою взамен свою собственную военно-государственную организацию, построенную на началах турецко-монгольского быта. Уроками гуннов восточные славяне сумели до известной степени воспользоваться, и в VI веке возродился антский военный союз, который еще до гуннского нашествия пытался вести борьбу с готами. Бури конца VI—VII веков (нашествия аваров, болгар, хазар) постепенно разбили державу антов. Главной силой в южно-русских степях сделались теперь хазары.

Хазары, подчинившие себе значительную часть восточнославянских племен (VI—IX века), соединяли традиции и иранской, и турецко-монгольской государственности, а позже явились проводниками и библейских (иудейских)

понятий о власти¹³². Хазары обеспечили безопасность торговых путей в Приднепровье и Приазовье, а также наладили известный административный порядок в славянских областях. По всей вероятности, в Киеве и некоторых других городах сидели хазарские наместники (тудуны), а окрестное население организовано было в самоуправляющиеся территориальные общины, члены которых круговой порукой отвечали за уплату дани и расправу с преступниками¹³³.

Город был административным центром для окрестных сельских областей. В некоторых случаях устанавливалась иерархия городов. Большой город политически господствовал над меньшими (пригородами). Собрание граждан (вече) главного города руководило политической жизнью всей области.

Варяжские князья воспользовались административным аппаратом, который налажен был хазарами. Весьма характерно, что после разрушения Святославом Игоревичем Хазарского царства киевские князья приняли хазарский титул кагана¹³⁴. То новое, что было принесено варяжскими князьями в управление русской землей, — это раздача своим дружинникам вотчин с правом суда и управления над населением в пределах вотчины.

По мере поглощения общины боярщиной¹³⁵ власть государя вотчины (пана, боярина) над населением вотчины все возрастала.

Рост вотчинного режима связан был с укреплением княжеской династии Святослава Игоревича¹³⁶. Охотно делясь с дружинниками властью на местах, Святославичи ревниво оберегали, однако, от бояр княжеские столы как привилегию своего рода¹³⁷.

Наконец, весьма важным моментом в поднятии престижа княжеской власти, как и вообще в развитии русской государственности, было крещение Руси. Церковь освятила собою княжескую власть. В понятие власти вошел в сильной степени момент идеократический. Крещение имело и другие важные последствия для политической жизни Руси. В церковном отношении Древняя Русь подчинялась константинопольскому патриарху. Но по византийским поня-

тиям церковь и государство были между собой неразрывно связаны. Царь и патриарх рассматривались как священная двоица, поставленная свыше для управления всем миром («икумени», вселенная)¹³⁸. Власть царя и патриарха дополняла друг друга. Одна без другой была немыслима. Приняв крещение, Русь делалась не только митрополичьим округом Константинопольского патриархата, но и в более широком смысле провинцией, подчиненной царско-патриаршему экуменическому управлению. Так, с крещением Руси открывалась дверь для притязаний византийского императора на верховный сюзеренитет над Русью и русскими князьями.

Иное дело — власть монгольского хана, которому Русь подчинялась после монгольского нашествия 1237–1240 годов. Власть эта была вполне реальна, она легла на Русь тяжелым бременем, многое разбила из прежде наладившихся организаций, но зато создала почву для позднейшего объединения разнородных элементов областной и вотчинной власти под рукой великого князя, позже царя Московского и всея Руси. Монгольское владычество было более длительным на востоке Руси, чем на западе. Западная Русь попала в орбиту Литвы и Польши. Политическая история Западной Руси привела ее к угрозе денационализации. Это, однако, обнаружилось лишь в более новые времена. В XIV же и XV веках области Западной Руси пользовались значительной долей автономии. Политический строй Западной Руси литовского периода основан был на преобладании вотчинной, панской (того, что в Восточной Руси называлось боярской) власти.

§ 2. Политическая география Древней Руси.

Вопрос о феодализме

Древняя Русь была своего рода федерацией отдельных княжений, городов и земель. Объединяющими началами были: 1) единство княжеского рода; 2) единство церковного общения; 3) сознание общих связей племенных и родовых и 4) вытекающее из всего этого сознание единства народа и страны. В более ранний (собственно киевский) период действенной объединяющей силой был торговый ин-

терес — эксплуатация Днепровско-Черноморского торгового пути.

Единство княжеского рода было идеалом, который не уничтожали в общем сознании постоянные ссоры и распри между отдельными князьями или группами князей. Единовластие было осуществлено на Руси лишь во времена каганов Владимира Святого (978—1015) и сына его Ярослава (который сделался единовластцем после смерти брата своего Мстислава Тмутараканского, 1036 год). После Ярослава Русский каганат распался на отдельные княжения, число которых все увеличивалось по мере возрастания княжеского рода и раздробления владений. С другой стороны, однако, наряду с центробежными силами проявлялись и центростремительные. Более сильные князья стремились объединить вокруг себя менее сильных. Создавались отдельные союзы князей. Междукняжеские связи даже в случаях фактического подчинения более слабых князей более сильными определялись, однако, терминами не феодальных, а родовых отношений. Андрей Боголюбский попробовал ввести понятие «подручника», близкое к западному вассалитету. Это встретило, однако, сильный отпор.

Ввиду принятия христианства от греков и зависимости средневековой русской церкви от константинопольского патриарха, при византийских понятиях о слитности церкви и государства, естественно было ожидать притязаний со стороны византийских императоров на признание их верховными властителями и на Руси. Фактически византийской политике удавалось иногда добиться влияния на отдельных русских князей. Так, какой-то русский князь (быть может, Святополк) помогал императору Василию в его экспедиции против таврических хазар (1016 год). Владимирко Галицкий признал себя даже вассалом (ипоспондос) императора Мануила Комнина. Суздальский князь Юрий Долгорукий пошел войной на киевского князя Изяслава по наущениям византийцев (1149 год). Однако, как правило, русские князья себя подданными византийских императоров не считали.

Монгольское завоевание 1237–1241 годов положило конец независимости русских земель. Русские князья должны были признать себя подручниками монгольских ханов. Для получения стола русским князьям пришлось теперь ездить в Орду получать ярлык на княжение. Ханов Золотой Орды русские летописи величают царями. Выдавая ярлыки на княжение, монгольские ханы желали лишь признания зависимости со стороны русских князей, но вместе с тем, за редкими исключениями, в русские междукняжеские отношения не вмешивались и уважали принцип родового старейшинства. Родовое начало власти было понятно монгольским ханам, так как и их собственная власть была построена на этом. Ханами могли быть лишь потомки Чингиса.

Тем не менее подчинение монгольской власти внесло существенные изменения в русские междукняжеские отношения. В эти отношения был введен теперь принцип иерархичности, подчинения младших старшим. Из общей семьи князей в Восточной Руси выделяется несколько «великих князей», претендующих на первенство среди других князей того же удела (старшинство это строилось по образцу старшинства ханов в каждом улусе). Великие князья появляются почти в каждой земле-княжении (Москва — Владимир, Тверь, Ярославль, Рязань и пр.). Среди них постепенно растет власть великого князя Московско-Владимирского.

Политический строй западнорусских земель, которые в XIII веке завоеваны были монголами так же, как и восточнорусские, складывается в дальнейшем по-иному. Первое время после монгольского завоевания монголы держатся по отношению к западнорусским князьям той же политики, что и к восточным: требуют подчинения и дают ярлыки. Только Киевская область поступает в непосредственное управление татарских баскаков. В XIV веке, однако, большинство западнорусских земель попадает в состав Великого княжества Литовского. Галичина признает над собою власть польского короля.

Большинство западнорусских княжеских столов переходит к Гедиминовичам (литовским князьям). На некоторых

столах держатся, однако, и Рюриковичи (Святославичи) — так, например, в Северщине.

Политические отношения, устанавливающиеся как в Восточной, так в особенности в Западной Руси в XIV—XV веках, наводят мысль на аналогию с феодальными порядками средневековой Европы. С одной стороны, княжеские уделы, ввиду быстрого возрастания потомства как Рюриковичей (Святославичей), так и Гедиминовичей, быстро дробятся. Многие «княжества» не отличаются теперь величиной от боярских вотчин. С другой стороны, устанавливается известный иерархический порядок среди князей, напоминающий отношения сюзерена к вассалам типа романо-германского феодализма.

Надо сказать, что в Западную Русь действительно — через Венгрию, Силезию, владения Немецкого ордена — доходили непосредственные влияния романо-германских образцов. Да и славянские страны Средней и Восточной Европы — Чехия и Польша, — приняв латинскую (католическую) культуру и войдя в тесное общение со странами романо-германской Европы, были проводниками тех же идей и порядков¹³⁹.

Политический строй Великого княжества Литовского может быть сопоставим с ленным строем немецких или чешских земель и французским феодализмом.

Политические же отношения в Восточной Руси складывались, во всяком случае, скорее под восточными, чем под западными влияниями. Как было уже упомянуто, иерархический строй междукняжеских отношений продолжал держаться на родовом принципе. Иная боярщина могла быть больше иного княжества, но боярин князем стать по-прежнему не мог. Связи между землей и вассальной службой, «смычки» между феодализмами экономическим и политическим так и не установилось до самых времен полного изменения политического строя Восточной Руси. Это изменение явилось результатом роста московского единодержавия и принятия на себя московским великим князем титула царя — в наследие от павшей Византии (взятой османами в 1453 году) и падающей Орды. В Московском государстве установился не феодализм, а поместная система.

§ 3. Князь как орган власти.

Верховное управление

Политический строй Древней Руси, как ясно из предшествующего, представлял собою весьма пеструю картину, сочетание разнообразных элементов. Стараясь уловить элементы единства в этом разнообразии, мы можем различить четыре основных типа среди органов власти и верховных учреждений Древней Руси: 1) князь; 2) городское вече; 3) общеземский сейм; 4) верховный совет (господа, паны-рада, боярская дума).

Князь считался необходимым элементом политической власти в Древней Руси, даже если фактически, как, например, в Новгороде, значение его было весьма ограничено. Новгородцы считали себя свободным в выборе князя между представителями различных ветвей княжеского рода. Так, например, в 1140 году новгородцы заявили князю Всеволоду Ольговичу: «Не хотим сына твоего, ни брата твоего, ни племени вашего, но хотим племени Володимера» (то есть одного из Мономашичей). При всем том новгородцы не считали возможным обойтись вовсе без князя. Князь, даже зависимый от веча, как это было обыкновенно в Новгороде, являлся залогом политического и социального равновесия. Власть князя возвышалась над прочими элементами власти, объединяя и направляя их, спаивая воедино политический и социальный организм земли-княжения.

Князь признавался необходимым для поддержания политического и социального порядка. Когда Владимир Мономах отказывался прийти княжить в Киев, киевляне заявили: «Аще ли не поидеши, то веси, яко много зло уздвижется, то ти не Путятин двор, ни соцьких, но и жида грабити, и паки ти поидуть на ятровь твою и на бояры и на монастыре, и будеши ответ иметь, княже, оже ти монастыре разграбят»¹⁴⁰ (Ипат., 1113 год).

Таким образом, князь — охранитель внутреннего мира и порядка. Обязанности князя «володети и судить» или «судить и рядить». Вместе с тем на князе лежит поддержание

внешнего мира — защита земли от внешнего врага. Князь, не сумевший оградить страну от внешнего врага, население считало не исполнившим своей обязанности. Киевская революция 1068 года вызвана была народным негодованием по случаю поражения княжеской рати половцами. Московский мятеж 1382 года во время осады города Тохтамышем также вспыхнул вследствие отсутствия великого князя — отъезда его на север для сбора новой рати. Москвичи считали, что князь их бросил.

Наоборот, воинская активность князя создавала ему обычно большой престиж. Популярность Владимира Мономаха основана была в значительной степени на его победах над половцами. Александр Невский своей обороной русской земли от шведов и немцев создал к себе такое доверие, которого не могла поколебать даже его дружба с татарами, политическую мудрость которой не сразу могли оценить более нетерпеливые и горячие головы.

Князь мог относиться к своим обязанностям по-разному. Иные князья были ленивы и нерадивы, другие добросовестны и деятельны. Идеал княжеской деятельности обрисован в «Поучении» Владимира Мономаха. Согласно этому Поучению, князь должен по возможности сам вникать и в суд, и в управление, и в предводительство войском. Он должен твердо вести управление и государственное, и дворцовое. В летописи действительно видим много примеров личного участия князя в суде, войске, сборе дани. Однако и лучший и наиболее добросовестный князь за всем сам усмотреть не мог. Военные походы часто отвлекали князя от внутренних дел. Какой-нибудь Мстислав Удалой, метавшийся со своей дружиной по всему лицу Русской земли, сбивая одного противника за другим, не мог отдавать много времени суду и внутреннему управлению.

В обсуждении и решении многих дел князю помогали бояре. В некоторых землях — княжениях и особенно в Литовской Руси — боярский совет развился в особое высшее учреждение с конституционными правами. Этот верховный совет как орган власти будет нами рассмотрен особо¹⁴¹. Здесь уместно коснуться лишь непосредственных помощ-

ников князя касательно управления и суда. Такими помощниками могли быть и высшие дружинники, и бояре — порознь, а не в совете. Иные из них помогали князю в его стольном городе. Других он назначал посадниками и волостелями в важнейших пригородах своего княжения.

Во многих случаях, однако, назначение бояр на административные должности для князя могло быть неудобно. С возрастанием политического самосознания и корпоративного чувства среди боярства боярин стал на себя смотреть не как на исполнителя воли князя, а как на представителя независимой от князя политической корпорации. Начинаются конфликты между князем и боярством, весьма частые особенно в Западной Руси. Князь стремится обезопасить себя от роста политического влияния боярства, унижить боярство как класс. «Не раздавивши пчел, меду не есть», — говорил Роман Галицкий¹⁴². При таких условиях князь стремился к тому, чтобы вести управление через людей, от него всецело зависимых. Такими были чиновники дворцового управления князя — дворские, тиуны, ключники, из которых многие были первоначально княжими холопами. Позже в Московском государстве получили значение государственные секретари (дьяки). Такие члены княжеской администрации лишь в редких случаях составляли особый административный совет. В большинстве случаев каждый из таких чиновников порознь получал от князя поручения и каждый лично перед князем бывал ответствен.

Несколько более определенные формы принял административный совет в Западной Руси. Административный совет Великого княжества Литовского — как бы секретариат при великом князе и панах-раде — носил смешанный характер. В него входили как некоторые из высших панов, подчас державших свои должности наследственно, так и специалисты — администраторы (урядники). В числе этих урядников были: маршалок земский (министр великокняжеского двора), охмистр (гофмейстер, заведующий двором великой княгини), канцлер (начальник государственной канцелярии), подскарбий земский (секретарь по финансовой части), гетман наивысший (секретарь по военным делам).

§ 4. Вече

Вече как орган власти являлось исконным учреждением Древней Руси. Оно действовало повсеместно — во всех главных городах — областных центрах. Известная запись в Лаврентьевской летописи под 1176 год гласит: «Новгородци бо изначала и смолняне и кыяне и полочане и вся власти (волости) яко же на думу на вече сходятся; на что же старейшие сдумают, на том же пригороди станут».

В различных летописных списках можно собрать много указаний на деятельность вече в XI—XII веках в разных русских городах¹⁴³. Вечем называлось общее собрание или сходка всех полноправных граждан («людей») главного города. Жители пригородов принимали участие в столичном вече лишь изредка и в исключительных случаях. Так как вече столичного города могло созываться внезапно для решения какого-либо очередного вопроса, то пригороды часто не могли даже заранее быть оповещены.

Полноправными членами вече считались домовладыки — отцы семейства. Живущие при них сыновья, хотя бы и взрослые, голоса не имели. Но даже и с такими ограничениями вече большого города бывало обычно очень многолюдно. Местом собрания вече была поэтому одна из самых больших площадей в городе — перед главной церковью или собором, иногда «торг» (рыночная площадь), иногда площадь перед княжим двором. В Киеве вече собирались у Св. Софии, у Туровой божницы, на Подоле, на Ярославовом дворе. В Новгороде — у Св. Софии, у Св. Николы, на княжьем дворе. На месте собраний иногда расставлялись скамьи, в других случаях дела обсуждались стоя. Иногда участники вече приезжали даже на конях.

Инициатива созыва вече даже в Новгороде весьма часто принадлежала князю. «Сядящу же Мьстиславу в Новгороде Велицем, и вложи Бог в сердце мысль благу пойти на чюдь, и союза мужи новгородские» (Ипат., 1178 год). В других случаях вече созывалось по инициативе группы граждан. В 1146 году, после вечевого собрания на Ярославовом дво-

ре, созданного по инициативе князя, киевляне «паки совокупишася вси у Туровы божицы» и потребовали князя на это новое вече для дополнительного обсуждения некоторых вопросов. Различные группы граждан, не сговорившись между собой, могли пытаться каждая созвать вече по своей инициативе: «И Оницифор с Матвеем созвони вече у св. Софеи, а Федор и Ондрешко другое созвониша на Ярославля дворе»¹⁴⁴.

Из только что приведенной цитаты видно, что вече созывалось колокольным звоном. В каждом большом городе был особый вечевой (также «вечный» или «вечий») колокол, специально для созыва веча только и употреблявшийся. Вечевой колокол был символом городской свободы. При подчинении Новгорода Москве в 1478 году Иван III определил: «Вечю колоколу во отчине нашей в Новгороде не быти, посаднику не быти, а государство все нам держати».

Вечу иногда предшествовали совещания отдельных групп граждан, на которых участники заранее условливались, на каком решении стоять. Если такие совещания имели целью какие-либо решительные действия против существующих властей, то они бывали тайные. «Начат а новгородци вече деяти, втайне, по двором, на князя своего» (Ипат., 1169 год). В Новгороде XIV—XV веков установился порядок предварительного обсуждения подлежащих обсуждению на вече вопросов на совете именитых граждан и городских властей, известном под именем «госпѣда». Для решения любого вопроса на вече требовалось непременно единогласие. Вечное постановление выносилось «однодушно», «едиными усты». Если незначительное меньшинство было против, ему приходилось молчать. Если, однако, ясного большинства не было или активное меньшинство не желало подчиняться решению, то вече кончалось битвой двух сторон. В случае, если ни одна не могла осилить, никакого решения принято быть не могло.

Вече созывалось обыкновенно для решения более крупных вопросов городской жизни. Вече — не только в Новгороде, но также в Киеве и многих других городах — приглашало нового князя на стол в случае смерти или неспособности

предыдущего. В Новгороде такой порядок стал постепенно нормальным условием княжеского преемства. В других городах вече далеко не всегда имело возможность или считало нужным подать свой голос при смене князя. Призывая князя на стол, вече ставило ему определенные условия, составляло с ним «ряд». «Ряд» этот принял наиболее определенные формы опять-таки в Новгороде. По условиям новгородского «ряда» князь обязывался: 1) не судить суда без участия посадника; 2) не раздавать волостей и грамот без согласия посадника; 3) не приобретать в пределах Новгородской земли недвижимых имуществ в собственность ни себе, ни княгине; бояре и дворяне князя также подпадали под это условие.

Призывая князя на стол, вече могло и удалить князя, если он делался городу неугоден. В Новгороде князь подвергался формальному суду веча за неисполнение условий договора. Но случаи изгнания князя вечем бывали и в других городах, например в Смоленске и в Киеве. Вече принимало часто участие в решении вопросов об объявлении войны, а также и о заключении мира. Вече играло большую роль и в законодательстве. Псковская судная грамота была рассмотрена и утверждена псковским вечем. Весьма важной функцией веча было избрание высших должностных лиц в городе, в особенности (в Новгороде и Пскове) — посадника и тысяцкого.

§ 5. Верховный совет

Наряду с вечем как общим собранием полноправных граждан в Древней Руси известен был верховный совет, действовавший в тесном взаимоотношении как с вечем или земским сеймом, так и с князем, иногда как посредник между ними, иногда как орган или дополнявший, или ограничивавший власть веча, сейма или князя. Этот верховный совет можно признать аристократическим элементом власти в Древней Руси. Совет был выражением групповых интересов знати, а в вечевых городах — также и капитала.

В Новгороде, как уже было сказано¹⁴⁵, создан особый совет (госпѡда) для предварительного обсуждения вопросов, подлежащих решению веча. Фактически этот совет пытался вообще руководить политической жизнью Новгорода. В состав совета входили старые и степенные посадники¹⁴⁶, тысяцкие и сотские. Число членов новгородского совета в XV веке доходило до пятидесяти. Влияние совета могло быть большим или меньшим в зависимости от соотношения сил отдельных партий и групп граждан и степени поддержки, на которую совет мог рассчитывать среди своих сторонников на вече.

В большинстве древнерусских земель-княжений верховный совет кристаллизовался, однако, не вокруг веча, а вокруг князя. Дружина, на которую князь опирался в отношении военном, создавала ему в большинстве случаев и политическую поддержку. Совещание («дума») князя со старшими дружинниками и была зачатком того учреждения, которое позже в Литовско-Русском государстве стало известно под именем панов-рады, а в Московском под именем думы¹⁴⁷.

Княжеская дума была одним из основных учреждений древнерусской политической жизни. «Думанье» считалось постоянной и неременною функцией старших дружинников — бояр. «Где бояре думающие, где мужи храборствующие, где ряд полчный?» — воскликнул князь Игорь после поражения своего половцами (Ипат., 1185 год). Без совещания с членами думы («не сгадав с мужми своими») древнерусский князь не предпринимал ничего важного. Еще о Владимире Святом говорится, что он «бе любя дружину и с ними думая о строи земленем и о ратех и о уставе земленем».

Совещания (дума) князя с боярами обычно происходили по утрам. Владимир Мономах в своем Поучении детям советует им вставать до восхода солнца и, помолясь Богу, «седше думати с дружиною». Феодосий Печерский, возвращаясь однажды рано утром из загородного дворца князя, встретил бояр, спешивших на думу к князю. Во мнении современников дума была ответственна за политику князя.

«Князь не сам впадает в вещь (грех), но думци вводят, — говорится в известном “Слове” Даниила Заточника. — С добрым бо думцею думая, князь высока стола добудет, а с лихим думцею думая — меньшего лишен будет».

При всем политическом значении древнерусской думы киевского периода она не сложилась в законченное учреждение с определенным составом, правами и компетенцией. Обычай требовал, чтоб князь совещался со старшими дружинниками (боярами), но князь формально в выборе советников ограничен не был. Вследствие этого, когда боярство начало складываться в определенную корпорацию, когда между князем и боярством началась борьба за власть и князь стал пытаться высвободиться из-под боярской опеки, руки у него не были связаны. Князь начал обходить обычай думанья с боярами. В иных случаях он совещался не со всеми боярами, претендовавшими на роль думцев, а лишь с отдельными лицами из высшей дружины, от которых он не ждал оппозиции. В других случаях он стал совещаться не со старшей дружиной, а с младшей¹⁴⁸. Подобная политика князей должна была, конечно, встречать резкое осуждение со стороны приверженцев старшего боярства. Отголоски этого осуждения проникли и в летопись, где часто промахи княжеской политики приписываются нежеланию князя считаться с голосом боярского совета.

Про Всеволода Ярославича, например, летописец замечает, что под старость он «нача любити смысл уных (юных) и совет творяще с ними» (Ипат., 1093 год). Летописец осуждает Святополка Изяславича, что он в нарушение международного права арестовал половецких послов, явившихся к нему с мирными предложениями. Летописец объясняет, что Святополк так поступил «не здумав с болшею (старшей) дружиною отнею (отцовской) и стрыя (дяди) своего, совет сотвори с пришедшим с ним» (Лавр., 1093). Святослав Всеволодич Черниговский принял решение напасть на Давида Ростиславича «сдумав с княгинею своею и с Кочкарем милостником своим, и не поведе сего мужем своим лепшим думы своея» (Ипат., 1180 год). «Люте (горе) бо граду тому,

в нем же князь ун (юный), любяй (любящий) вино пити с гуслями и с младыми советники», — поучает летописец (Лавр., 1015 год).

Борьба князя с боярством, принявшая столь резкие формы во многих русских землях (особенно же в Западной Руси) в конце XII и в первой половине XIII века, в значительной степени была прекращена монгольским завоеванием. Ввиду создавшейся угрозы раздробления монголами сложившейся политической организации и создания нового порядка — организации низов населения в тяглые общины под непосредственным управлением ханских баскаков¹⁴⁹ — и князя, и бояре поняли, что им приходится думать не о взаимной борьбе, а о взаимной поддержке для спасения традиционного политического уклада. Дальнейший политический процесс пошел разными путями в Восточной и в Западной Руси.

В Восточной Руси боярство, во многом забывая прежние свои притязания, сплачивается вокруг князя и поддерживает князя. Именно дружная поддержка боярства во главе с митрополитом Алексием из бояр обеспечила укрепление великокняжеской власти на Москве в тревожное время малолетства князя Дмитрия Донского. Наоборот, в Западной Руси боярство организовалось в самостоятельную политическую силу, и западнорусский князь должен был признать боярский совет как постоянное учреждение. Учреждение это приняло законченный вид под влиянием польского государственного права.

В состав этого высшего совета Великого княжества Литовского входили князья и бояре как русских, так и литовских областей великого княжества. Паны-рада были учреждением чисто аристократическим. Помимо областных князей в совет этот входили такие высшие сановники великого княжества, как маршалки земский и дворный, и важнейшие воеводы, наместники и державцы. Все они были крупными землевладельцами. По мере усиления польско-латинского влияния в состав рады были введены и латинские архиереи (бискупы).

§ 6. Сейм

Общеземский сейм как постоянное учреждение в киевский период еще не сформировался. В это время можно обнаружить лишь зачатки его. В Московской Руси общеземский съезд представителей с мест известен был под именем земского собора. Но первый Московский собор общеземского масштаба созван был лишь в 1550 году. Деятельность московских земских соборов относится, таким образом, к более поздней эпохе. Для нашего периода лишь в Западной (Литовской) Руси мы встречаем сейм как сложившееся учреждение (XV век), но и там, как увидим, он не играл особенно деятельной роли.

Обратимся прежде всего к тому, что можно считать зачатками сейма в киевский период (XI—XII века). Здесь следует, во-первых, обратить внимание на междукняжеские съезды («снемы» или сеймы). Такие съезды созывались старшими князьями по мере надобности. Съезды эти иногда имели почти общерусское значение. Таковы съезды Любечский (1097 год) и Витичевский (1100 год). В них принимали участие наиболее влиятельные князья тогдашней Руси — Святополк Изяславич, Владимир Мономах, Давид Игоревич и Олег Святославич. В 1168 году Мстислав Киевский (ветви Смоленских Ростиславичей) созвал союзных с ним князей для обсуждения вопроса об охране южнорусских торговых путей от половцев. В 1187 году совещались одновременно две группы князей: Ростиславичи на правом берегу Днепра и Олеговичи — на левом. Предмет совещания был тот же, что и двадцать лет назад. В других случаях съезжались князья только определенной группы для сговора о борьбе с другой группой князей. Так, в 1146 году съехались Давидовичи (Черниговские) с Изяславом Киевским и уговорились совместно выступить против Святослава Ольговича (Черниговской ветви).

Все эти совещания формально были только думой князей между собой. Но фактически некоторые из этих съездов имели более широкое, почти общенародное значение.

В каждом случае князья приезжали вместе со своими дружинниками и войском. Решение формально принималось в шатре первенствующего князя. Фактически решение было иногда результатом обсуждения вопроса и в княжеской дружине, и во всем войске. В некоторых случаях можно думать, что и голос духовенства и горожан принимался во внимание.

В 1151 году киевские и смоленские князья Вячеслав, Изяслав и Ростислав созвали совещание о борьбе против суздальского князя Юрия Долгорукого. Из рассказа летописи видно, что в совещании участвовали не только дружины князей, но также представители города Киева и черных клобуков. После обмена мнениями князья «послушавше дружины своей и Киян и Черных Клобуков» (Ипат.). Весьма любопытна роль в этом черных клобуков — отряда степных кочевников, поселенного на степном рубеже в Южной Киевщине и в описываемое время ревностных приверженцев князя Изяслава¹⁵⁰.

Своего рода зародышем земского собора может считаться городское вече в том случае, когда в нем принимают участие — подчас весьма деятельное — и представители пригородов. Так, когда в 1146 году киевское вече просило на стол князя Игоря Ольговича, Белгород и Василев прислали своих представителей для подтверждения просьбы киевлян. В 1132 году, когда князь Всеволод Мстиславич вернулся в Новгород после изгнания из Переяславля дядей Юрием, в Новгороде «бысть встань (восстание) велика в людех. И придоша пльсковичи (псковичи) и ладожане и выгониша князя Всеволода»¹⁵¹.

Более определенными чертами рисуются зачатки общеземского сейма в Северо-Восточной Руси. Суздальские князья XII — XIII веков искали поддержки городов и волостей как во внешней своей политике, так и во внутренних своих распрях. Великий князь Всеволод Юрьевич, желая передать стол сыну Юрию, созвал в 1211 году общеземское совещание, которое может считаться прообразом московских земских соборов. «Князь великий Всеволод созва всех бояр своих с городов и с волостей, и епископа Иоана, и игумены, и попы, и купцы, и дворяны, и вси люди, и да сыну Юрию

Володимерь по себе и води всех ко кресту и целоваша вси люди на Юрья»¹⁵².

В Западной Руси, отчасти под польским влиянием, к XV веку создалось довольно правильно организованное представительное собрание, известное под именем сейма. Сейм в Великом княжестве Литовском развился позднее панов-рады. Паны составили высшую палату сейма (сенат). Нижняя палата (изба) состояла из представителей (послов) от шляхетского (рыцарского) сословия, избранных на окружных съездах (сеймах). Образованный отчасти по польскому образцу, сейм имел в Великом княжестве Литовском гораздо менее действительного значения, чем в землях короны польской. Паны-рада подавляли сейм своим влиянием, и в большинстве случаев сейм XV века послушно следовал указаниям панов.

§ 7. Строй управления

Строй древнерусского управления носит двойственный характер. С одной стороны, мы видим управление (или самоуправление) общественных союзов: семейно-родового, сельско-сябренного, городского. С другой стороны, подымается и со временем все более крепнет управление вотчинное — княжое и боярское. Княжой двор постепенно приобретает роль важнейшего административного центра почти во всех русских землях — княжествах.

На первоначальные формы русского административного устройства в XIII веке наложило свою тяжелую печать управление монгольского хана, представлявшее собою смешение обычаев права турко-монгольских племен с навыками стран восточных административных культур — китайской, иранской, арабской.

Строй управления (или самоуправления) древнерусских общественных союзов был тесно связан с примитивной военной организацией этих союзов. Например, ополчение и народное управление между собой сливались — так же, как позже было в казачьих общинах — на Дону и в Запорожье. Народное ополчение — «тысяча» — делилось на

сотни и десятки. Отсюда должность тысяцкого, сотских, десятских¹⁵³.

Начальник племенного ополчения или городской рати («тысячи») — тысяцкий — был вместе с тем и главой племенной (или городской) администрации. С установлением княжеской власти должность тысяцкого некоторое время сохраняла свой общественный характер, но тысяцкий сделался помощником князя, посредником между князем и племенной (или городской) общиной. Этим объясняется, что в летописи встречаем иногда имя тысяцкого наряду с именем князя при датировке событий. «В лето 6597 священа бысть церкви Печерская... при благороднем князи Всеволоде, державному Русския земля... воеводство держашю Киевския тысяща Яневи (воеводство киевской тысячи держал Янь)» (Лавр., 1089 год).

Впоследствии тысяцкий в большинстве русских земель стал назначаться князем, обычно из местных бояр. Впрочем, в Новгороде должность тысяцкого оставалась выборной до самого падения новгородской независимости. Однако и в древнерусских землях тысяцкий имел близкие связи с народным вече, являясь выразителем или попечителем интересов всего народа. В этом смысле должность тысяцкого могла быть неудобна и князю и боярам. В XIV веке в Московском княжестве видим попытки тысяцкого усилить свое значение, что привело к столкновениям и в конце концов к отмене должности.

В 1357 году московский тысяцкий Алексей Петрович был найден убитым. Народ заволновался, обвиняя бояр в этом убийстве. Поднялся мятеж, и «большии бояре» должны были со своими семействами спасаться в Рязань. Лишь с большим трудом московскому правительству удалось замять конфликт. В 1374 году после смерти тысяцкого В. В. Вельяминова великий князь решил упразднить самую должность тысяцкого. Сын Вельяминова пытался поднять восстание, но был схвачен и казнен.

Что касается должности сотских и десятских, то эти должности рано утратили свой военный характер, сделав-

шись агентами главным образом полицейского и финансового управления.

Сеть общественной администрации, как было уже упоминаемо, сохранилась в более чистом виде лишь в некоторых городских державах Древней Руси, в особенности в Новгороде и Пскове. Наряду с должностью тысяцкого получила особое значение должность посадника. В Новгороде посадник был высшим должностным лицом, и власть его была значительно полнее власти княжеской.

Обращаемся теперь к княжому управлению, в значительной степени носившему, как уже было сказано выше, вотчинный характер. В широком смысле слова вся Русская земля считалась вотчиной княжеского рода, а отдельная земля — княжение — вотчиной каждой отдельной ветви княжеского рода или даже вотчиной правящего князя. Но князь был вотчинником и в более узком смысле — крупным землевладельцем в пределах своего княжения (кроме Новгорода) или и вне этих пределов. Самая природа княжой власти, как мы уже видели¹⁵⁴, значительно шире круга вотчинных понятий. Освящение княжеской власти Церковью подводило под понятие княжеской власти широкий идеологический фундамент¹⁵⁵. Практически строй княжого управления был, однако, гораздо глубже проникнут вотчинными понятиями. Княжескими чиновниками в Древней Руси были преимущественно служащие дворцового управления князя. Эти служащие первоначально были холопами князя. В киевский период они носили общее название тиунов (приказчиков). Тиуны являлись княжими агентами и управления, и суда. Постепенно тиуны стали различаться по специальности своей службы. Видное значение получил тиун огнищный или дворский¹⁵⁶ — заведующий дворцовым распорядком князя. Важным сановником был также тиун конюший, заведовавший княжими конюшнями и табунами. Ввиду значения конного строя при борьбе с кочевниками должность конюшего тиуна имела большую важность в военном хозяйстве князя.

Более мелкими чиновниками были ключники, мечники (пристава), даньщики, мытники (последние две должно-

сти относились к финансовому управлению). Представителем князя в пригородах или вновь присоединенных городах и землях был посадник¹⁵⁷. Каждый посадник правил с помощью таких же тиунов и ключников, как и князь.

Управление боярской вотчины складывалось по тому же типу, что управление княжое. Управление крупной боярской вотчиной распространялось в некоторых случаях и на окрестное население, в особенности на людей, полузависимых от боярина в социальном или экономическом отношении. В отношении территориальном управление Древней Руси носило довольно пестрый характер. Вотчины княжие и боярские перемежались со свободными общинами городскими или сельскими. Единой схемы административного деления территории не было. Земли делились на волости, погосты, губы. И городское, и сельское население делилось на сотни, но деление это не было повсеместным.

Монгольское завоевание внесло глубокие изменения в строй русского управления. Как выше уже упоминалось, часть Южной Руси (Киевщина, Северщина, Переяславщина, Подолье) была взята монголами в непосредственное управление. Система княжой администрации в этих землях была сломлена и заменена управлением татарских баскаков. Баскаки следили преимущественно за правильным поступлением податей¹⁵⁸ и сбором «числа» (рекрутов в монгольскую армию). Для обеспечения этих целей страна была организована в общины, связанные круговой порукой. Выборные люди каждой общины служили прежде всего целям монгольской администрации. Общины объединялись в округа. Такие округа назывались «тьмы»¹⁵⁹.

Во главе округов стояли выборные «атаманы», передававшие баскакам собранную с общин дань.

В большинстве русских земель монголы не разрушали, однако, княжеской администрации, но лишь подвергли ее бдительному надзору своих агентов — «даруг» (или «дорог») и тех же «баскаков». Князья сделались подручниками хана — исполнителями его воли.

Однако благодаря изменению монголами податной системы¹⁶⁰, а также благодаря влиянию примера непосред-

ственного монгольского управления в тех землях, где оно было введено, администрация всех вообще русских земель в монгольский период претерпела значительные изменения. Наиболее глубоки были эти изменения в Московском великом княжестве. Сказывались они, однако, лишь постепенно. Под влиянием монгольских образцов перестраивалось как центральное, так и местное управление.

Великий князь стремится слить различные типы своих советников и приказчиков в единый служилый класс. Центральное управление разделяется на «пути» — конюший, ловчий, сокольничий, стольничий, чашничий. Возрастает значение дьяков в суде и управлении, складываются постоянные канцелярии отдельных «путей», позже развившиеся в так называемые «приказы». Особенно разительны были перемены в местном управлении и суде, хотя и тут они сказались не сразу. С конца XIV века московский великий князь начинает поручать управление и суд общинам на местах. В полном виде земское самоуправление развилось в XVI веке при Грозном. Это земское самоуправление основано было на тех же принципах, что и монгольское правление в Южной Руси в XIII–XIV веках.

§ 8. Финансы

Из отдельных отраслей управления рассмотрим особо следующие три: финансовое управление, войско, организацию дипломатического ведомства и службы. Эти отрасли управления относились к ведомству княжого управления по преимуществу. Каждая из этих отраслей лишь постепенно, однако, выделилась из общего круга княжого управления.

Варяжские князья, придя на Русь, застали уже там налаженную систему податного управления, организованную хазарами (а хазары, в свою очередь, вероятно, лишь упорядочили расшатанную временем скифо-сарматскую податную систему). Основной чертой этой системы была «дань», платимая правителям племенными или территориальными общинами. Дань налагалась немедленно по подчинении

племени или общины управлению господствующего центра. «Рекоша Козаре (полянам): платите нам дань» (Лавр., л. 6).

Дань платилась общиной по расчету от дыма (двора) или от рала (плуга). «Сдумавше (посоветовавшись) Поляне и вдаша (Козарам) от дыма меч»¹⁶¹. Дань платилась деньгами или товарами, большей частью мехами. Когда Святослав спросил вятичей: кому даете, они отвечали: «Козаром по шелягу¹⁶² от рала даем» (Лавр., 964 год). В другом случае в Начальной летописи записано: «Козаре имахуть на Полянех и на Северех и на Вятичах по беле и веверице от дыма»¹⁶³ (Лавр., 859 год).

Помимо денежного (или товарного) обложения уже в доваряжскую эпоху известны были, конечно, и натуральные повинности, в особенности подводная или лодочная (повоз). Варяжским князьям оставалось только перевести все эти подати и повинности на себя и собирать их в свою пользу. К наложению этих сборов и сводилась главным образом деятельность первых варяжских князей по устройению завоеванной ими страны. «Поча Олег воевати Древляне и примучи (покорив) и имаше на них дань» (Лавр., 883 год). Первые князья лично объезжали покоренные земли для сбора с людей (это называлось «полюдье»). Дань исчислялась большей частью с дыма. Подымная подать удержалась под этим названием и позже в Западной Руси.

Важным источником княжеских доходов были уголовные штрафы и судебные пошлины (вира и продажа)¹⁶⁴. Торговые пошлины имели в этот период меньше значения. Принципом товарообмена был свободный от пошлины провоз товаров. Полагалось, впрочем, чтобы иностранные гости и купцы делали небольшие подарки княгине и тиуну¹⁶⁵. Затем гости и купцы должны были платить специальные сборы на устройство мостов или организацию перевозки и волока товаров (мыт, перевоз). При взвешивании и измерении товаров¹⁶⁶ взимался особый сбор, известный под именем веса (или весчего) и меры.

Из натуральных повинностей важнейшей был повоз. «Радимичи... платят дань Руси и повоз везут и до сего дне» (Лавр., 984 год). От населения требовались также мастера

и рабочие для постройки и починки мостов (РП, 1,42; III, 106 и 130) и для постройки или починки укреплений (РП, III, 105), в особенности на степном рубеже.

В большинстве случаев трудно отделить дворцовое хозяйство князя от хозяйства государственного. Государственная казна отчасти была и дворцовой казной, и наоборот. Впрочем, каждый почти князь кроме дворцов и земель государственного характера имел также дворцы и земли в личной своей собственности. Дворцовым хозяйством князя заведовал тиун огнищный или дворский. Сбором податей и пошлин занимались даньщики и мытники. Сбор дани, особенно первый век после варяжского завоевания, требовал часто целой военной экспедиции, и, как было уже упомянуто, князь лично с дружиной ходил в поход за данью. Монгольское завоевание внесло коренные изменения в податную систему. Вся страна была обложена новой податью, известной под именем выхода¹⁶⁷. В Южной Руси, как мы видели¹⁶⁸, монгольские баскаки непосредственно заведовали сбором податей с общин. В Северной Руси монголами первоначально была применена откупная система. Сбор подати сдавался на откуп главным образом хорезмийским финансистам. Злоупотребления откупной системы вызвали большое раздражение среди населения, и в конце XIII века хан отменил откупа и стал поручать сбор «выхода» русским князьям под их ответственность.

В Западной Руси «выход» известен был под именем «тарщины» и удержался и после падения монгольской власти. По всей вероятности, по образцу монгольского «выхода» установилась позже в Западной Руси подать, известная под именем «ордынщины».

Для определения общей суммы подати монголы произвели приблизительный подсчет населения¹⁶⁹.

Основы монгольской податной системы, при учете также и византийского опыта, были использованы московскими великими князьями для создания собственной системы так называемого посошного обложения. Система эта, основанная на переписи (кадастре) владений, могла быть окончательно установлена лишь по высвобождении

из-под монгольской власти. Монгольское «иго» пало в великокняжение Василия Васильевича в половине XV века. Инициативе этого государя и принадлежит установление кадастровой системы обложения. В своей духовной великий князь Василий Васильевич наставляет своих наследников послать писцов на места и «обложить данью по сохам и по людям».

«Выход» продолжал собираться и во второй половине XV века, но шел теперь в казну великого князя. Последнему, впрочем, еще долгое время приходилось из собранных денег платить татарам. Эти платежи продолжали носить название «выхода». Платеж выхода татарам упоминается как в духовной Василия Васильевича, так и его сына Ивана. В духовной Ивана III (1504 год) выход назначается на три орды (Крымскую, Астраханскую и Казанскую), и сюда же присоединен еще и Царевичев Городок (Касимов). Любопытно, что таким образом даже царевич Касимовский — ставленник и подручник московского великого князя — получал еще выход.

Монголами была преобразована также и система торговых пошлин. Государственная власть теперь стала стремиться к извлечению из торговых пошлин возможно большего дохода для казны. Основной пошлиной, взимаемой при провозе товаров, явилась «тамга»¹⁷⁰. При купле-продаже коней стало изыматься «пятно», а при продаже рогатого и мелкого скота — роговая и привязная пошлины.

Следует, впрочем, иметь в виду, что, устанавливая внутренние таможи «на низу» (в Волжско-Окском крае), хан оговаривал свободу балтийской торговли Новгорода. «Менгу Тимурово слово к Ярославу князю: Дай путь немецкому гостю на свою волость» (1270 год). Результатом этого было заявление Ярослава: «От князя Ярослава ко Рижаном и к большим и к молодым и кто гостит, и ко всем: путь ваш чист есть по моей волости». Новгородские купцы выговаривали себе также право беспошлинно «гостить» в Суздальской земле¹⁷¹.

Прежние сборы, как мыт, вес и мера, повсеместно остались в силе, и к ним прибавлен еще в монгольский пери-

од ряд других сборов, как, например, сборы за ввоз товаров в гостиный двор («поворотное»), хранение товаров («гостинное» и «анбарное») и др.

§ 9. Войско

Месторазвитие Древней Руси — Западная, или Малая, Евразия — представляло немало трудностей для военной обороны страны. Причерноморские степи открыты были для кочевнических нашествий с востока. Моря Черное и Балтийское, поскольку берега их не были защищены и укреплены, служили путями не только для проникновения иноземных купцов, но и для набегов и нападений иноземных боевых дружин. Политическое раздробление Руси в киевский период лишало устойчивости и внутренние границы между землями-княжениями. Все это делает понятным значение военного дела и военного управления в развитии древнерусского политического быта. Справиться с трудностями задачи древнерусские князья смогли и сумели лишь отчасти.

Трудности были особенно велики в степной полосе. Степь можно сравнивать с морем. До известной степени тактика и стратегия быстро передвигающихся, не нуждающихся в прочной базе конных отрядов может быть уподобляема тактике и стратегии морского боя, где каждая боевая единица — корабль — значительно свободнее в своих движениях, чем отряд тяжеловооруженной регулярной пехоты в местности пересеченной¹⁷².

С другой стороны, если кто сумел достигнуть преобладания на море — при помощи ли превосходящего силы противника флота больших кораблей или при помощи достаточного количества мелких ладей, — у того в руках находится инициатива, он по желанию может продолжать войну или ограничиться обороной. Подобны этому и условия степной войны. Преобладания в степи может достигнуть большая орда, способная задавить противника лавой своих конников. Но возможно владеть степью или, по крайней мере, участком степи без крупных воинских образований, а лишь

покрывая уязвимый участок степи цепью мелких отрядов, тревожащих противника и привлекающих его в ловушку.

На этом последнем принципе основана была тактика скифских лучников, примененная ими с таким успехом против вторжения в степь персидского царя Дария (VI век до н. э.). Поход Дария, как известно, кончился для него катастрофой. Сарматы, сменившие скифов в причерноморских степях, выработали другую тактику. Облеченные в кольчуги сарматские конники с длинными пиками шли на противника сплошной лавой, все раздробляя на своем пути. Большими массами действовали и гунны. После гуннов долгое время владетели причерноморских степей (сменявшие одни других) держались тактики малых отрядов или и вовсе не способны были выставить в бой большие силы.

Хазарам удалось надолго водворить мирный порядок в степях юга России. В IX веке, однако, им пришлось бороться с новым натиском кочевников, в особенности с печенегами. В это время появляются варяги. Разрушив (в X веке) Хазарское царство, варяго-русские князья принуждены были сами взять на себя тяжесть борьбы с кочевниками-печенегами, позже половцами. Для этого им пришлось перестраивать свои привычные воинские приемы.

Первоначальной базой варяжских боевых дружин были ладьи. В них они переплывали море, подымались и спускались по русским рекам. Достигнув какого-нибудь пункта, которым они желали овладеть, они высаживали отряд своих воинов, тяжелооруженных, закованных в броню, главным оружием которых был длинный, прямой, обоюдоострый меч. Такие отряды были пригодны для захвата городов и борьбы в пересеченной местности, но оказались совершенно беспомощны в степной войне. Варяжскому воину пришлось садиться на коня. Святослав Игоревич в особенности понял все значение конницы в степи и попытался приспособить всю свою тактику к условиям степного боя. Святослав и во внешнем своем облике старался походить на степного вождя.

Как трудно, однако, было варяго-руссам приспособиться к новым условиям, видно из того, что Святослав сам

пал от руки кочевников. Преемники Святослава потратили много усилий на то, чтобы овладеть искусством конного боя и тактикой степной войны. Княжая дружина сделалась конным отрядом по преимуществу и понемногу начала чувствовать себя дома в степи. Вспомним «Слово о полку Игореве»: «И рече ему буй-тур Всеволод: Один брат, один свет светлый ты, Игорю. Оба есве Святославичя. Седлай, брате, свои брззы комони, а мои та готови, оседланы у Курьска напереди. А мои та Куряне сведоми кмети: под трубами повиты, под шеломы взлелеяны, конец копия въскормлены; пути им ведоми, яруги им знаеми, луци у них напяржени, тули отворени, сабли изыострени. Сами скачють, акы серьи вльци в поле, ишучи себе чти, а князю — славе»¹⁷³.

Поход Игоря кончился катастрофой, но в других случаях русские достигали больших успехов в борьбе с теми же половцами: достаточно вспомнить удачные походы в степь Владимира Мономаха. И все же вполне сравняться с кочевниками в искусстве степного боя русские дружины, в общем, не могли. Этим объясняется то, что русские князья стремились перетянуть на свою сторону часть кочевников и использовать их в борьбе с главной кочевнической массой. Так по степному рубежу возникли поселения торков, черных клобуков и других «своих поганых», помогавших русским князьям в их борьбе с половцами. Особенно ценными союзниками были черные клобуки, игравшие потому немалую роль и во внутренней политике русских князей.

Княжая дружина, усиленная отрядами «своих поганых», могла быть достаточно для налетов в степь. В случаях крайней опасности, для обороны от большого нашествия со стороны степи, князь собирал и городское ополчение, сажая горожан на коней, мобилизованных для этого у смердов. Для усиления обороны князья пытались оградиться от степи укрепленными линиями-рубежами. Эти степные рубежи представляли собою одну или несколько линий земляных валов, проведенных обычно вдоль речек и балок, усиленных по местам городами, то есть крепостцами или фортами. Такие рубежи построены были по южной границе Киевской

земли вдоль рек и речек правого берега Днепра и по южной границе Переяславской земли на левом берегу Днепра.

Монгольское нашествие положило предел мелкой степной войне. Руководимая такими первоклассными стратегами, как Субэдэй, скованная железной дисциплиной, монгольская армия овладела степью «всерьез и надолго».

Условия лесной войны в Северной и Северо-Западной России значительно отличались от условий войны степной. На севере широко применялся пеший строй и потому иная тактика. Впрочем, известную роль конница играла и на севере. В широких масштабах пользовались конным строем немецкие рыцари. Впрочем, они сражались иногда пешим строем, как, например, в известной битве на льду Чудского озера (Ледовое побоище, 1242 год). В этой битве искусным тактиком пешего строя показал себя разбивший немцев Александр Невский. Немцы построились клином («свиньей»). Александр Невский, по-видимому, применил монгольский прием охвата флангов противника. Результатом было полное поражение противника.

Переходим теперь собственно к военному управлению. Верховным вождем всего войска был князь. Главным помощником его был тысяцкий (глава городской ополчения). Как мы видели¹⁷⁴, должность тысяцкого первоначально была выборной, а затем тысяцкий в большинстве русских земель (кроме Новгорода) стал назначаться князем. Если князь сам не шел на войну, он назначал особого воеводу из высших своих дружинников для командования армией. Если князь шел сам, а войско было велико, то князь ставил одного или нескольких воевод во главе отдельных корпусов или отрядов войска. Число воевод зависело от усмотрения князя. Обычно воевода назначался только на определенный поход. Если несколько князей соединялось для похода, каждый из них командовал своим войском. Единого командования всей союзной ратью обычно не устанавливалось. Князья-союзники обсуждали в общих чертах план похода, но не всегда его придерживались. Каждый считал себя автономным. Результатом бывали иногда военные катастрофы вроде битвы на Калке (1223 год), проигранной рус-

скими преимущественно вследствие несогласованных действий князей-союзников.

Строгой дисциплины в армии не было. Сражались обычно отдельными группами. Часто отдельные богатыри-дружинники выезжали вперед из строя, и битва превращалась в совокупность единоборческих подвигов или мелких схваток. Особенно была слаба дисциплина городских ополчений. Этим объясняется военная слабость Новгорода, где ополчение было главной силой армии. Князья же видели свою главную силу в дружине, а городское или народное ополчение ценили мало.

Дружина получала содержание от князя. В мирное время князь держал в своем дворце открытый стол для дружинников. Во время одного из пиров князя Владимира дружинники стали роптать, что им приходится есть деревянными ложками вместо серебряных. «И се слышав, Володимир повеле исковати лжици серебряны ясти дружине, рек сице, яко серебром и златом не имам налести дружины, а дружиною налізу сребро и злато, яко дед мой и отец мой доискася дружиною злата и сребра»¹⁷⁵ (Ипат., 997 год). Городское или народное ополчение содержания от князя не получало. Во время переходов армии в пределах своей земли по направлению к границам обязанность продовольствовать ее лежала на местном населении (кормовая повинность).

Войдя в неприятельскую землю, армия жила конфискацией неприятельского имущества и грабежом окрестного населения. Обычным явлением было поведение воинов Андрея Боголюбского в Новгородской земле при походе Андрея на Новгород: «...и пришедше только в землю их, много зла сотвориша: села взята и пожгоша, и люди посекоша, а жены и дети и имения взята и скоты поимаша» (Ипат., 1173 год).

После удачной битвы обоз противника захватывался победителями. С умерших на поле брани противников снимались «порты» (одежда) и вооружение. Захваченная добыча делилась между победителями, причем князь и воеводы получали львиную долю. Правила дележа добычи устанавливались обычаем, а отчасти и законом¹⁷⁶.

Монгольское завоевание и в отношении военного управления и организации армии внесло большие изменения. Весьма скоро после завоевания русские князья стали преобразовывать и перевооружать свои войска по монгольскому образцу. Так поступил уже Даниил Галицкий.

Монгольский военный строй лег в основу организации московской армии. По монгольскому образцу московское войско в большом походе стало делиться на четыре главных полка: большой, правой руки, левой руки и передовой. Высылались также особого назначения отряды (сторожевой полк, ертаул¹⁷⁷, западной полк¹⁷⁸). Воеводы, стоявшие во главе отдельных полков, были все подчинены воеводе большого полка. Для военного управления образована была особая канцелярия при дворе великого князя, позже (в XVI веке) превратившаяся в большое учреждение (так называемый Разряд).

Войско московского великого князя состояло из двух главных частей: служилой (дворянской) конницы и народного ополчения (пехоты). Упорядочение службы дворянской конницы связано было с возникновением и ростом поместной системы.

Поставка ратников в народное ополчение была организована по образцу монгольского «числа». Позже (во второй половине XV века) при введении «сошного письма» число ратников требовалось по расчету сох. Войско созывалось по мере надобности, и число ратников зависело от серьезности предстоящего похода. Для борьбы с Мамаем (1380 год) великий князь Дмитрий Донской собрал чуть ли не поголовное ополчение. Средства на содержание ополчения собирались с населения вместе с ратниками. Впрочем, оставалась в силе и кормовая повинность при проходе войска, а захваченная добыча «дуванилась» между ратниками. Вооружены воины московской рати были по монгольским образцам.

В Литовско-Русском государстве созыв и содержание армии были делом гораздо более сложным, чем в государстве Московском. Военное управление не было в Литовско-Русском государстве подведомственно единолично великому князю. Стоявший во главе организации армии гетман хо-

тя и был членом правительственного совета великого князя, но считался более с панями-радой и сеймом, чем с князем. Каждый сбор ратников и денег на военное дело требовал уфалы (одобрения) панов-рады, а позже — также и сейма. При такой уфале определялись каждый раз и подлежащее сбору число ратников, и величина подати. Позже (в начале XVI века) установлены были постоянные нормы. Для избежания зависимости от сейма великий князь старался организовать по польскому образцу хотя бы небольшой отряд постоянных солдат регулярного строя (жолнеров). Но такому отряду надо было платить большое жалованье, а отпуск средств опять-таки зависел от сейма.

§ 10. Международные сношения и дипломатия

Древняя Русь поддерживала оживленные дипломатические сношения как со своими непосредственными соседями в кругу евразийских земель, так и с более отдаленными странами. В домонгольский период первенствующее значение в мире Восточного Средиземноморья имела Византийская империя, сношения с которой Руси начались в IX веке, а к X веку относится ряд первостепенной важности византийско-русских договоров. Весьма оживлены были сношения Древней Руси с евразийскими (турецко-монгольскими) государствами и народами, как-то: с хазарами, волжскими болгарами, позже половцами и др. На западе Русь общалась с балканскими славянами, мадьярами, Польшей, Литвой, немцами и скандинавами (варягами). Важное значение приобретали подчас также связи с Римом и Римско-Германской империей.

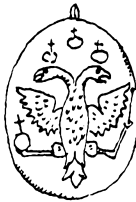
Во времена Киевского каганата (X—XI века) Русь могла выступать в международных сношениях как единое целое. После распада каганата отдельные князья или группы князей были достаточно сильны и энергичны, чтобы продолжать в своих областных интересах начавшиеся ранее сношения и пользоваться поддержкой иностранной дипломатии в борьбе со своими собратьями. Не только западнорусские (галицкие), но и среднерусские (киевские и смолен-

ские) и даже восточнорусские (суздальские) князья втягиваются в игру византийской дипломатии. Западнорусские князья ведут оживленные сношения, то дружественные, то враждебные, с Венгрией, Чехией, Польшей, Литвою, скандинавскими странами, Тевтонским орденом и т. д. Киевские князья конца XI — XII веков устанавливают связи с Римско-Германской империей, с австрийскими герцогами и т. д.

При оживленности дипломатических сношений с другими странами должна была рано выработаться на Руси развитая техника дипломатического общения, а также установиться известные принципы международного права. Искусство составления международных договоров и других дипломатических документов развилось на Руси под сильным влиянием Византии. Договоры с Византией X века, формулированные, вероятно, в значительной степени византийскими дипломатами, были образцами для последующей русской практики. Через посредство хазар и волжских болгар Русь знакомилась с приемами дипломатии восточной, в частности арабской. Вследствие этого и в домонгольский период можно подмечать в русской дипломатии влияние Востока.

Западные влияния неизбежно должны были чувствоваться в практике Западной Руси, и в особенности в отношениях прибалтийских (в широком смысле) русских земель со скандинавскими и немецкими торговыми городами. Стоя на высоте западной дипломатической мысли, Древняя Русь умела в договорах с Западом твердо отстаивать свои собственные интересы, как это в особенности видно на примере Смоленского договора с немцами 1229 года, представляющего собою высокий образец дипломатического искусства¹⁷⁹.

После монгольского завоевания Московская Русь заимствовала от монголов форму и технику дипломатических документов, а равно и самые методы дипломатии. Многие из московских дипломатических документов кажутся переводом с татарского. Западная Русь, войдя в состав Великого княжества Литовского, пошла тем самым в западную школу. Официальным языком дипломатических сношений Вели-

кого княжества Литовского был латинский. Русский язык сохранялся, однако, для сношений с русскими землями, хотя бы и не вошедшими в состав Великого княжества.

Организация дипломатической службы в домонгольский период была несложна. Иностранными сношениями древнерусского княжества заведовал в большинстве случаев непосредственно князь. Объединение Руси в X—XI веках — создание Киевского каганата — сопровождалось, вероятно, образованием особой канцелярии при княжеском дворе для внешних сношений. Но на это в источниках сохранились лишь намеки. Последовавший период политического раздробления Руси, распад ее на ряд сравнительно мелких княжеств делали невозможным существование единого общерусского ведомства иностранных дел, каждое же из удельных княжеств было само по себе недостаточно крупной политической единицей для дифференцирования в его составе ведомства иностранных дел как особой отрасли управления.

Во времена монгольского владычества общее заведование международными сношениями перешло, разумеется, к хану. Лишь поскольку хан уполномочивал русских князей вступать в сношения местного характера, они могли такие сношения вести с соседями¹⁸⁰.

В Великом княжестве Литовском иностранные сношения велись от имени великого князя. Заведовал перепиской канцлер.

Постоянного дипломатического корпуса Древняя Русь не знала. Для переговоров с другими странами посылались в качестве агентов большей частью приближенные князя — лица, которым князь верил. Так как для дипломатической службы требовалось знание иностранных языков, то лица, отвечающие этому условию, вероятно, имели преимущество перед другими. Можно думать, что уже в домонгольской Руси при князьях были люди, знающие восточные языки¹⁸¹. Были люди, знающие греческий и латинский языки. По-латыни знал, например, смольнянин Михалевич, один из редакторов Смоленского договора с немцами 1229 года¹⁸². Людей, знающих греческий или латинский языки, чаще

всего, конечно, можно было встретить среди духовенства. Этим отчасти объясняется, что духовные лица неоднократно играли роль дипломатических агентов. Так, в числе двух смоленских послов, отправленных в 1229 году в Ригу и на Готланд для обсуждения торгового договора, один был священник (поп Еремей).

Любопытно, что монгольский хан также пользовался русскими духовными лицами в качестве своих дипломатических агентов, преимущественно в сношениях с Византией. Так, саранский епископ Феогност в 70-х годах XIII века трижды ездил в Константинополь по поручению не только русского митрополита, но и хана («царя») Менгу-Тимура¹⁸³.

Переходя к общим основаниям международных сношений Древней Руси, отметим, что при всем разнообразии отдельных приемов в дипломатии древнерусская дипломатия в целом руководствовалась некоторыми определенными принципами международного права. От этих принципов отдельные князья и дипломаты могли иногда отступать, но значимость их они никогда не отвергали.

Первый из этих принципов заключается в том, что войне всегда должно предшествовать открытое ее объявление. Этот принцип был введен Святославом Игоревичем. Перед тем как идти на кого-нибудь войною, он всегда посылал сказать «хочю на вы ити».

Следующий принцип — точное соблюдение условий мирного договора. Этот принцип также признавался Святославом, но не всегда его противниками. Как известно, на обратном пути из Болгарии, после заключения мирного договора с Византией, Святослав был убит печенегами, как можно думать, по наущению византийской дипломатии. Разумеется, на практике условия мирных договоров русскими князьями часто не соблюдались. Но нарушение крестного целования всегда обличалось как грех.

Другим важным принципом международного права, признанным в Древней Руси, была неприкосновенность неприятельских уполномоченных, высланных противником для переговоров. В действительной жизни бывали случаи нарушения и этого принципа, из которых самый значитель-

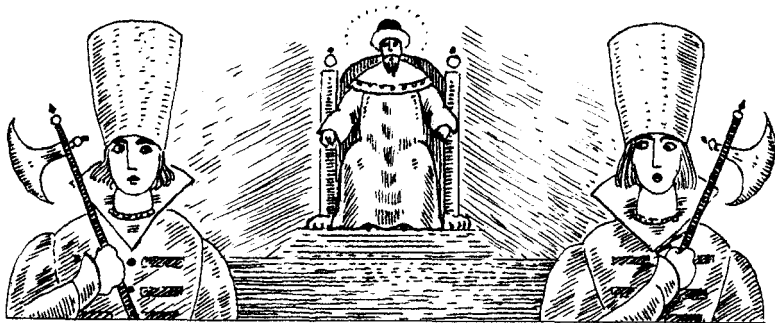

ный — убийство русскими князьями монгольских послов перед битвой на Калке. Однако русское общественное мнение всегда осуждало подобные случаи — в частности, поражение при Калке летописец рассматривает именно как Божье наказание за несоблюдение права. Неприкосновенность послов была также одним из принципов монгольского права, на котором упорно настаивал Чингисхан. Таким образом, этот принцип международного права должен был еще укрепиться в русском понимании под монгольским влиянием.

Следующим принципом международного права, на котором настаивала Древняя Русь, было признание равноправности сторон в международном соглашении. С полной последовательностью и логичностью проведен этот принцип в Смоленском договоре с немцами 1229 года.

Наконец, через всю историю древнерусской дипломатии красной нитью проходит отстаивание свободы международных путей, в особенности морей и рек. Этому вопросу посвящено много внимания в том же Смоленском договоре, а также в других договорах западнорусских городов с немцами. В особенности оговаривается право свободного плаванья по реке Западной Двине, которой низовья находились во власти немцев, а верховья — в русской власти. Что касается свободы морского пути, то даже в XIV и XV веках, когда новгородские купцы редко пускались в заморские плаванья, в договоры Новгорода с немцами включается право новгородцев пользоваться морским путем и таким образом отстаивается хотя бы только принцип свободы морей.

§ 1. Основы правосознания древнерусского общества

Правосознание древнерусского общества значительно отличалось от правосознания верхов русского общества Нового и Новейшего времени. Самое понятие о праве было иным, гораздо более широким, чем в последующее время. Древнерусское право не являлось только системой социальной техники, долженствующей обеспечить социальную справедливость. Право Древней Руси не дифференцировалось еще от религии и нравственности. Не случайно слово «правда» означало в Древней Руси и правду-истину, и правду-справедливость, и право и закон.

Древнерусское право являло также собой некоторые черты социальной магии, стремясь связать мир социальный с миром физическим, с одной стороны, с миром духов — с другой. Отсюда близость некоторые древнерусских юридических формул к заклинаниям и заговорам. Таким заклинанием была, в сущности, древнерусская присяга (ро-

та). Рота применялась как при заключении некоторых договоров, так и на суде — при отсутствии «послухов» или для подтверждения свидетельства последних. Верили, что нарушивший свою клятву погибнет от тех сил, которые он оскорбил нарушением клятвы. После принятия христианства рота облеклась в форму церковной присяги. Одна из формул первоначальной языческой роты сохранилась в договоре князя Игоря с греками 945 года. Часть Игоревой дружины состояла уже в это время из христиан, часть из язычников. Христиане подтверждают договор церковной присягой, «а некрещении русь да полагают щиты своя и мечи свои нагы, и обручи свои и прочая оружья, и да кленуться о всем, и яже суть написана на харотье сей, и хранити... Аше ли же кто от князь и от людей русских или крестьян, или некрещеный переступит все, еже написано на харотье сей, и будет достоин своим оружием умрети, и да будет клят от Бога и от Перуна, и яко преступи свою клятву».

Характер магической клятвы имели и свидетельствования послухов на древнерусском суде. В эпоху «Русской Правды» каждая сторона могла выставить своих послухов. Послух должен был подтвердить все, что высказывал тот, кто его привел. Подтвердить надо было буквально («слово в слово»). При малейшей ошибке одного из послухов сторона теряла иск. Если послухи обеих сторон выходили чисты, суд требовал, чтоб они шли на роту.

Другим приемом древнерусского судебного процесса были испытания силами природы (ордалии). В Древней Руси применялись испытания огнем и водою. Первое считалось более тяжелым. Состояло оно в том, что испытуемый должен был взять в руку кусок раскаленного железа. По виду ран и скорости их заживления судили о виновности или невинности испытуемого. Испытание водой состояло в том, что испытуемого приводили к реке или к озеру, особым заклинаниям освящали воду и затем бросали испытуемого в воду в связанном виде. Если он держался на поверхности воды, значит, вода его не принимала к себе, и его признавали нечистым, то есть виновным. Если же он погружался в воду, значит, он был чист. В таком случае его вытаскивали

и приводили в чувство. Вероятно, у нас так же, как это бывало в немецких землях, перед тем, как бросать испытуемого в воду, привязывали его на длинную веревку или цепь, за которую потом и тянули его из воды.

Из приведенных примеров достаточно ясны, мне кажется, магические черты древнерусского права. С принятием христианства право постепенно утрачивает свой прежний характер. Церковь упорно боролась с языческими элементами в правосознании. Сохранилось, например, поучение Серапиона, епископа Владимирского (XIII век) против испытания водой. Иногда, впрочем, церковь просто облакала в христианские формы языческую сущность. Мы видели на примере договора Игоря с греками, как языческая рота превращалась в христианскую присягу. В магическую силу присяги на Руси верили твердо. Интересен в этом смысле рассказ Киевской летописи о смерти галицкого князя Владимирка. Владимирко целовал крест, обещая вернуть Изяславу Киевскому некоторые захваченные у последнего города. Клятву свою Владимирко нарушил, и, когда посланный Изяслава напомнил ему, что он целовал крест, Владимирко с усмешкой спросил: «Сии ли крестец малый?» В ту же ночь он внезапно умер.

Сопоставляя право древней и новой эпохи, мы видим значительную разницу не только в основах правосознания, но также и в путях распространения правовых понятий. Право новой эпохи насквозь рационалистично. Оно построено все на логике рассудка. Законодатель верит в рационалистическую логику и старается воздействовать на человеческий интеллект. Наоборот, древнерусское право построено было не столько на рассудке, сколько на вере (все равно, христианской или языческой). Поэтому оно и старалось воздействовать не столько на рассудок, сколько на чувство. Именно потому в древнерусском праве такую большую роль играли символы и эмблемы. Впоследствии, с течением времени, прежнее значение символа часто забывалось, и символ оставался лишь для внешнего обрядового закрепления юридической сделки. Но в древнее время символ был выражением живой сущности юридического акта.

Символизм в древнерусском праве принимал весьма разнообразные формы. Выше было уже упомянуто о роли оружия в языческой роте: воины Игоря клялись на оружии в соблюдении договора.

Другой формой символического закрепления договора было совместное осушение чаши с вином. Изображение этого обряда можно видеть в памятниках еще скифского времени¹⁸⁴. Обряд этот сохранился в обычном праве и народной жизни до самого последнего времени, но символическая сущность его выветрилась — остался лишь обычай «вспрыскивать» сделку. Наряду с «вспрыскиванием» сделки в народном праве распространено «рукобитье». Это также пережиток древнего обычая, который в прежнее время был, однако, утвержден и законом. Так, Новгородская судная грамота 1471 года требовала в определенном случае судебного разбирательства, чтобы ответчик и истец, если они соглашались на отсрочку разбирательства тяжбы, ударили по рукам.

Другой вид символического значения руки — передача вещи из рук в руки при продаже. В этом случае рука заменяется иногда одеждой — полой кафтана («передать из полы в полу»).

Символическим выражением передачи права собственности на недвижимость был обряд передачи куска дерна, вырезанного из продаваемой земли, старым владельцем новому при продаже земли¹⁸⁵. Отсюда формула древнерусских купчих: «Купить одерень». Вследствие этого, если возникали споры о владении, для доказательства прав употреблялась особая клятва дерном. Современник и почитатель Петра Великого, известный Посошков¹⁸⁶ в своей «Книге о скудости и богатстве» говорит о способе разрешения земельных тяжб: «Иные, забыв страх Божий, взяв в руки святую икону и на голову свою положи дернину, отводят землю». Посошков верил в страшную силу этой клятвы: «Много и того случается, еже отводя землю и неправдою между полага и умирали на меже». Обход межи с дерном на голове соблюдался в 1870-х годах в Каргопольском уезде Олонецкой губернии. При этом один из спорящих о границах говорил:

«Пусть рассудит нас мать сыра земля». Затем вырывал кусок дерна с землею, клал его на голову и шел по меже¹⁸⁷.

Такого рода клятва дерном представляла собой исконный русский юридический обычай. Церковь пыталась против него возражать, но безуспешно и кончила тем, что освятила его. Как сказано было, во времена Посошкова при обходе межи брали и дерн, и икону.

Символом нарушения договора, отказа от обязательства было в Древней Руси ломанье соломы. Следы этого обряда сохранились в поговорке «сила солому ломит», но смысл был утрачен. Из других символов упомянем еще обувь. При браке молодая должна была в знак покорности разувать своего мужа. В Начальной летописи рассказывается о том, как полоцкая княжна Рогнеда отказалась выйти замуж за Владимира Святославича на том основании, что он был сын рабыни: «Не хочу розути робичича»¹⁸⁸ (Лавр., 980 год). Опять, как и в других случаях, этот древний обычай сохранился до новых времен в крестьянской среде.

Символическая обрядность была одним из путей наглядного утверждения правовых норм в Древней Руси. Другим путем было литературное творчество. В формулировке правовых понятий в росте правосознания Древней Руси элемент литературного творчества играл немалую роль. Мы упоминали летописный рассказ о смерти галицкого князя Владимирка. Рассказ этот является характерным для литературных приемов, которыми пользовались древнерусские книжники, желавшие внушить читателю определенные юридические понятия — в данном случае убеждение в святости клятвы. В летописи можно встретить немало подобных примеров. Своеобразным путем литературного воздействия на правосознание общества была формулировка юридических норм в виде четких, иногда ритмических, легко врезающихся в память положений. Такова, например, формулировка некоторых из норм «Русской Правды»:

«А судным кунам росту нет»¹⁸⁹ (III, 17).

«А в холопе и в робе виры нету»¹⁹⁰ (III, 99).

«А матерня часть детям не надобе»¹⁹¹ (III, 112).

«Но оже не будет сынов, а дщери возьмут» (о боярском и людском наследстве) (III, 101).

«А двор без дела отень всяк меньшему сыну»¹⁹² (III, 110).

«Будет ли послух холоп, то на правду холопу не вылазиге»¹⁹³ (III, 96).

«А послушество на холопа не воскладают» (III, 76).

Подобного типа формулировки находим и в некоторых других памятниках древнерусского права.

«А при которых докладчикех суд роскажет, ино тем докладчиком тот суд кончать (принимать решение)» (НСГ, ст. 20).

«А послуху на послуха не быть» (там же, ст. 22).

«А холоп на холопа послух» (там же). Некоторые из подобных формулировок сделались впоследствии ходячими пословицами. Приводим несколько примеров из Сборника Даля:

Холоп на боярина не послух.

Холоп на холопа послух.

Брат брату головой в уплату.

Меньшой сын на корню сидит.

Сестры при братьях не вотчинницы¹⁹⁴.

Нередко также в древнерусских юридических памятниках применялся прием драматического диалога. Вот пример из «Русской Правды» (II А 26): «Аже кто познает свое, что будет погубил или украдено у него что, или конь, или порт, или скотина, то не рци и: “Се мое”, но поиди на свод, кде есть взял, сведитесь, кто будет виноват, на того татба снидет»¹⁹⁵. Приведем также пример из Псковской судной грамоты (ст. 41): «А которой наймит плотник, а почнет сочить найма своего на государя, а дела его не отделает, а пойдет прочь, а ркучи так государю, у тебе есми отделал дело свое все, и государь молвит: не отделал еси всего дела своего, ино государю у креста положить чего сочить, или государь сам поцелует, аже у них записи не будет»¹⁹⁶.

Другой пример из Псковской судной грамоты (ст. 57): «А кто возмет пристава у князя или у посадника обыскивати татбы, ино князю и посаднику приставы отпустить люди добрые неизменны, а тым приставом где будет татба обыс-

кивати, а толко те пристава рекут то слово, приехали есмы на двор татбы обыскивати, и тот человек нам не дал обыскивати и в хоромы нас не пустили, и з двора согнали, и тот человек кого было обыскивати а молвит то слово: у мене господо теи приставы не бывали, или той же человек взмолвит то слово: были той есть у мене те приставы, и яз есми им хоромы отворял, и они мене не обыскиваючи, да сами з двора збежали, а тым мене згонением облыгают, ино князю и посаднику опросить приставов, есть ли у вас исправа какова на том пред ким вас тот человек з двора согнал, ино приставом на се поставить люди человека 2 или 3, а ты люди став на суде рекут, как право пред Богом: пред нами тот человек тех приставов со двора согнал, а обыскивати им не дал, ино тым приставом правда дата, а тот человек в татбе, или паки тьи приставы, ино тьи приставы не в приставы, а тот татбы своей не до искалься, чии таковии приставы»¹⁹⁷.

Форма драматического диалога обычна была и для изложения судебных решений и приговоров. Вот образец правовой грамоты XV века¹⁹⁸:

«Се суд судил Князь Михаило Ондреевичь. Тягался Лев Ивановичь и за свою невестку Гаврилову жену Ивановича Овдотью, и за своего брата Дмитрея Ивановича с Игнатьем старцем Кирилова монастыря. Тако рек Лев: “жалоба нам, господине, на игумена на Трифона Кирилова монастыря и на его братью; отнимают, господине, оу нас от суда, да от дани в нашей ошипе в Кистеме деревню Михалевскую Гаркавого; а та, Господине, деревня из старины тянет судом к нам; еще, господине, отец наш Иван судил ту деревню и дань на ней имал, а после, господине, отца нашего судили мы ту деревню с своею братьею, и дань на ней имали есмя”. И Князь Михаило Ондреевичь въспросил Игнатья, старца Кирилова монастыря: “отвечаешь ли ты за Игумена за Трифона и за всю свою братью”? И Игнатей старец тако рек: “яз, господине, отвечаю за игумена за Трифона и за всю братью”. И став Игнатей старец тако рек: “ту, господине, деревню дал нам к монастырю Арсеней чернец Микитин сын в долг Пречистыя Богородицы”...» и т. д.

Число подобных примеров можно бы умножить по желанию, но мне кажется, что и приведенных уже достаточно для подтверждения моей мысли.

§ 2. Источники права

Первоисточником права следует считать творческую личность человека в ее взаимоотношении с обществом и природой. Древнее право, как мы видели, тесно связано с религией и нравственным чувством. Формы права тесно связаны также и с формами хозяйства. Лишь позже право дифференцируется как особая отрасль деятельности человека.

Принято различать обычное право и закон. Под последним понимается право, устанавливаемое или санкционируемое государственной властью. Но что понимать под обычным правом? Обычным правом называют право «народное», «неписаное» (хотя обычай позже и может быть записан), утвержденное на «пошлине», старине. Составитель «Повести временных лет» (начало XII века) различает Закон Божий и закон людской: вятичи, кривичи и «прочии погании не введше Закона Божия, но творяще сами себе закон» (Лавр., л. 5 об.). Далее, ссылаясь на мнение византийского историка Георгия Амартола, наш летописец говорит: «... ибо комуждо языку (народу) овем исписан закон есть, другим же обычай».

Было бы, однако, неправильно для Древней Руси противопоставлять «обычное право», как некое единое целое, закону. Подобно тому как государственная власть Древней Руси есть явление сложное, возникшее из разных источников¹⁹⁹, так же и право Древней Руси сложилось из взаимодействия различных общественных сил. Та же основная социальная ячейка Древней Руси, о которой мы говорили в предыдущих главах — семейно-родовая община, — была одним из главных факторов в создании древнерусского «обычного» права — в особенности права семейного и наследственного²⁰⁰.

Это право сливается тесно с обычаем и ритмом хозяйственного оборота семейно-родовой общины. Объединение

семейно-родовых общин в племя сопровождается возникновением нового типа правовых норм, стремящихся ответить на новые условия общения. Возникновение городской общины приводит к созданию городского права. Право племенное и городское лишь с большими оговорками, однако, может быть названо «обычным». Во многих случаях оно основано на решении племенного совета или городского веча, то есть хотя бы в некоторых частях своих есть скорее «закон», чем «обычное» право. С ростом крупных земельных вотчин растет значение вотчинного права и вотчинного суда. Наконец, власть княжая и авторитет христианской церкви приносят с собою опять-таки новые юридические понятия и нормы, и «обычное» право принимает уже несомненные формы «закона». Но законодатель еще долго должен считаться с «пошлиною» и обычаем.

Разнообразие местных прав и обычаев лишь отчасти было сведено к некоему единству Ярославом и Ярославичами в «Русской Правде». Но и после того, особенно после распада Киевского каганата, развитие права отдельных областей и княжеств, местных общин и боярщин идет своими путями. Городское право Северо-Западной Руси было наиболее разработано (Псковская и Новгородская судная грамота XIV–XV веков). Первая попытка централизации права в пределах Восточной Руси предпринята была в конце XV века московским великим князем Иваном III, издавшим в 1497 году свой Судебник. В пределах Западной Руси объединение и систематизацию права можно считать достигнутыми с изданием первого Литовского статута (1529 год).

В течение всего этого ряда веков русское право развивалось и перерабатывалось не только на основе обычаев и запросов русской жизни, но подвергалось также и влияниям права других народов. Для систематизации русского права наибольшее значение имело знакомство древнерусских юристов — главным образом при посредстве христианской церкви — с правом римско-византийским. Двери для византийского влияния открыты были с принятием христианства от Византии. Следует иметь в виду, что, хотя византийским идеалом было тесное взаимодействие между церковными

и государственными планами жизни, византийское гражданское право было от церковного обособлено. Первое развивалось на основе права римского (ранневизантийское право есть, в сущности, право римское). Каноническое право византийской церкви, хотя и включило в свою систему некоторые нормы императорских постановлений, создано на своей собственной основе — деяний вселенских и поместных соборов и творений отцов церкви.

Свод византийского канонического права — так называемый Номоканон — был на Руси усвоен еще при Владимире Святом. Не позже XI века был на Руси сделан и перевод одной из редакций Номоканона. Так возникла русская «Кормчая книга». К основной редакции Номоканона постепенно были присоединяемы другие памятники византийского права, а также памятники права славянского, на византийской основе возросшего. Сюда можно отнести, например, так называемый «Закон Судный людем», болгарскую компиляцию постановлений византийской «Эклоги». Сама «Эклога» (VIII век) и «Прохирон» (византийский юридический сборник, IX век) были позже также включены в русскую «Кормчую книгу», причем «Эклога», по-видимому, позже, чем «Прохирон». Напечатана была русская «Кормчая» лишь в половине XVII века. Помимо влияния византийского права древнерусское право подвергалось влиянию как романо-германских, так и иранских, и турецко-монгольских народов. К изучению инородных влияний в праве Древней Руси (да, конечно, и в праве любого народа) нужно подходить весьма осмотрительно. Одно дело — прямые «влияния», другое дело — параллелизм в развитии юридических норм, объясняемый общей праисторической основой. Многие параллели в праве народов славянских и иранских или народов славянских и германских объясняются логикой развития общих праарийских норм. Сходные условия общественного и хозяйственного быта, логика месторазвития, наконец, служат предпосылкой общности юридических норм народов разного этнического корня, арийских и неарийских, например славянских и турецких племен.

Для того чтобы стоять на более твердой почве в сравнительном изучении права различных народов, следует прежде разработать историческую картографию права²⁰¹.

Несомненно, что сходность многих норм в праве народов славянских и германских или славянских и турецких объясняется не заимствованиями, а параллелизмом развития. Однако же в иных случаях можно проследить и прямое влияние.

Сравнивая древнее право народов славянских и германских, мы видим, что в судебном процессе у тех и у других большую роль играли ордалии. Заимствованы ли были ордалии славянами у немцев? На это доказательств нет. Но в других случаях заимствования несомненны. Так, судебный поединок, неизвестный «Русской Правде», упоминается первый раз в договоре Смоленска с немцами 1229 года, а в XIV веке судебный поединок уже включен в Псковскую судную грамоту. Пытка, «дыба», древнерусскому праву была неизвестна. Но в том же Смоленском договоре 1229 года упоминается «дыба», однако как институт лишь немецкого права: специально оговаривается, что русские купцы, находящиеся по делам в немецких городах и там совершившие преступление, «дыбе» подлежать не могут²⁰².

Переходя к взаимоотношениям права народов славянских и турецких, можем сказать, что институт кабального холопства развился в России (после XIII века) под очевидным влиянием права турецкого (в частности, уйгурского)²⁰³. Киевская Русь знала закупничество, но оно не было с кабальным холопством тождественно.

§ 3. Смешение права публичного и частного.

Лицо в древнерусском праве

Выше уже говорилось о влиянии римско-византийского права на право Древней Руси. Усвоение права римского (в Западной Руси) и византийского (в Восточной Руси) происходило, однако, медленно. Слишком велика была разница в правосознании общества Древней Руси и общества Римской империи.

Мы видели, что право Древней Руси еще слабо дифференцировалось от религии и морали. Но кроме того, в древнерусском праве не установилось и вполне определенного разграничения между правом частным и правом публичным. Смешение права частного и публичного характерно не для одной только Древней Руси. Оно было характерно и для других стран — Востока и Запада — всей этой эпохи, так называемого Средневековья.

Начала публичного и частного права переплетались между собой, например, в институте княжеской власти. Князь был государем и вотчинником вместе. Дружина — частный союз сподвижников князя — разделяла с князем и политическую власть; княжие холопы были во многих случаях и государственными чиновниками. С другой стороны, всякий крупный вотчинник, боярин, был не только собственником своих имений, но отчасти и государем в пределах своей земли, ему принадлежала управа и суд. Результатом была относительность и множественность прав на одну и ту же территорию, на одно и то же земельное имущество. Частное лицо могло распоряжаться каким-либо участком земли, но его права могли быть ограничены правами семьи, рода, общины, князя на ту же землю.

Самое понятие лица как субъекта частного права в значительной степени поглощалось в Древней Руси общественными союзами: семьей, родом, общиной, властью вотчинника и князя. Значительная часть населения Древней Руси не имела вовсе правоспособности или имела весьма ограниченную. Холоп был не лицом, а вещью, не субъектом, а объектом права. В других случаях утрата правоспособности была не полной (полусвободные — закупы, кабальные люди). Ограничена была правоспособность части крестьянского населения (смерды, сироты, старожильцы и т. п.). Но если многие из физических лиц Древней Руси не имели лица в праве, то зато, наоборот, лицами в праве могли признаваться силы небесные и преисподние — существа потустороннего мира, который для древнерусского сознания был вполне реален. Таковы (уже после принятия христианства) святые и бесы.

Во многих грамотах и юридических актах Древней Руси встречаем обращение к Богородице и святым как участникам юридической сделки.

«Се аз Мстислав Володимеров сын держу Руську землю в свое княжение, повелел семь сыну своему Всеволоду отдати (имение) Буицы святому Георгиеви... А се яз Всеволод дал семь блюдо серебряно в 30 гривен серебра святому же Георгиеви...»²⁰⁴

«Се труд мой, госпоже моя пресвятая Богородица, имже трудихся на месте сем. Купил есми землю Пречистыя в дом у Смехна и у Прохна у Ивановых детей у посадничьих, а дал есми сто рублев»²⁰⁵.

«Се аз раб Божий Климент даю святому Георгию и игумену Варлааму и всей братье... два села с обильем и лошадыми и с бортью и с малыми селищи и пень и колода одерень святому Георгию»²⁰⁶.

«И даю святому великому Ивану от своего великоименья на строение церкви и в веку, вес вошеной»²⁰⁷.

Во всех вышеприведенных примерах святые являются лишь пассивными участниками юридической сделки. Им жертвуют землю и имущество. Однако в представлении древнерусского человека святой мог играть также и активную роль в утверждении права. Чрезвычайно характерно в этом отношении «Сказание о пленном Половчине», напечатанное Костомаровым по рукописи Публичной библиотеки²⁰⁸. Сказание это относится к XII веку. Содержание его следующее.

У одного из киевлян был пленный половчин. Киевлянин готов был отпустить пленника за выкуп, но тому негде было в Киеве достать денег. Киевлянин сказал, что готов отпустить на поруки. Но у половчина не было в Киеве никого, кто бы за него мог поручиться. Тогда владелец решил отпустить пленника под поручительство св. Николая Чудотворца. Пришли в церковь, стали перед иконой святого и просили его быть поручителем. После этого киевлянин отпустил пленника, снабдив его всем необходимым на дорогу. Половчин поехал в степь и дорогой решил обмануть своего бывшего господина. Рассуждение его было

такое: «Несть смысла воистину в Русине сем, еще мя предаеть образу на поруку, на доске написану, Николе нарицаему. Что ми может створити? Ныне бо не вижду его, ни он мене. Како бо может доска ходити или ездити?» Но вышло по-иному. Св. Николай стал являться половчину во сне, напоминая ему его обещание. Тот, однако, все медлил послать выкуп. Наконец святой подверг его припадку вроде падучей во время съезда половецких вельмож, в числе которых были его родные. Услышав, в чем дело, родичи его испугались, как бы и им не пострадать, и отправили его назад в Киев, чтоб он отвел табун коней как выкуп и еще придачу. Половчин, приехав в Киев, прежде всего отправился в церковь, пал ниц перед иконой святого и сказал: «Не мучи мене, Господи мой поручниче, святче Божий Николо, се искуп весь пригнах христианину твоему и тебе нечто мало от поручения, да не гневаешься на мя; понеже хотел солгать и не добро ми бысть». Затем он поехал к своему господину и, пригнав на двор его большое стадо коней, сказал ему: «Се искуп мой, господи, а у поручника бых уже».

Неоднократно встречается в древнерусской литературе также и мотив юридической сделки с бесом. Известна, например, легенда о пьянице, продавшем свою душу бесу, чтобы угостить себя и других в корчемнице²⁰⁹.

§ 4. Семейное право

Семья представляет собою соединение отношений кровных (союз родителей и детей) с отношениями договорными (союз супругов, усыновление). Семья не совпадает с родом, который построен исключительно на кровном начале. Семья, выделившаяся из родовой общины, может дать начало новому роду. Древнерусская (и вообще древнеславянская) «большая» семья, то есть союз не только родителей и детей, но также и внуков, а подчас и правнуков, есть форма переходная от рода к семье в узком смысле слова. Так как такая большая семья или род включали в свой круг и всех домочадцев, то фактически она представляла собою часто целую общину. Эта семейная или родовая община («задру-

га» южных славян) была, как мы видели, основной ячейкой древнерусского общества²¹⁰.

Как обычное правило поэтому в Древней Руси и в особенности в дохристианское время брак социологически не являлся основанием новой семьи как особой ячейки, но имел результатом лишь привод новой работницы в налаженную семейную общину, основанную отцом или дедом брачующегося. Поэтому древнейшие формы брака у восточных (как и у южных) славян — похищение (умыкание) невесты и покупка невесты (татарский калым). С течением времени и умыкание невесты часто сводится к покупке, так как, хотя похищение разыгрывалось по старому обычаю, в действительности все между сторонами было заранее условлено. Воспоминания об умыкании остались надолго в русском крестьянском свадебном обряде. У древнерусского племени полян устанавливается новая форма брака: приведение невесты в дом к жениху, причем она приносит с собою приданое.

С принятием христианства на Русь приносится из Византии понятие о «христианском браке» (выражение «Эклоги», VIII век) — представление о семье в узком, юридическом смысле взамен широкого, социологического. Но фактически еще долгое время спустя после принятия христианства происходит такой же симбиоз между обычным правом и христианским писаным правом, как и в области верований между остатками языческих обрядов и христианскими церковными обрядами. Церковь не скоро могла добиться даже основного условия христианского брака — единоженства.

Согласно с византийским правом, в Древней Руси (после крещения Руси) установлено было обручение как отдельный религиозно-юридический акт, нерасторжимый после своего свершения. Следует иметь в виду, что обычное древнерусское право также знало обручение (сговор), но лишь как имущественный договор, неисполнение которого влекло к уплате неустойки (заряд). Что касается возраста брачующихся, то согласно византийской «Эклогe» назначен как минимум для мужчин возраст в пятнадцать лет,

для девушек — тринадцать. «Прохирон» уменьшил возраст до четырнадцати лет для мужчин и двенадцати для девушек. Даже и этот низкий минимум в Древней Руси не всегда соблюдался. Браки совершались иногда даже между десятилетними. В связи с низким возрастом, достаточным для совершения брака, византийские законы требовали согласия родителей (или опекунов) как неперемennого условия брака: «Эклога» — безусловно, «Прохирон» — до совершеннолетия.

Признавая брак таинством, церковь требовала церковного венчания как единственной формы христианского брака. Даже в Византии, однако, церковное венчание прививалось туго²¹¹. В Древней Руси, особенно в первые века христианства, при редкости церквей и малом числе священников «бояре только и князья венчались» (см. Правило митрополита Иоанна, XII век).

По христианскому учению, развод теоретически недопустим. Однако он допущен был в известных случаях византийским законодательством, представлявшим собою в этом отношении компромисс между учением церкви и римским правом. Византийским правом в данном случае руководствовалась и Русь.

Что касается отношений между супругами, то, по мнению некоторых исследователей (например, даже Владимирского-Буданова), в древнейший период муж имел полную власть над женой. В подтверждение этого обыкновенно приводят летописный рассказ о поединке князя Мстислава Тмутараканского с касожским (черкесским) князем Редедей: «И ре Редедя к Мстиславу: что ради губиве дружину межю собою, но снидeweся (сойдемся) бороться, да аще одолеешь ты и возьмeши имение мое и жену мою и землю мою, аще ли аз одолею, то возьму твое все» (Ипат., 1022 год).

Следует, однако, иметь в виду, что инициатива этого предложения исходила от Редеди, а Мстислав лишь сгоряча его принял. Следовательно, тут в первую очередь выражено правосознание касожского князя, а не русского. Ссылаться на этот рассказ для толкования русского правосознания, по моему мнению, никак нельзя. Русские источники говорят другое. «Повесть временных лет» оставила нам яркий

образ свободной и независимой русской женщины — княгини Ольги (матери Святослава). У Ольги был свой город (Вышгород), свои села (в том числе Ольжичи), свои звериные и птичьи ловы. Подобно тому и в «Русской Правде» находим признание за женой известных имущественных прав.

Источники XIV—XV веков позволяют судить о существовании общего права супругов на имущество, приобретенное во время брака. С другой стороны, под влиянием византийского законодательства (заметного уже и в постановлениях «Русской Правды») как за женой, так и за мужем признавались особые права на внесенное каждым супругом в семью при заключении брака имущество: приданое и вено.

§ 5. Наследственное право

Право наследства в древнюю эпоху тесно слито с бытом родовым и семейным. В обычном праве Древней Руси не могло идти речи о наследовании в том смысле, как этот институт понимался в праве римском и византийском. Имущество семейно-родовой общины состояло в общем владении всех членов общины. Отдельные члены этой общины пользовались отдельными угодьями или частями семейно-родового имущества. В случае смерти одного из членов «большой семьи», даже самого главы семьи, происходил лишь передел или перераспределение имущества между оставшимися. По мере выделения семьи в тесном смысле из родовой общины, а равно и по мере юридического оформления семьи под влиянием норм византийского права создается почва для перенесения на Русь и византийских понятий о наследовании. На примере «Русской Правды» мы можем наблюдать проникновение византийских норм в русское право наследования и известное приспособление византийских понятий к русской действительности.

Византийское право проводило различие между наследованием по завещанию и наследованием по закону. Согласно этому, и в «Русской Правде» упоминается «ряд» (завещание), и от наследования по завещанию отличается наследование по закону. Но по существу, как подметил правильно Вла-

димирский-Буданов, между двумя этими формами наследования в «Русской Правде» нет коренной разницы. «Ряд» «Русской Правды» есть лишь распределение имущества между естественными наследниками. С другой стороны, в случае, если наследодатель умрет без «ряду», имущество должно, согласно «Русской Правде», быть распределено в том же духе, каков мог предполагаться «ряд».

«Аще кто умираа разделит дом детем своим, на том же стояти; паки ли без ряду умрет, то всем детем, а на самого часть дати по души (на помин души)» (III, 102). Следует иметь в виду, что под детьми здесь явным образом подразумеваются лишь сыновья. Если нет сыновей, то наследуют дочери (III, 101). О наследовании боковых в «Русской Правде» прямо не говорится. В ученой литературе существуют по этому вопросу противоречивые мнения²¹².

Вдова после мужа не наследует всего имущества, а лишь получает назад приданое (III, 103). Если после смерти остаются дети, мать распоряжается имуществом на правах главы семьи; в случае распада семьи (отделение взрослых сыновей) мать получает особый удел (III, 103 и 111). О правах бездетной вдовы в «Русской Правде» не говорится. Выше отмеченные нормы применялись к свободным и вполне правоспособным слоям общества — боярам и людям. Право наследования смердов было ограничено. Если смерд умирал без сыновей, имущество шло князю. Замужние дочери не получали ничего; незамужние могли притязать лишь на свою «часть» (III, 100).

Переходя к более позднему периоду — XIV—XV векам, — видим более разработанное наследственное право. Разница между наследованием по закону и наследованием по завещанию становится уже гораздо более явственна. Согласно Псковской судной грамоте, завещание для полной силы должно быть письменным (оно и называется «рукописанием») и, кроме того, должно быть укреплено — положено в «ларь» (архив) Св. Троицы (ПСГ, 14). При наличии укрепленного в городском архиве завещания отвергаются все притязания к наследникам от кредиторов покойного наследодателя, если они не могут быть подтверждены ничем

иным, как неформальными актами («досками»). С другой стороны, однако, естественные наследники умершего (отец, мать, сестра «или кто ближнего племени») могут и без формальной записи требовать движимое имущество покойного, если им владеет посторонний (ПСГ, 15). Как видим, Псковская судная грамота определенно признает наследование боковых («ближнего племени» в ст. 15 или «инога племени» в ст. 90).

Вдова по Псковской грамоте получает после смерти мужа назад свое приданое, а также имеет право пользования имуществом покойного мужа, если не выйдет вновь замуж (ст. 91 и 89). Мужнино платье вдова должна отдать его отцу или братьям, если таковые имеются, но ей предоставляется отдать по совести: принуждать ее к присяге (что она все отдала) родственники мужа не могут. То же правило применяется и по отношению к мужу, если жена умрет раньше. Муж должен отдать женины платья матери или сестрам покойной жены, но также по совести — без принуждения к присяге (ст. 90).

По сохранившимся завещаниям московских князей и бояр XIV—XV веков видно, что на Москве в эту эпоху завещателю предоставлялась значительная свобода в распоряжении имуществом. Нередки случаи завещания мужем жене земельных имуществ, иногда лишь «примыслов» покойного (как в завещании Дмитрия Донского 1389 года), а иногда — в особенности при отсутствии детей — и наследственных вотчин. Последнее было согласно с византийским «Прохироном» (IX век), вошедшим в русскую «Кормчую книгу» под именем «Закона Градского» (Гражданского уложения).

§ 6. Вещное право

Своеобразие древнерусского юридического быта и правового сознания в полной мере сказывается и в отношении вещного права. В римском праве право лица на вещь, то есть право лица владеть, пользоваться и распоряжаться «вещью», имеет отчетливый логический характер. Законченным выражением вещного права является право част-

ной собственности. В настоящее время система частной собственности переживает тяжелый кризис не только в Советском Союзе, но почти в целом мире²¹³. Исход кризиса предсказать трудно, но, во всяком случае, ясно, что на месте римских понятий вещного права постепенно воздвигается новая система ограниченных личных прав на многие категории «вещей» (функциональная собственность). Ввиду этого многие институты древнерусского вещного права становятся нашему поколению понятнее и яснее, чем они казались историкам и социологам XIX века.

Подобно тому как это мы замечали по отношению к другим сторонам юридического быта Древней Руси, и в отношении вещных прав наблюдается разница между «обычаем» и «законом». Точно также и в самом «обычном» вещном праве можно различить противоречивые тенденции. И в этой области лишь постепенно понятия римско-византийского права видоизменяют, а отчасти и вытесняют прежний порядок. В древнеславянском и древнерусском семейно-родовом укладе вещные права лица играют весьма ограниченную роль. Имущество, которым владеет семейно-родовая община, принадлежит общине в целом. Община как целое и распоряжается этим имуществом. Отдельные члены семьи или рода могут получать лишь во временное пользование отдельные части общего имущества. Лишь на некоторые личным трудом приобретенные предметы движимого имущества — в особенности одежду — признаются частные права членов семьи или рода.

С образованием более широких общественных союзов — земских и городских общин — права отдельных членов союза получают более отчетливый характер, но все же ограничиваются союзом в большей или меньшей степени. Древняя Русь не знала общинного передельного землепользования того типа, который развился в XVII—XVIII веках. Однако во многих случаях распоряжалась землей община («волость»), а отдельные члены общины имели лишь условное право владения своим участком. С установлением княжеско-дружинного политического быта появляется новый принцип землевладения — вотчинный. Однако личный характер вот-

чинных прав до известной степени ограничивается притязаниями рода. Право родового выкупа боярских вотчин играет значительную роль еще в XVI и даже в XVII веке.

Принятие христианства ведет к установлению нового типа имуществ — церковных и монастырских. Мы видели уже²¹⁴, что в древнерусском правосознании носителем права собственности на эти имущества являлись святые, во имя которых построена была церковь или монастырь.

Противоречия вешных прав Древней Руси постепенно сглаживаются с проникновением начал римско-византийского права. Князья и бояре, церкви и монастыри сумели использовать раньше и больше других общественных групп римско-византийские правовые понятия в отношении собственности на имущества. Однако мало-помалу начала эти проникают и в общее правосознание. Влияние римского права в чистом виде сказывается более определенно в Западной Руси, где для обозначения «вещи» в юридическом смысле возникает термин «речь» — переложение латинского *res*. Сопоставляя данные «Русской Правды», Псковской судной грамоты и Литовского статута 1529 года²¹⁵, видим, что понятия римско-византийского вещного права проникли на Русь довольно глубоко. Сохранившиеся — для древнего периода лишь в очень небольшом количестве — акты юридического быта, как-то: духовные и купчие грамоты, свидетельствуют о том, что статьи юридических сборников не были лишь отвлеченными принципами, а воплотились и в живой юридический быт. Наиболее широко установились понятия права собственности на имущества движимые. К движимым имуществам в Древней Руси могли относиться и люди — челядь, холопы. Господин («государь») имел полное право собственности на холопа или рабу. Другие виды движимого имущества — скот, одежда, оружие, продукты земледелия и промыслов (зерно, шкуры, мед и т. д.).

Движимое имущество приобреталось покупкой, наследством, прямым захватом (военная добыча), собственным производством (продукты ремесла). Что касается холопства, то «Русская Правда» перечисляет три источника его: покупка холопа (или продажа человеком самого себя в хо-

лопство); женитьба на рабе без особого условия (ряда); поступление на частную службу без условия («ряда») (III, 117). К этому следует прибавить еще военный захват: пленные обычно обращались в холопство. Вспомним «Слово о полку Игореве»: в случае победы русских над половцами «была бы чага (раба) по ногате, а кошей (раб) по резане»²¹⁶.

Что касается покупки холопов, то следует иметь в виду, что отношения, близкие к холопству, могли возникать в Древней Руси не только в результате договора купли-продажи, но также и некоторых других институтов обязательственного права, в особенности найма и займа. Этим путем в киевскую эпоху создался класс «закупов», а в московскую — класс «кабальных холопов» и служилых кабальных людей. Явление, характерное для древнерусского и вообще «средневекового» обязательственного права, когда право на услуги или имущество другого лица имело тенденцию переходить в право вещное на это лицо. Об этом подробнее будет сказано в следующем параграфе.

Переходим теперь к имуществам недвижимым. Вопрос о праве собственности на землю в Древней Руси весьма сложен. Именно в этом отношении особенно часто встречается та множественность прав на одно и то же имущество, о которой уже упоминалось выше²¹⁷.

В особенности сложен вопрос о смешении публичных и частных прав на землю. Князь Древней Руси был не только государем в политическом смысле, но также и крупным вотчинником. Боярин был часто также крупным вотчинником и имел сверх того и публичные права над населением своей вотчины.

С установлением монгольского владычества верховным собственником всей земли теоретически сделался хан. Позже полнота прав хана перешла на великого князя. Фактически московский великий князь долгое время не мог распространить свою власть на земли боярские. Но тогда как в киевскую эпоху из земель свободного сельского населения лишь земли смердов считались княжими, в московский период все волостные земли постепенно стали «черными»

(казенными) и начали рассматриваться как достояние великого князя — носителя государственных прав.

Так создалась сложная совместность на земли свободного сельского населения: на одно и то же имущество совмещались права великого князя, волости, отдельных семей и домохозяев. Что касается боярских земель, великий князь начал постепенно выдвигать на них свои притязания окружным путем — путем создания так называемой «поместной» системы, раздачи земли в условное владение, за службу. Полное развитие поместная система получила в конце XV и XVI веке, но зародилась она еще в монгольский период.

Имеется грамота — правда, дошедшая в поздней копии и потому ставимая под сомнение — об отводе в 1257 году великим князем Рязанским Ольгом Ингваричем поля на реке Проне Ивану Шаину (родоначальнику Измайловых линии «племени ханска») на том основании, что он «воин добр». Из грамоты видно, что этот Иван Шаин («породы ханской») прежде своего прихода в Рязань был посажен Батыем в Черниговщине в качестве служилого «владельца»²¹⁸. Далее, известен несомненный факт об отдаче земли в поместье (без упоминания самого термина) Иваном Калитой некоему Борису Воркову: «А что есмь купил село в Ростове Богородичское, а дал есмь Бориску Воркову, аже иметь сыну моему которому служити, село будет за ним; не иметь ли служити детям моим, село отоимуть»²¹⁹.

Имея верховные права на значительную территорию, князь Древней Руси во многих случаях владел определенным имением и на праве частной собственности. Еще у княгини Ольги, как мы видели, были свои города и села, свои звериные и птичьи ловы. Во многих случаях князь имел доли или части в имении княжеского рода. В киевскую эпоху часть Среднего Приднепровья (Русская земля в собственном смысле) считалась преимущественным достоянием княжеского рода, и каждый князь помимо своих владений претендовал на часть в этом достоянии, получая какой-либо город или село. В Северо-Восточной Руси, при обособлении отдельных княжеских ветвей, великий князь обычно делил свою землю на доли между сыновьями, признавал

права каждого, помимо данного ему удела, и на имущество в столичном городе княжества.

Бояре часто владели землей на правах полной собственности, но права лица на наследственную вотчину были до некоторой степени ограничены правами рода. Еще в XV и XVI веках родичи сохраняли право выкупа родового имения в случае его продажи или завещания помимо рода. По отношению к вотчинам приобретенным («примыслам») как князь, так и боярин имели, однако, неограниченное право распоряжения. На праве полной частной собственности владели землями в Древней Руси церкви и монастыри, но здесь не могло быть речи о собственности личной (теоретически, как мы видели, собственником было лицо святого, во имя которого воздвигнута была церковь).

Переходим теперь к приобретению прав на недвижимое имущество. Так как в основе русского исторического процесса лежит факт колонизации восточными славянами евразийских равнин, то исторически основным способом приобретения земли была трудовая заимка, освоение дикого участка. Расселяясь по просторам доуральской России, восточнославянские племена и родовые общины постепенно осваивали себе удобные для хозяйства земли и уголья. Земля, занятая каждой родовой или семейно-родовой общиной, становилась с течением времени собственностью каждой такой общины. Распахивалось поле, выжигался лес, если он нужен был под посев, метились грани на деревьях для обозначения бортовых урожаев или ловов и т. д. По мере стабилизации племен владения каждого рода или семейно-родовой общины должны были так или иначе быть подтверждены авторитетом племенного собрания или совета старейшин.

Подобным же порядком, по мере продвижения русского племени на восток, занимались земли казачьими и крестьянскими артелями, ватагами и общинами. На Дону в XVII веке земля считалась собственностью всего войска. Отдельные артели казаков или отдельные казаки пользовались облюбованными участками для пастбищ и сенокосов. Позже началось выделение из войсковой земли станичных

участков, а затем и участков отдельных казаков. В крестьянских порядных XV–XVII веков обычное определение границ занимаемой земли — «куда топор, соха и коса ходила».

С установлением княжеско-дружинного строя выделяются большие имения в собственность князей и бояр. Церкви и монастыри получают от князей земли в дар. Появляется потребность в обеспечении владения жалованными и дарственными грамотами. Проникновение римско-византийских правовых понятий способствует вовлечению земли в торговый оборот. Земля становится предметом купли-продажи. С течением времени купчие на землю стали укрепляться в княжеских или городских архивах. Земля становится предметом и наследства.

§ 7. Обязательственное право

Обязательство, согласно определениям римско-византийского права, есть юридическая связь (*juris vinculum*), в силу которой одно лицо (кредитор) имеет право требовать от другого (должника) исполнения какого-либо действия. Подобное определение обязательства не сходится с исконными понятиями древнерусского обычного права. По этим последним обязательство влекло за собой право не только на действия лица, а на само лицо. Обязательственное право Древней Руси до некоторой степени сливалось, таким образом, с правом вещным.

Как и во многих других отношениях, русское писаное право древнего периода, создавшееся под византийским влиянием, представляет и в вопросе об обязательствах известный компромисс между началами права обычного и началами права римско-византийского. Позже, в монгольский период, на восточнорусское (московское) право наложило свой отпечаток правосознание турецко-монгольское, основанное на праве турецких и монгольских народов, проникнутом началами строгой подчиненности лица интересам рода, племени, хана.

Отсюда происходит особый характер многих институтов древнерусского обязательственного права, подчас примы-

кающих весьма тесно к институтам права вещного. Некоторые черты древнерусских правовых воззрений были восприняты и законодательством империи. Не случайно в Своде законов гражданских купля-продажа отнесена не к договорам, а к способам приобретения имущества²²⁰. Составитель Свода законов Сперанский (1772—1839)²²¹ приравнивал русскую купчую крепость к римской *traditio symbolica*. «Процесс по ней не принадлежит к исковым процессам, но к вотчинным или крепостным (*vindicatio*)». Основываясь на мнении Сперанского, Победоносцев²²² также считал, что по русскому праву купля-продажа — не договор, а действие, которым одна сторона передает другой вещь за определенную цену²²³.

В древнейшее время на Руси при продаже недвижимости употреблялся символ передачи продавцом покупателю куска дерна²²⁴. В русских купчих XIII—XVII веков передача земельной собственности вместо дерна символизируется путем так называемого «пополонка», или придачи. Сделка не считается законченной при уплате условленной цены. Только придача («пополонок») завершала сделку²²⁵.

Так, волынский князь Владимир Василькович в своем завещании упоминает, что за одно из купленных им сел он дал 50 гривен кун деньгами, а также пять локтей scarлата²²⁶ и броню (Ипат., 1287 год)²²⁷. В сохранившихся купчих Двинской земли XV века, а равно и в московских купчих XIV—XVII веков постоянно упоминается о пополонке. Если основная цена за землю дается обычно деньгами, то в виде пополонка дается часто скот, птица, зерно, одежда. «И да Константине и его братья на той земли 3 рубли, а свинью пополонка». «Дали два рубля, а овцу пополонка». По одной из двинских купчих в качестве пополонка дается «два сугреба железа».

Во многих случаях купля-продажа недвижимости совершалась в Древней Руси с правами обратного выкупа (по отношению к боярским родовым вотчинам родичи имели право обратного выкупа и независимо от условий упомянутых в самой купчей). С другой стороны, при залоге недвижимости залогоприниматель получал имение с широки-

ми правами владения и пользования, а в некоторых случаях и с правами распоряжения. Таким образом, в сущности, залог и купля-продажа недвижимости в Древней Руси в значительной степени между собою сближались.

Переходим к договору найма недвижимых имуществ. Наиболее распространенный вид найма земли в Древней Руси может быть с оговорками приравнен к позднейшей крестьянской аренде. В эпоху «Русской Правды» земля сдавалась вотчинником земледельцу со скотом и орудием (конь, плуг, борона). Так как обычно к этому присоединялся еще и заем денег, то договор был чрезвычайно осложнен и вел обыкновенно к потере нанимателем личной свободы (ролейное закупничество).

По Псковской судной грамоте, наем земельного или водного участка (последний — для рыболовства) представлял собой самостоятельный договор, но обычно с ним соединялся и добавочный договор о «покруте», который также усложнял наем имущества личными отношениями²²⁸. Наем помещения (квартиры) также влек за собою некоторую личную зависимость нанимателя («подсоседника») от хозяина («государя»). Плата за помещение обычно, по-видимому, погашалась работой на хозяина²²⁹.

Ввиду сказанного нет ничего удивительного, что и личный наем (наем в услужение) обычно вел в Древней Руси также к потере или ограничению свободы нанимающегося. Мы видели, что по «Русской Правде» наем в услужение без «ряда» (условия) прямо вел к холопству. Подобная же практика установилась и в Московском великом княжестве. Наоборот, псковское городское право представляет совершенно другую картину. Псковская судная грамота заботливо охраняет права «наймита» (наемного рабочего). Наймит имеет право иска против господина в случае задержания заработной платы. Если наймит даже не дослужил условленного срока, он имеет право на заработную плату по расчету прослуженного времени. Наймит имеет право искать заработную плату даже без формального условия, а простым заявлением («в заклич»); но в этом случае он может искать платы только за последний год службы²³⁰.

Предметом займа в Древней Руси могли быть не только деньги, но и всякое имущество, например мед или зерно (жито). Жито давалось «в присоп»: кредитор давал хлеб, насыпая меру не выше краев; при возвращении же займа должник насыпал выше краев, сколько мера удержит над краями. При годичном займе вряд ли додача составляла 10 процентов. Деньги (куны) давались «в рост». Высота годичного роста, вероятно, не превышала 20 процентов²³¹.

Институт займа имел большое социальное значение в Древней Руси. Значение это было особенно велико для купечества и для крестьянства. Социальные последствия были противоположны в этих двух случаях. В то время как для купечества в целом пользование кредитом было благотельно и способствовало развитию торговых операций, для крестьян получение займа от вотчинника влекло обычно к закабалению. Причины разницы лежат, разумеется, в том, что купец имел больше шансов не только вернуть взятую сумму, но еще и на этом нажить, тогда как крестьянин в лучшем случае мог надеяться лишь исподволь вернуть долг, а обычно принужден был отсрочивать и пересрочивать заем уплатую процентов.

При несостоятельности купца имущество его продавалось на торгу²³², причем прежде всего удовлетворялись претензии кредиторов-иноземцев²³³. Купец-банкрот исключался из купеческой общины и становился неполноправным человеком (изгоем). Тяжелее была доля крестьянина или рабочего при неуплате займа. Его ждало ограничение свободы. Таким образом, по отношению к низшим разрядам сельского населения договор займа (или, вернее, его неисполнение) вел в Древней Руси к созданию класса полусвободных (закупов).

Закупничество Киевской Руси представляло собой, по-видимому, соединение договоров займа, найма земли и личного найма. При неисполнении этих договоров право господина («государя») на услуги работника превращалось в право на самое лицо его. В монгольский период, под влиянием уйгурского права, создается новый вид условного холопства: холопство кабальное. Кабальное холопство со-

стояло в том, что должник должен был работать на государя за проценты. Отдать самый долг ему, очевидно, уже не представлялось никакой возможности. Кабальное холопство первоначально не было, однако, наследственным: работа продолжалась до смерти господина или до смерти кабального холопа (не переходя на его детей)²³⁴.

§ 8. Суд

Рассматривая основы древнерусского правосознания²³⁵, мы отметили широту взглядов древнерусского человека на право. Мы видели, что право в представлении древнерусского человека тесно связано было с религией и моралью. Это не мешало постепенной выработке на Руси понятий о правопорядке в более узком, технически-юридическом смысле. В этом смысле понятие о праве выявилось в Древней Руси, как это было и у других народов, главным образом в процессе защиты права.

Толчком для оформления идеи правопорядка является, таким образом, правонарушение. Исходным моментом для развития общественного правосознания служит развитие представлений о нанесенном вреде не только с точки зрения личного убытка, но и с точки зрения ущерба для справедливости. Круг лиц, охваченных понятием правопорядка, может быть первоначально очень узок. Единицей правопорядка, и при том весьма замкнутой, может быть семья, род, община родовая или община соседей. Это единицы органического роста правопорядка, так сказать, снизу. Другой путь утверждения правопорядка — сверху — авторитетом владельца вотчины, государя, церкви.

В древнейшем русском судебном праве видим скрещение обоих этих путей. Власть главы семьи, рода — власть домовладыки — является зародышем власти вотчинной. Государю вотчины, боярину, землевладельцу подчиняются в судебном отношении не только члены семьи, но и прочие домочадцы, зависимые люди, живущие в доме боярина или на земле его холопы, крестьяне. При этом постепенно все больше проявляется власть государства, церкви. Судеб-

ная власть древнерусской семьи или рода была признаваема в международных договорах древнего периода. В договоре князя Игоря с Византией 945 года говорится, между прочим: «Аще убьеть Хрестеянин Русина или Русин Хрестеянина, да держим будеть сотворивый убийство от ближних убьенного, да убьют и (его)».

На развитие вотчинной власти боярина (землевладельца) указывают источники начиная с XI века. Земли жалуются князьями боярам и монастырям «с вирами и продажами»²³⁶, то есть с правом уголовного суда. На судебную власть общины и ее представителей — «добрых людей» — указывают несколько статей «Русской Правды» (III, 4 и 5; ср. I, 15).

На все это разнообразие судебных властей семейных, общинных, вотчинных наложен был сверху судебный авторитет государства и церкви. Судебная власть князя — одна из основных его функций, как это видно и по «Русской Правде». Владимир Мономах в своем поучении детям приказывает им каждый день «людей оправливати» — производить суд и разбирать дела. По словам печерского игумена Поликарпа, основное назначение князя «правду деяти на сем свете, в правду суд судити» (Ипат., 1168 год). Князь судит не только лично, но и через поставленных им властей (посадников, тиунов). Они действуют, однако, авторитетом князя и от его имени. Место суда — судебное присутствие — есть «княж двор», хотя бы князь судил и не лично.

Церковный суд вводится с принятием христианства. Первоначальная организация его на Руси связана с Церковным уставом князя Владимира (1006 год). Церковному суду подведомственны были прежде всего лица, причастные к клиру, — игумен, поп, дьякон, дети их, «попадья и кто в клиросе», игуменья, чернец, черница, проскурница, затем также лица, находившиеся под особым покровительством церкви: паломник, «лечец» (доктор в монастырской больнице), прощенник, задушный человек, странник, слепец, хромец и т. д.²³⁷

По некоторому разряду дел были подведомственны церковному суду и лица, не принадлежавшие к составу клира и не находившиеся под особым попечением церкви. Так,

церковному суду подведомственны были бракоразводные дела, тяжбы между мужем и женой, а также некоторые дела о наследстве.

Значительное развитие получили в Древней Руси судебные учреждения городских общин, в особенности Новгорода и Пскова. Высшей инстанцией было вече. В Новгороде существовал принцип разделения подсудности между органами: судом княжеским и судом вечевым. Главные органы вечевого суда — суд посадника и тысяцкого. Посадник ведал в Новгороде преимущественно дела по тяжбам о земельной собственности. Тысяцкий ведал «дела торговые, гостинные и суд торговый». Во Пскове в каждом случае сотрудничали судебные представители князя и веча. Верховный суд города Пскова — «госпо́да», состоял из князя, посадника и сотских. Тот же двойственный состав был и в низших судебных учреждениях.

Обращаемся теперь к самому судопроизводству (процессу). Здесь мы также увидим, наряду с функциями представителей государства и церкви, наличие институтов семейного, родового, общинного права. До половины XI века на Руси было в силе право родовой мести, лишь отчасти регламентированное государственной властью²³⁸.

Следовательно, целые роды или семьи выступали истцами по делам уголовным. С другой стороны, и ответственность за преступление во многих случаях ложилась не на самого преступника только, а на всю его семью или общину, к которой он принадлежал. За убийство, не вызванное «виной» убитого, преступник отдавался «на поток и разграбление» вместе с женой и детьми. Если убийца не бывал обнаружен, отвечала вся община²³⁹. Ввиду этого во многих случаях на суд являлись со стороны как истца, так и ответчика целые толпы семейных, родичей, соседей. Судебное разбирательство в некоторых случаях могло обратиться просто в побоище. Побоищами двух сторон оканчивалось иногда и разбирательство судебных дел на новгородском вече. Но это были случаи аномалии, а не правильного судопроизводства.

Государство долгое время не являлось истцом даже в делах уголовных. Государство лишь помогало частному лицу в преследовании преступника. Суд только регулировал и уравнивал средства сторон. Сторона истца в древнерусском процессе должна была поставить определенное (для разных дел разное) количество «послухов». Послух не был свидетелем в смысле нашего современного судопроизводства (такие свидетели в Древней Руси именовались «видоками»). Послух являлся пособником, которого выставляет истец (ответчик также мог выставить своих послухов). Послухи должны были подтвердить все, что говорила выставившая их сторона. Притом тождество показаний должно было быть буквальное: «слово противу слова». Иначе послушество теряло свое значение. При таком формальном понимании послушество было как бы испытанием, своего рода судом Божиим²⁴⁰. Своеобразной формой суда Божьего была также рота (присяга). Присягать могли и истец, и ответчик. Предполагалось, что виновному не дано будет божеством произнести сложную форму присяги без ошибки (что, безусловно, требовалось). Об ордалиях — испытаниях водой и железом — было уже сказано выше²⁴¹.

Что касается судебного поединка («поля»), то таковой не был известен русскому процессу в эпоху «Русской Правды». Судебный поединок появился у нас позже под влиянием немецкого права и прежде всего в городах Северо-Западной Руси, имевших тесные торговые сношения с немцами²⁴². Первое упоминание о судебном поединке в памятниках русского права встречаем в Смоленском договоре с немцами 1229 года. По Псковской судной грамоте, судебный поединок уже является одним из установленных институтов процессуального права. Любопытно, что и в пределах земель Византийской империи судебный поединок, неизвестный византийскому праву, появляется лишь с XIII века под влиянием «франкского» права (крестоносцев).

Церковь, воспитанная в византийских традициях и исходя из начал христианской любви, относилась к обычаю судебного поединка отрицательно. Митрополит Фотий в грамоте к новгородцам 1410 года писал: «Позванному на поле

и потом явившемуся к священнику не давать св. Причащения и целовать крест, подобно псу; который же священник удостоит его Божественных таинств, то он за сие лишается сана». Пытка также древнерусским законодательством не применялась. Первое упоминание о «дыбе», но только как о немецком обычае имеется в Смоленском договоре с немцами 1229 года, причем оговорено, что русские граждане даже и в немецких городах не могут «дыбе» подлежать²⁴³.

§ 9. Уголовное право

Исходными моментами русского уголовного права являются сначала регулирование, затем отмена родовой мести за убийство. Мечь эта регулирована в «Русской Правде» князя Ярослава (1019 год). В статье 1 (список Академический) перечислен круг ближайших родичей, которым предписано мстить за убитого. Характерен факт, что мечь законом не только была разрешена, но предписана. Здесь явно видно уже зарождение уголовного права как общественно-го (или государственного) наказания за убийство, которое не рассматривается больше как дело, касающееся лишь семьи или рода убитого, но как вред, нанесенный всему обществу или государству.

В этом можно видеть отчасти уже влияние византийского уголовного права (в договоре Игоря с греками 945 года также предписывается, чтобы «ближние убиенного» убили преступника). С этим можно сопоставить летописный рассказ о том, что Владимир Святой, под влиянием воспринятой им евангельской проповеди, перестал казнить за преступления. Тогда епископы, как представители закона не только Божеского, но и человеческого, потребовали от него, чтобы он казнил преступников, угрожая ему Страшным судом²⁴⁴.

После смерти Ярослава (1054 год) постановлением его старших трех сыновей и их старших дружинников родовая мечь была отменена и заменена денежными штрафами, различными по величине в зависимости от общественного положения, которое занимал убитый²⁴⁵. Денежные штрафы были двух родов: уголовные — в пользу князя как предста-

вителя общественной власти, и частные — вознаграждение семье убитого. Штраф в пользу князя или общества («людей») назывался вирой. Частное вознаграждение в пользу родичей убитого (после отмены кровной мести) называлось головничеством²⁴⁶.

Высота виры была в «Русской Правде» точно определена: 80 гривен за убийство высшего дружинника или княжеского сановника, 40 гривен за убийство человека среднего класса («людина», купца и т. д.) или дружинника среднего разряда. За убийство ремесленника полагалась вира в 12 гривен, за убийство смерда или холопа — 5 гривен²⁴⁷.

В случае, если убийство было не предумышленным, то вира взыскивалась не лично с убийцы, а с целой общины, к которой убийца принадлежал. Община же должна была платить виру в случае, если преступник оставался нераззысканным (то есть предполагалось, что община покрывала преступника). Это так называемая «дикая», или «людская», вира²⁴⁸. Таким образом, в уголовном праве эпохи «Русской Правды» существовала круговая порука²⁴⁹.

Почти наравне с наказанием за убийство «Русская Правда» карала за тяжкие увечья. Увечный (лишенный руки или ноги) становился неспособным себя защищать при условиях тогдашней жизни, отсюда и понятна точка зрения законодателя (по Ярославовой «Русской Правде» за тяжкое увечье взимается с виновного полная вира).

Помимо убийства и тяжкого увечья «Русская Правда» признает преступлениями («обидою») также нанесение побоев, ран и пр. При этом за некоторые, казалось бы, более легкие преступления полагается кара более тяжелая. Например, за отнятие пальца полагался штраф в 3 гривны, а за вырванный ус — 12 гривен. Здесь, очевидно, учитывался психический мотив — оскорбления чести. Усы и борода в Древней Руси служили символом мужества. На том же основании удар мечом необнаженным влек за собою больший штраф, чем за удар обнаженным мечом, хотя, конечно, вред от второго действия мог быть гораздо больше. Следует иметь в виду, что штрафы, налагаемые за эти преступле-

ния, также бывали двух родов. Уголовный штраф назывался «продажею», а вознаграждение потерпевшему — «уроком».

Переходим теперь к имущественным преступлениям. Главное из них, по «Русской Правде», есть воровство («татьба»). В соотношении с ценностью украденного все виды татьбы разделены на три разряда. К высшему разряду (12 гривен продажи) отнесен был увод холопа («челядиный извод»), а также и кража добра. Средний размер продажи (три гривны) полагался за кражу рогатого скота, пчел, охотничьих собак и птиц. Низший размер продажи определен был в 60 кун. Однако «Русская Правда» учитывала не только материальный вред от татьбы. Принималась во внимание и степень злой воли преступника. Так, кража скота из хлева каралась повышенной продажей по сравнению с кражей скота в поле. Точно так же делалось различие между случайным преступником, похитившим лошадь, и профессиональным конокрадом («коневый тать»). Первый платил продажу; второй выдавался князю «на поток и разграбление».

Как в общей систематичности расположения уголовных норм «Русской Правды», так и в некоторых деталях отдельных норм можно прощупать влияние норм византийского права. При этом нужно заметить, что «Русская Правда» избегает телесных наказаний и членовредительства (весьма излюбленных византийскими юристами) и, как заметил еще Ключевский, перелагает на деньги византийские телесные кары, сохраняя цифровые соотношения. В общем, можно сказать, что русское право домонгольского периода колеблется между следующими двумя принципами: признание уголовного характера преступления и взгляд на преступление только как на вред, причиненный преступлением частному лицу или семье. Двойственность наблюдается и в праве монгольского периода, но первый принцип (признание уголовного характера преступления) понемногу усиливается, особенно в праве Руси Восточной.

В монгольский период в систему наказаний в Северной Руси вводится смертная казнь, «Русской Правде» неизвестная. Так, по Двинской судной грамоте (1397 год), уличен-

ного в третий раз татя полагается повесить. Всякого татя вообще положено «пятнить» (клеймить). Псковская судная грамота также определяет казнить уличенного в третий раз татя. Кроме того, по Псковской грамоте подлежат смертной казни конокрады, поджигатели и шпионы («переветники»). Под влиянием немецкого права в Псковской судной грамоте появляется наказание «дыбой» (ст. 58).

«Дыба» назначалась за оскорбление судебных властей. «Дыба» Псковской судной грамоты представляла собой, по-видимому, колодку с отверстиями для рук и ног преступника. В эту колодку преступника «сажали» или запирали. «Дыба» считалась более тяжелым наказанием, чем простое тюремное заключение. Но и последнее могло быть очень тяжелым. «Погреб» иногда бывал слишком тесен для количества в нем заключенных²⁵⁰.

§ 10. Юридическая культура Древней Руси

При тесной связи понятий о праве с понятиями веры и философской морали в Древней Руси юридическая образованность сливалась тесно с общей религиозно-философской подготовкой²⁵¹.

Наиболее образованным в религиозно-философском отношении слоем общества было, конечно, духовенство. Ввиду этого можно думать, что в развитии юридической образованности Древней Руси значительную роль должны были играть представители церкви. Несомненно, во всяком случае, что уже в эпоху «Русской Правды» на Руси существовали образованные юристы в более тесном смысле, достигшие значительной высоты в смысле юридической техники.

Следует иметь в виду, что некоторые памятники византийского права (императорские постановления, касавшиеся церкви, также «Эклога» и «Прохирон») имелись в славянском переводе. Однако на Руси были люди, владевшие греческим языком (преимущественно среди духовенства), и следует предполагать, что некоторые из русских юристов (как, например, редактор или редакторы пространной «Русской Правды») знакомы были с византийским правом вооб-

ше. Вполне вероятно, что в Москве имелась греческая копия Царских книг (Василик)²⁵² и великокняжеские юристы ею пользовались. В Западной Руси XIV—XV веков, в связи с влиянием польско-литовской государственности, распространилось знание латинского языка, и нет сомнения, что западнорусские юристы этого времени были знакомы с римским правом. Редакторы Литовских статутов были, несомненно, первоклассными и высокообразованными юристами.

Юридическая образованность Древней Руси возростала главным образом под сенью трех учреждений: Церкви, княжого двора и городского веча. Церковь воспитывала юристов в первую очередь для нужд церковного суда, но влияние церковных юристов сказывалось и в гораздо более широкой сфере. Священники-юристы давали советы и княжеской канцелярии, и городскому вечу. Юридические нужды княжого двора должны были со своей стороны растить опытных юристов-практиков. Во многих случаях сам князь и некоторые из его советников-дружинников и бояр разбирались весьма хорошо в сложных юридических вопросах. Не забудем, что Ярославова «Русская Правда» была пересмотрена советом трех сыновей Ярослава и трех старших дружинников — по одному из дружины каждого князя.

Редактировались законы, конечно, не самими князьями или боярами, а секретарями княжой канцелярии — позже получившими название дьяков. Этим княжим юристам, вероятно, принадлежала значительная роль в составлении замечательных юридических сборников XIII—XIV веков (известных отчасти под именем Мерила Праведного)²⁵³.

Позже из этой же среды вышел такой крупный юрист, как Владимир Гусев, составитель Московского судебника 1497 года²⁵⁴.

Опытные юристы имелись в распоряжении городских общин Новгорода, Пскова, Смоленска. В разработке торгового права принимали, конечно, ближайшее участие представители купечества, непосредственно в этом деле заинтересованного. Как осмотнительно составлялись важнейшие юридические акты древнерусских городских об-

щин, можно видеть на примере Смоленского договора с немцами 1229 года. Условия этого договора были предварительно рассмотрены смоленскими купцами. Затем смоленский князь Мстислав Давидович послал двух представителей Смоленска — «лучшего попа Еремея» и «умна мужа Пантелея» в Ригу и на остров Готланд, где выработанный в Смоленске проект договора был обсужден и утвержден представителями готландского и немецкого купечества. По возвращении Еремея и Пантелея в Смоленск проект был окончательно отредактирован двумя лицами: рыцарем Ролфом из Касселя (как представителем немецких интересов) и смолянином Тумашем Михалевичем²⁵⁵. Каждая сторона получила противень договора. В результате возник юридический документ, примечательный по своей логичности, деловитости и точному соответствию прав русского купечества правам немецких гостей. Большое искусство юридической техники обнаружили и редакторы Псковской судной грамоты — одного из самых выдающихся памятников юридической мысли своей эпохи (XIV–XV века).

Примечания

- ¹ Жизненная творческая энергия человека корнями связана с общими процессами становления и развития Жизни и Вселенной. — *Здесь и далее, если не оговорено особо, примечания автора.*
- ² Термин «Евразия» употребляется здесь в таком же смысле, как и в «Начертании русской истории» (Прага, 1927; в дальнейшем будем цитировать: Начертание), а равно и в «Опыте истории Евразии» (Берлин, 1934; в дальнейшем будем цитировать: Опыт). Для тех читателей, у кого нет под руками моего «Начертания», повторю, что под именем Евразии я понимаю совокупность так называемой «Восточной Европы» и «Северной Азии», то есть приблизительно территорию бывшей Российской империи в границах 1914 года.
- ³ Павел Николаевич Милюков (1859—1943) — политический деятель, историк, публицист. Один из создателей и лидер Конституционно-демократической партии. — *Прим. ред.*
- ⁴ Сочинения А. С. Пушкина, изд. под редакцией П. О. Морозова (1887), V, 250.
- ⁵ То есть в конце 30-х годов XX века, когда писалась эта работа. — *Прим ред.*
- ⁶ Под восточными элементами в русской культуре разумею влияния не только турко-монгольские или семитические, но также влияния арийского Востока — Ирана и Индии.
- ⁷ Сохраняю термины «турки», «турецкие» (а не «тюрки», «тюркские»), как принятые в русском востоковедении. Следует заметить, что собственно турки, которых в русском востоковедении принято было, по исторической их традиции, называть османами, теперь от этой традиции и от этого названия отказались и называют себя просто «тюрк».

- ⁸ Лишь в Петровскую эпоху начинается то наводнение немецких и голландских (также английских и французских) слов и терминов, которое значительно перестроило на западный лад словарный состав русского литературного языка.
- ⁹ Из довольно обширной литературы об иноземных заимствованиях в русском языке см., например, L. Wanstrat. Beiträge zur Charakteristik des russischen Wortschatzes (Leipzig, 1933). Там же подробная библиография. См. также сравнительный словарь славянских языков Миклошича (F. Miklosich. Etymologische Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886).
- ¹⁰ Как иранские, так и турецкие слова для удобства читателя передаю русскими буквами. Иран (Персия) пользуется до сих пор арабским алфавитом. Турция перешла на латинский алфавит. Замечу, кстати, что и для иранских, и для турецких языков русский алфавит мне представляется более подходящим, чем латинский. Чуваши уже и сейчас пользуются кириллицей. Большой вопрос, не целесообразнее ли было бы другим турецким народностям Советского Союза, латинизировавшим свой алфавит, перейти на алфавит русский.
- ¹¹ Эти примеры, равно как и часть далее следующих, заимствованы у Миклошича, Die Turkischen Elemente in Den Südost- und Osteuropaischen Sprachen (Denkschrift der Wiener Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Classe, тома 34, 35, 38, 1884–1890).
- ¹² «Калач» может быть и обратное заимствование — в турецкий с русского.
- ¹³ От турецкой формы «бильмез» — «не знает».
- ¹⁴ Беру эти и некоторые из следующих примеров из «Грамматики современного турецкого языка» Джемдет-заде и Кононова, Ленинград, 1934. Следует иметь в виду, что суффикс -чий, -чей имеется и староцерковнославянском языке и, следовательно, принадлежит к той же группе ранних заимствований, что и «чертог».
- ¹⁵ См. Начертание, 29; Опыт, 37.
- ¹⁶ См. ряд других примеров у Соболевского, Русско-скифские этюды (Известия О. Р. Я. С., XXVII).
- ¹⁷ Соблазнительна была бы мысль видеть и в таком, например, сочетании, как «худой смерд», осмысленное и уничижительное отражение иранского «мерд-и-худа» — человек Божий.
- ¹⁸ Арсений Петрович Кадлубовский (1867–1921) — литературовед, специалист по древнерусской агиографической литературе, русской литературе XIX века. Профессор Харьковского, Петроградского, Пермского, Таврического университетов. — *Прим. ред.*

- ¹⁹ Александр Александрович Корнилов (1862—1925) — историк, публицист, политический деятель. — *Прим. ред.*
- ²⁰ Ср. Начертание, 33, 43.
- ²¹ P. A. Sorokin, *Social and cultural dynamics*, III (1937), 343—344.
- ²² Митрофан Викторович Довнар-Запольский (1867—1934) — историк, этнограф, фольклорист, экономист, основоположник белорусской национальной историографии. — *Прим. ред.*
- ²³ Павел Петрович Смирнов (1882—1947) — историк, профессор (1919). Автор трудов по истории русского города XVI—XVIII веков, археологии Средней Азии и др. — *Прим. ред.*
- ²⁴ П. Смирнов. Движение населения Московского государства (*Русская история под ред. М. В. Довнар-Запольского*, II), 67—68.
- ²⁵ J. Rutkowski, *Histoire économique de la Pologne*, (Paris, 1927), 90.
- ²⁶ Исследователи истории Англии и Франции считают, что в этих странах «черная смерть» унесла от трети до половины населения. Следует иметь в виду, что в наших летописях отмечаются эпидемии взрослого населения, а эпидемии детские (часто сопровождавшиеся громадным процентом смертности) не отмечаются особо.
- ²⁷ Следует, конечно, иметь в виду, что большинство былин дошло до нас в устной передаче, записанной лишь в XVIII—XIX веках. Часть былин сложилась вообще довольно поздно (XV—XVI века), о чем см. ниже, в гл. VII. Тем не менее в некоторых былинах сохранились, конечно, и более древние воспоминания, почему в известных пределах и с оговорками в былинах можно искать и отраженный довольно раннего быта.
- ²⁸ Коней диких своими руками связал я в пущах десять и двадцать, живых коней... Два тура метали меня рогами вместе с конем, олень меня один бодал, а из двух лосей один ногами топтал, другой рогами бодал; вепрь у меня на бедре меч оторвал, медведь мне у колена потник укусил, лютый зверь вскочил ко мне на бедра и коня со мною опрокинул (Пер. Д. С. Лихачева). Перевод цитат из древнерусских текстов дан в настоящем издании только в тех случаях, когда без него понимание их современным читателем может быть затруднено. — *Прим. ред.*
- ²⁹ Волки беду будят по яругам, орлы клетотом зверей на кости зовут, лисицы брешут на червленые щиты (Пер. О. В. Творогова). — *Прим. ред.*
- ³⁰ Кречетом назывался белый сокол.
- ³¹ Помчали красных девушек половецких, а с ними золото, и паволоки, и дорогие аксамиты. Покрывалами, и плащами, и одеждами,

и всякими нарядами половецкими стали мосты мостить по болотам и топям (Пер. О. В. Творогова). — *Прим. ред.*

³² С конца XIX века быстро растет земледельческое значение Западной Сибири — для пшеницы — и Южного Туркестана — для хлопка.

³³ См. таблицу 6 в издании Древнерусская миниатюра, 1933. Большинство миниатюр этого издания — XVI века, но, конечно, черты быта, ими передаваемые, относятся к более раннему времени, тем более когда художник сознательно стремился иллюстрировать прошлое, известное ему по преданиям и записям.

³⁴ Но то мне удивительно, брат, что смердов жалеете и их коней, а не подумаете о том, что вот весной начнет смерд этот пахать на лошади той, а половчин, приехав... заберет лошадь ту... и гумно его подожжет (Пер. Д. С. Лихачева). — *Прим. ред.*

³⁵ На мусульманском Востоке этому явлению соответствуют вакуфы.

³⁶ Фарь — слово арабское. Фарис — всадник, см., например, известное стихотворение Лермонтова «Три пальмы».

³⁷ «Русская Правда» здесь и в дальнейшем цитируется по изданию Украинской академии наук под редакцией С. В. Юшкова (Киев, 1935). Римскими цифрами обозначены списки: I — Академический; IIА — Синодальный; IIБ — Пушкинский; IIВ — Троицкий; III — Карамзинский.

³⁸ Древнерусская миниатюра, табл. 64.

³⁹ Ср. П. Н. Савицкий. Месторазвитие русской промышленности (Берлин, 1932), с. 29.

⁴⁰ Летописец понимает ответ полян в ироническом смысле, но возможно, что здесь лишь отражение действительно существовавших (более чем за два века до составления Начальной летописи) отношений. Ср. об этом летописном рассказе Н. Т. Беляев. О булате и харалуге, *Rescueil-Kondakov* (Prague, 1926), 55 сл. Беляев сопоставляет мечи полян с мечами викингов.

⁴¹ Груда, ворох. Ср. сгребать, сугроб. — *Прим ред.*

⁴² Солга — железный котел для выварки соли; чрен, или црен, — железная сковорода, куда наливали рассол; пуз — мера вместимостью около пол-осмины (2 четверика).

⁴³ В. И. Вернадский. Опыт описательной минералогии, т. I, 1909–1914. С. 433.

⁴⁴ См. Г. В. Вернадский. Два подвига св. Александра Невского (Евразийский временник, IV, 322–323).

⁴⁵ Ср. с этим колокол, отлитый в Москве при царе Алексее Михайловиче в 1655 году. По словам дьякона Павла Алеппского, этот

- колокол весил более 2000 пудов. См. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию, III, (М., 1898), 180 сл.
- ⁴⁶ См. изображение каменщического дела в московских миниатюрах (Древнерусская миниатюра, табл. 2 и 5).
- ⁴⁷ Изба — от «истопка», собственно, теплое зимнее помещение.
- ⁴⁸ Теслом называлось насаженное на рукоятку полукруглое долото, употребляемое для обстругивания бревен.
- ⁴⁹ Тартак» по-украински (и по-польски) значит «лесопильня».
- ⁵⁰ Не от русского ли «куна» происходит новогреческое «гуна» — «мех»?
- ⁵¹ Гильом де Рубрук (ок. 1220 — ок. 1293) — фламандский монах-францисканец. В 1253–1255 годах по поручению французского короля Людовика IX совершил путешествие к монголам. Автор книги «Путешествие в восточные страны». — *Прим. ред.*
- ⁵² Перегоном молока («черным молоком») угошал Батый Даниила Галицкого (Ипат., 1250 год). Калмыки — вероятно, и другие монголы — называют прозрачную жидкость черной.
- ⁵³ Древнерусская миниатюра, табл. 68.
- ⁵⁴ Джованни Плано Карпини (ок. 1182–1252) — итальянский монах-францисканец, первым из европейцев посетивший Монгольскую империю и оставивший описание своего путешествия. — *Прим. ред.*
- ⁵⁵ П. Н. Савицкий. Ритмы монгольского века (Евразийская хроника, XII) (Прага, 1937), с. 111.
- ⁵⁶ Днепровские пороги стали доступны для судоходства лишь с постройкой Днепрогэса (1932 год).
- ⁵⁷ Строительство Волго-Донского канала было завершено в 1952 году. — *Прим. ред.*
- ⁵⁸ А половцы непроторенными дорогами устремились к Дону великому: скрипят телеги в полночи, словно лебеди встревоженные (Пер. О. В. Творогова). — *Прим. ред.*
- ⁵⁹ Полное собрание русских летописей, III, 38 (1220 г.).
- ⁶⁰ Древнерусская миниатюра, табл. 60.
- ⁶¹ ПСРЛ, III, 42 (1227 г.); ср., 69 (1310 и 1311 гг.).
- ⁶² Ср. А. Н. Веселовский. Мелкие заметки к былинам (Ж. М. Н. П., ч. 242), 189. Веселовский подходит к известию Эриха Ласоты исключительно с точки зрения литературной истории легендарных сюжетов.
- ⁶³ Что касается русских мер длины, то шкала их является отражением так называемой филэтерийской шкалы (принятой в эллинистическом Пергаме в III веке до н.э.). Филэтерийская шкала

- была, вероятно, занесена на юг России греками еще в скифо-сарматскую эпоху. Ср. Н. Т. Беляев. О древних и нынешних русских мерах протяжения и веса, т. I. Прага, 1927. С. 274.
- ⁶⁴ G. Vernadsky. The Baltic commerce of West Russian and Lithuanian cities during the Middle Ages (Baltic Countries, September 1937).
- ⁶⁵ Напомним, что серебро Новгород получал частью от ганзейских купцов, а частью из-за Урала.
- ⁶⁶ Этим разъяснением я обязан своему коллеге профессору Ф. Эджертому. Должен еще добавить, что образование «рубль» из «рупия» мне представляется вполне естественным. Ср. «корабль» от *греч.* «корабион», *новогреч.* «корави».
- ⁶⁷ Ср. замечания о высоте процентов при займе (предыдущий § 7).
- ⁶⁸ См. в следующей главе более подробные сведения об этих общественных группах.
- ⁶⁹ С. Н. Прокопович. Народный доход западно-европейских стран. — М. — Л., 1930. С. 11–12.
- ⁷⁰ См. Начертание, 27.
- ⁷¹ Разумеется, при этом оставалось противоречие экономического быта между оседлыми славянами и степными кочевниками.
- ⁷² Вероятно, впрочем, что в случае потери при расселении части своих членов от лишений или военных столкновений с соседями семейно-родовая община пополнялась и посторонними.
- ⁷³ Поляне же жили в те времена сами по себе и управлялись своими родами... и жили они все своими родами... (Пер. О. В. Творогова) — *Прим. ред.*
- ⁷⁴ Слог тяжелый — автор сообщения волостной старшина (то есть писал, по всей вероятности, волостной писарь).
- ⁷⁵ М. М. Ковалевский. Родовой быт. СПб., 1905, I, 32–33.
- ⁷⁶ Крестьянская «большая семья» стала быстро разлагаться после 1861 года.
- ⁷⁷ То есть до 30-х годов XX века. — *Прим. ред.*
- ⁷⁸ Профессор Ф. Мозли (P. E. Mosely) собрал новые материалы о задруге и «соседском праве» во время недавней своей поездки на Балканы и в настоящее время, как он мне сообщил в декабре 1936 года, занят их разработкой. По мнению проф. Мозли, термин «задруга» — искусственный. «Жить в задруге» первоначально означало у сербов «жить в согласии». Из работ о задруге недавнего времени см. В. Попович, Задруга (Сараево, 1921) и его же «Задруга: теория и литература» (Гласник Земальского Музея у Босни и Херцеговини, XXXIII–XXXIV, 1921–1922) (я ознакомился с этими изданиями благодаря любезности проф. Мозли).

- ⁷⁹ § 507 «Законника» 1844 года (цитирую по изданию Иречка).
- ⁸⁰ Вопрос о соотношении терминов «люди» и «смерды» в «Русской Правде» весьма сложен. В общем, однако, ясно, что в эпоху «Русской Правды» общественное положение смердов было несколько пониженным.
- ⁸¹ Русская Правда, II, А и Б, 3–4. Как известно, Леонтович (Федор Иванович Леонтович (1833—1911) — историк, юрист, профессор истории русского права. — *Прим. ред.*) понимал «вервь» как семейно-родовую общину (ссылаясь на аналогию с югославянским правом). По всему контексту «Русской Правды» вервь представляется мне, однако, территориальной общиной (быть может, в некоторых случаях и выросшей из общины семейно-родовой).
- ⁸² Это случай так называемой «дикой виры». О значении термина см. ниже, в гл. III.
- ⁸³ Русская Правда II А, 6.
- ⁸⁴ Акты археографической экспедиции, I, № 123.
- ⁸⁵ Село — от «селиться», «сесть» (на землю).
- ⁸⁶ Слово «деревня» происходит, вероятно, от глагола «драть» — очищать лес для нивы. Деревней первоначально называлась очищенная лесная новина, затем — пахотное поле и только позже — двор с полем.
- ⁸⁷ См. также ниже гл. IV, § 8.
- ⁸⁸ Ср. ниже гл. III, § 8.
- ⁸⁹ См. ниже гл. III, § 1 и 7 и гл. IV, § 8.
- ⁹⁰ ААЭ, I, № 1 и 3.
- ⁹¹ Псковская судная грамота, ст. 34 и 113.
- ⁹² Устав кн. Всеволода о церковных судах (по изданию Владимирского-Буданова, Хрестоматия по истории русского права, I, 209). Устав этот относится ко времени между 1125 и 1136 годом.
- ⁹³ В главе I.
- ⁹⁴ В главе V.
- ⁹⁵ См. ниже, гл. III, § 8.
- ⁹⁶ Не надо забывать, что крестьянские общественные ячейки — «большая семья», а отчасти и самая община сохранились при крепостном праве и дожили до 1861 года.
- ⁹⁷ Феодализм в Англии носил также особые черты.
- ⁹⁸ Об этом см. ниже, в главе IV.
- ⁹⁹ Единственное, кажется, исключение — вокняжение Владислава в Галиче в 1213 году. Но он долго удержаться не мог. Это исключение лишь подтверждает правило. Существование местных князей до захвата Руси родом Святослава Игоревича также не опровер-

гает правила, относящегося к последующему. Болховские князья, как мне кажется, происходили от князей Черниговских. Гедиминовичи были внешней силой, которой остававшиеся в Западной Руси Рюриковичи противиться уже не могли. И это уже близко к концу рассматриваемой эпохи (XIV век).

¹⁰⁰ Глава I.

¹⁰¹ Ср. Поучение Владимира Мономаха (Лавр., под 1096 г.).

¹⁰² Об экономическом значении охоты сказано уже было выше в гл. I. Ср. там же о «ловах» Владимира Мономаха.

¹⁰³ Ср. начало договора князя Ольга с греками: «Мы от рода русско-го: Карлы, Инегелд, Веремуд...» и т. д.

¹⁰⁴ Особенно много ясов и касогов было в дружине тмутараканских князей. Тмутаракань, как известно, политически связана была с Черниговом, и, таким образом, кавказские дружинники переходили и к другим русским князьям. Некоторые боярские роды происходили, вероятно, из ославяненных иранцев, осевших на юге России.

¹⁰⁵ См. Начертание, 109.

¹⁰⁶ Цитируется по: Н. М. Карамзин. История Государства Российского. — *Прим. ред.*

¹⁰⁷ Как, например, московский митрополит Алексей из боярского рода Плещеевых.

¹⁰⁸ См. ниже, гл. III.

¹⁰⁹ См. предыдущий §.

¹¹⁰ См. опять-таки предыдущий §.

¹¹¹ В. И. Сергеевич. Древности русского права, т. I, 1908. С. 203.

¹¹² Б. Д. Греков. Феодалные отношения в Киевском государстве (Москва—Ленинград, 1935), с. 103. Князя Б. Д. Греков рассматривает как одного из «феодалов».

¹¹³ В. И. Сергеевич. Древности русского права, т. III, 1911, с. 7 слл.

¹¹⁴ Ст. I. Грамота эта дана Двинской земле московским великим князем Василием Дмитриевичем, но в некоторых по крайней мере частях была очевидно подтверждением прежних обычаев и прав двинского населения.

¹¹⁵ Как правило, младшие дружинники князя. — *Прим. ред.*

¹¹⁶ Как правило, мелкая шляхта. — *Прим. ред.*

¹¹⁷ См. § 3.

¹¹⁸ Ср. ниже замечания о Смоленском договоре с немцами, гл. III, § 10 и гл. IV, § 10.

¹¹⁹ См. выше, § 6.

¹²⁰ См. § 8.

- ¹²¹ Не годится ныне, весной, идти, погубим смердов и пашню их (Пер. Д. С. Лихачева). — *Прим. ред.*
- ¹²² Дивно мне, дружина, что лошадей жалуете, которыми пашут; а почему не подумаете о том, что вот начнет пахать смерд и, приехав, половчанин застрелит его стрелою, а лошадь его заберет, а в село его приехав, возьмет жену его, и детей его, и все его имущество (Пер. Д. С. Лихачева). — *Прим. ред.*
- ¹²³ В некоторых случаях закуп одновременно мог быть и арендатором участка земли. О закупничестве с юридической точки зрения см. ниже, гл. IV, § 7.
- ¹²⁴ Пашенных людей. Изорати — вспахать.
- ¹²⁵ См. ниже, гл. IV, § 6.
- ¹²⁶ См. ниже, гл. III, § 7.
- ¹²⁷ См. мою заметку в *Revue Historique de Droit*, 1935, 360–367.
- ¹²⁸ Речь идет о временном успехе мятежа.
- ¹²⁹ ПСРЛ, X, 143. Об откупной системе сбора татарской дани см. ниже, гл. III, § 8.
- ¹³⁰ Глава I, § 4.
- ¹³¹ Некоторые блюда в этом описании не поддаются идентификации. — *Прим. ред.*
- ¹³² Хазары приняли иудаизм в VIII веке. См. Начертание, 33.
- ¹³³ Ср. о древнерусской территориальной общине выше, гл. II, § 2, и ниже, гл. IV, § 8 и 9.
- ¹³⁴ См. Начертание, 42; Опыт, 62–63.
- ¹³⁵ См. выше, гл. II, § 4.
- ¹³⁶ Древнерусская княжеская династия известна под именем Рюриковичей. Но в сущности, точно не установлено, был ли князь Игорь (отец Святослава) потомком или даже родственником Рюрика. Потомство княжеское фактически пошло от Святослава.
- ¹³⁷ Единственный известный нам случай вокняжения боярина произошел в Галиче в 1213 году, но боярин Владислав на княжеском столе недолго удержался.
- ¹³⁸ См. Г. В. Вернадский. Византийские понятия о власти даря и патриарха. Сборник памяти Н. П. Кондакова (Прага, 1926), 149 слл.
- ¹³⁹ В самой Польше, впрочем, так называемого «политического феодализма» тоже не было, так как установились своеобразные порядки, которые можно назвать «шляхетской демократией».
- ¹⁴⁰ Если же не пойдешь, то знай, что много зла произойдет, это не только Путятин двор или сотских, но и евреев пограбят, а еще нападут на невестку твою, и на бояр, и на монастыри, и будешь

ты ответ держать, князь, если разграбят и монастыри (Пер. Д. С. Лихачева). — *Прим. ред.*

¹⁴¹ См. ниже, § 5.

¹⁴² Образ этот понятен в условиях пчеловодческого хозяйства того времени (бортничества), когда обычным было уничтожение роя в колоде для добычи меда. См. выше, гл. I, § 2.

¹⁴³ См. сводку у В. И. Сергеевича. Древности русского права, т. II, с. 3 слл.

¹⁴⁴ ПСРЛ, III, 82, 1342 г.

¹⁴⁵ См. выше, § 4.

¹⁴⁶ «Степенным» посадником назывался в Новгороде посадник во время своего нахождения в действительной должности (степени).

¹⁴⁷ С легкой руки Ключевского, дума Московского государства именуется обычно «боярской думой». В современных памятниках этого термина не встречаем. Государь «думал» со своими боярами, но по инициативе своей «дума» была скорее государева, царская, чем боярская. Формулой решений было «государь указал и бояре приговорили».

¹⁴⁸ Такие случаи — прообразы будущей политики Ивана Грозного искать себе опоры не в родовитом боярстве, а в служилом дворянстве.

¹⁴⁹ В таком виде действительно было организовано управление Киевщины и Подолья после Батыева похода 1240 года.

¹⁵⁰ О черных клобуках см.: Д. А. Расовский, О роли черных клобуков в истории древней Руси. *Seminarium Kondakovianum*, 1927, т. I, с. 93–110. Ср. ниже, § 9.

¹⁵¹ ПСРЛ, III, 6.

¹⁵² ПСРЛ, VII, 117.

¹⁵³ Происхождение этой системы управления не вполне ясно. Несомненна его древность: оно древнее системы княжой администрации. Однако возможно, что деление это представляет, в свою очередь, остатки более древней государственной системы управления, еще иранской (скифо-сарматской) или монголо-турецкой (гуннской и хазарской). В таком случае древнерусскую «общественную» систему администрации пришлось бы отчасти рассматривать как отпечаток более ранней «государственности» — только государственности не скандинавской, а евразийской. Любопытно, что в греко-иранском Боспорском царстве первых веков нашей эры во главе военного управления стоял «тысяцкий» (хилиарх).

¹⁵⁴ См. выше, § 1.

- ¹⁵⁵ Ср. М. В. Шахматов. Учения русских летописей домонгольского периода о государственной власти (Прага, 1927, литографированное издание).
- ¹⁵⁶ Огнище (очаг) означало то же, что двор. Огнище было более древним термином.
- ¹⁵⁷ Должность посадника как княжеского уполномоченного не следует смешивать с должностью выборного посадника.
- ¹⁵⁸ Податная система была, разумеется, реорганизована по монгольским образцам.
- ¹⁵⁹ Это определено известно относительно Подолья, но вероятно и по отношению к другим русским землям, подпавшим под непосредственное монгольское управление. «Тьма», или «тумен», значит 10 000. Так назывались и корпуса монгольской армии, и административно-податные округа. Любопытно сопоставить термин «тьма» (10 000) с древнерусским термином «тысяча», о котором говорилось выше: деление на тысячи возникло также, быть может, под влиянием восточных образцов.
- ¹⁶⁰ О чем см. ниже, § 8.
- ¹⁶¹ Г. Вернадский не поясняет, в чем смысл дачи меча в виде дани. А вот, что говорит Лаврентьевская летопись: «...и отнесли их (мечи) хазары к своему князю и к старейшинам, и сказали им: “Вот, новую дань нашли мы”. Те же спросили у них: “Откуда?” Они же ответили: “В лесу на горах над рекою Днепром”. Опять спросили те: “А что дали?” Они же показали меч. И сказали старцы хазарские: “Не добрая дань эта, княже: мы добыли ее оружием, острым только с одной стороны, — саблями, а у этих оружие обоюдоострое — мечи. Им суждено собирать дань и с нас и с иных земель”. И сбылось все это...» (Пер. Д. С. Лихачева). — *Прим. ред.*
- ¹⁶² Шеляг — серебряная монета.
- ¹⁶³ Хазары брали с полян, и с северян, и с вятичей по серебряной монете и по белке от дыма (Пер. Д. С. Лихачева). — *Прим. ред.*
- ¹⁶⁴ См. ниже в гл. IV, § 8.
- ¹⁶⁵ См. Смоленский договор с немцами 1229 года, ст. 35.
- ¹⁶⁶ Во избежание обмана и продавец и покупатель в древнерусских городах должны были пользоваться общественными весами на торгу.
- ¹⁶⁷ Выход — точный смысловой перевод арабского термина «харадж».
- ¹⁶⁸ См. выше, § 7.
- ¹⁶⁹ Первоначальной целью такого подсчета было определение «числа» — контингента рекрутов, взятых с русского населения в монгольскую армию.

- ¹⁷⁰ Отсюда термины «таможня», «таможенный».
- ¹⁷¹ К. Э. Напьерский. Русско-Ливонские акты. СПб., 1868, с. 4 и 453; Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813–1828, в 4 т.
- ¹⁷² Ср. интересные наблюдения полковника Лоуренса над тактикой арабских конных отрядов в пустыне во время Мировой войны. Т. Е. Lawrence. Seven pillars of wisdom (New York, 1937), p. 337.
- ¹⁷³ И сказал ему Буй-Тур Всеволод: «Один брат, один свет светлый — ты, Игорь! Оба мы Святославичи! Седлай же, брат, своих борзых коней, а мои готовы, уже оседланы у Курска. А мои куряне бывалые воины: под трубами повиты, под шлемами взлелеяны, с конца копья вскормлены; пути им ведомы, яруги известны, луки у них натянуты, колчаны открыты, сабли наточены. Сами скажут, как серые волки в поле, ища себе чести, а князю — славы» (Пер. О. В. Творогова). — *Прим. ред.*
- ¹⁷⁴ См. выше, § 7.
- ¹⁷⁵ Услышав это, Владимир повелел искать серебряные ложки, сказав так: «Серебром и золотом не найду себе дружины, а с дружиною добуду серебро и золото, как дед мой и отец мой с дружиною доискались золота и серебра» (Пер. О. В. Творогова). — *Прим. ред.*
- ¹⁷⁶ В «Эклоге» (краткий свод византийского законодательства. — *Прим. ред.*) есть глава о дележе добычи.
- ¹⁷⁷ Войсковая единица временного, на период похода, формирования. В русском войске выполняла функции походного охранения. — *Прим. ред.*
- ¹⁷⁸ То же, что и засадный полк. — *Прим. ред.*
- ¹⁷⁹ Об этом договоре см. отчасти ниже, в этом же §, а также в гл. IV, § 10.
- ¹⁸⁰ См. выше, § 8, о сношениях князя Ярослава Новгородского с немцами по приказу и указанию хана.
- ¹⁸¹ Владимир Мономах говорит в своем Поучении, что отец его Всеволод знал пять языков. В числе этих языков был, вероятно, и один восточный (может быть, половецкий или турецкий).
- ¹⁸² Ср. ниже, гл. IV, § 10.
- ¹⁸³ См. Г. В. Вернадский. Золотая Орда, Египет и Византия в их взаимоотношениях. *Seminarium Kondakovianum*, 1927, т. I, с. 80.
- ¹⁸⁴ См. например, золотую пряжку из Куль-Обского кургана. М. Rostowtzeff. *Iranians and Greeks in South Russia* (Oxford, 1922), табл. XXIII, рис. 3. В чашу с вином скифы при клятве примешивали свою кровь. В эту же чашу погружали оружие — любопытно сопоставить это с клятвой Игоревых воинов.

- ¹⁸⁵ Такой же символ существовал и в саксонском обычном праве.
- ¹⁸⁶ Иван Тихонович Посошков (1652—1726) — первый русский экономист-теоретик, публицист, предприниматель, изобретатель. — *Прим. ред.*
- ¹⁸⁷ Сборник народных юридических обычаев под редакцией П. Матвеева, т. I, с. 18 (Записки Русск. Геогр. Общ. по отдел. этнографии, VIII, 1878).
- ¹⁸⁸ По преданию, матерью Владимира была Малуша, ключница Владимировой бабушки княгини Ольги.
- ¹⁸⁹ То есть деньги, о которых идет тяжба, процентов не дают. — *Прим. ред.*
- ¹⁹⁰ А за убийство холопа или рабы виру не платят (Пер. М. Б. Свердлова). — *Прим. ред.*
- ¹⁹¹ А на <выделенную> часть материнского имущества дети прав не имеют (Пер. М. Б. Свердлова). — *Прим. ред.*
- ¹⁹² А отчий двор без раздела всегда младшему сыну (Пер. М. Б. Свердлова). — *Прим. ред.*
- ¹⁹³ Если будет свидетель холопом, то холопу на суд не являться (Пер. М. Б. Свердлова). — *Прим. ред.*
- ¹⁹⁴ В. И. Даль. Пословицы русского народа, т. I (изд. 2-е, СПб. — Москва, 1878), с. 187.
- ¹⁹⁵ Если кто познает свое, что у него пропало или было украдено, или конь, или одежда, или скотина, то не говори тому <у кого пропажа обнаружена>: «Это мое», но походи на свод, где он взял, пусть сойдутся <участники сделки и выяснят>, кто виноват, на того и падет обвинение в краже (Пер. М. Б. Свердлова). — *Прим. ред.*
- ¹⁹⁶ Если нанявшийся на работу плотник отойдет от хозяина, не окончив работы, и станет требовать с него наемной платы, говоря ему: «я у тебя отработал всю положенную работу», — а хозяин [в ответ] скажет: «ты не отработал всей следуемой с тебя работы», — то при отсутствии у них письменного условия дело решается по желанию хозяина: пусть или положит у креста искомую сумму, предоставив присягнуть истцу, или пусть сам примет присягу. — *Прим. ред.*
- ¹⁹⁷ Если кто-нибудь потребует у князя или у посадника пристава для выемки поличного у вора, то князь и посадник должны отправить в качестве приставов людей добрых, благонадежных. Если же посланные приставы [по возвращении] скажут следующее: «приехали мы на двор [человека, заподозренного в воровстве] для обыска, и он не дал нам произвести обыска, и не пустил нас в дом, и прогнал со двора», а ответчик [со своей стороны] скажет: «те приставы, господи судьи, у меня не были», или же скажет: «были

у меня, господа судьбы, те приставы, и я открыл им двери дома, а они, не произведя у меня обыска, по собственной воле убежали со двора, а теперь клеветают на меня, будто бы я их выгнал”, то князю и посаднику расспросить приставов: “есть ли у вас свидетели, в присутствии которых ответчик прогнал вас со двора?” Тогда приставы должны представить в качестве свидетелей происшествия человек двух или трех, и если они, явившись на суд, скажут истинно, как перед Богом: “тот человек при нас прогнал тех приставов со двора и не дал им произвести обыска”, — то приставов привести к присяге, а ответчика, [подозреваемого в воровстве и помешавшего выемке поличного,] привлечь к ответственности как вора. Если же виновными [в оклеветании] окажутся приставы, то такие приставы не признаются приставами, а истец, отправивший их, теряет иск. — *Прим. ред.*

¹⁹⁸ Хрестоматия, II, 338.

¹⁹⁹ См. выше, гл. III, § 1.

²⁰⁰ См. ниже, § 4 и 5.

²⁰¹ См. ценную статью В. И. Рязанова «Le problème de la cartographie juridique» (B. I. D. R. Vittorio Scialoja», N. S., vol. 2, Roma, 1935).

²⁰² «Дыба», упоминаемая в Смоленском договоре, была, впрочем, по-видимому, не орудием пытки, а видом наказания. Ср. ниже, § 8 и 9.

²⁰³ Ср. выше, гл. II, § 8.

²⁰⁴ Из грамоты великого князя Мстислава и сына его Всеволода Юрьеву монастырю, 1130 год (по изд. Владимирского-Буданова).

²⁰⁵ Купчая Антония Римлянина, до 1148 года (по изд. Владимирского-Буданова).

²⁰⁶ Духовная новгородца Климента, XIII век. «Одерень» — значит «в полную собственность». Ср. выше, § 1.

²⁰⁷ То есть сборы — пошлину — с взвешиванья воска. Из Уставной грамоты новгородского кн. Всеволода церкви Св. Иоанна Предтечи на Опоках, ок. 1135 года (по изд. Владимирского-Буданова).

²⁰⁸ Памятники старинной Русской литературы, изд. гр. Г. Кушелевым-Безбородко, I (СПб., 1870), с. 71–73.

²⁰⁹ Там же, I, 141.

²¹⁰ См. гл. II, § 1.

²¹¹ Об обязательности его не упоминается ни в «Эклоге», ни в «Прохироне». Обязательность эта введена указом Льва Мудрого (IX век).

²¹² В. Н. Никольский в своей книге «О началах наследования по русскому праву» (1859) толковал соответственные статьи «Русской

- Правды» в том смысле, что наследование боковых древнерусскому праву было известно.
- ²¹³ Еще раз напоминаем, что эта работа Г. Вернадского была опубликована в 1938 году. — *Прим. ред.*
- ²¹⁴ См. выше, § 3.
- ²¹⁵ Литовский статут 1529 года в значительной степени лишь систематизировал более раннее право Западной Руси, почему в известной мере им можно пользоваться и для истории права древнего периода.
- ²¹⁶ Ср. выше, гл. I, § 2.
- ²¹⁷ Ср. § 3 этой главы и начало настоящего параграфа.
- ²¹⁸ Акты Юшкова (Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / Собр. и изд. А. Юшков. Ч. I. М., 1898. — *Прим. ред.*), № 1 и 180, Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете, кн. 185 и 186 (1898, II и III).
- ²¹⁹ Из второй духовной Ивана Калиты, 1328 год (по изд. Владимирского-Буданова).
- ²²⁰ СЗ, X-1, кн. III, разд. III, гл. II.
- ²²¹ Михаил Михайлович Сперанский — граф, общественный и государственный деятель, реформатор, законодворец. При императоре Александре I государственный секретарь (1810—1812), при императоре Николае I руководил работой по кодификации законодательства. — *Прим. ред.*
- ²²² Константин Петрович Победоносцев (1827—1907) — государственный деятель, правовед, писатель, переводчик, историк церкви. Обер-прокурор Святейшего Синода (1880—1905), член Государственного совета (с 1872). — *Прим. ред.*
- ²²³ К. П. Победоносцев. Курс гражданского права, I, (1896), 315 сл.
- ²²⁴ См. § 1 этой главы.
- ²²⁵ М. В. Шахматов. Купчие грамоты Московской Руси (Зап. Рус. науч. ин-та в Белграде, 1931, вып. 3, с. 215).
- ²²⁶ Пурпурная ткань (Этимологический словарь русского языка М. Фасмера). — *Прим. ред.*
- ²²⁷ Это, по-видимому, наиболее раннее упоминание обычая попопонка (без употребления самого термина).
- ²²⁸ См. ПСГ, ст. 42—44, 51, 63, 76, 93.
- ²²⁹ ПСГ, ст. 103.
- ²³⁰ ПСГ, ст. 39 и 40.
- ²³¹ См. выше, гл. I, § 7.

- ²³² РП, III, 67.
- ²³³ РП, III, 67 и Смоленский договор с немцами, ст. 10.
- ²³⁴ Ср. выше, гл. II, § 8.
- ²³⁵ См. выше, § 1.
- ²³⁶ Это выражение встречается, например, в жалованной грамоте великого князя Мстислава и сына его Всеволода Юрьеву монастырю (1130 год). О терминах «вира» и «продажа» см. ниже, § 9.
- ²³⁷ Ср. выше, гл. II, § 3.
- ²³⁸ См. в этом же параграфе выше цитату из договора 945 года, а также следующий § 9.
- ²³⁹ Ср. ниже, § 9.
- ²⁴⁰ См. выше, § 1.
- ²⁴¹ См. выше, § 1.
- ²⁴² См. выше, § 2.
- ²⁴³ Ср. выше, § 2 и ниже, § 9. Пытка известна в германском праве с древнейших времен, но сначала применялась только к рабам; с XIII—XIV веков пытка как способ судопроизводства вводится в романо-германских странах повсеместно.
- ²⁴⁴ Возможно, впрочем, что этот рассказ — позднейшая вставка в текст Начальной летописи.
- ²⁴⁵ РП, I, 19 слл.; ср. II, А 2.
- ²⁴⁶ Система уголовных денежных штрафов известна была и средневековому германскому праву. В скандинавском праве денежный штраф был двух родов: 40 марок за убийство и другие тяжелые преступления и 3 марки за мелкие провинности. См. С. L. von Bar, A history of continental criminal law (Boston, 1916), 132 слл. Ср. в «Русской Правде»: 40 гривен, как основной размер виры, и 3 гривны, как средний размер продажи (то есть штрафа. — *Прим. ред.*).
- ²⁴⁷ В последнем случае имелось в виду убийство холопа не владельцем («государем») его, а лицом посторонним.
- ²⁴⁸ «Дикая вира», может быть, значило «серая вира». В XVIII веке в русском языке употреблялось слово «дикой» в значении «серый».
- ²⁴⁹ Круговая порука не была, однако, обязательна. Можно было не «вкладываться» в дикую виру. Ср. выше, гл. II, § 2.
- ²⁵⁰ Ср. выше о судьбе новгородских купцов, арестованных великим князем Ярославом Суздальским в 1216 году (гл. I, § 6).
- ²⁵¹ В настоящее время нельзя уже отрицать (как это сплошь да рядом делалось раньше), что в древнерусском обществе существовал значительный интерес к философии. См. М. В. Шахматов и Д. Чижевский. Платон в древней Руси (Записки Русского исторического общества, Прага, II, 1925, с. 49 слл.).

- ²⁵² Василики (Базилики) — византийский законодательный свод из 60 книг, работа над которым была начата в правление императора Василия I (867—886) и закончена при его сыне Льве VI Мудром (886—912). — *Прим. ред.*
- ²⁵³ Ср. О. Юшков, К истории древнерусских юридических сборников XIII в. (Саратов, 1921).
- ²⁵⁴ Современные исследования отклоняют версию о том, что составителем Судебника 1497 года был Владимир Елизарович Гусев, дворянин на службе Ивана III. По мнению академика Л. В. Черепнина, составителями Судебника были князь Иван Патрикеев, а также дьяки Василий Долматов, Василий Жук, Федор Курицын. — *Прим. ред.*
- ²⁵⁵ Михалевич, несомненно, владел латинским языком, а может быть, и немецким. П. В. Голубовский в своей «Истории Смоленской земли» (Киев, 1895, с. 125) считает, что оригинал договора 1229 года был написан на латинском языке и затем переведен на русский и немецкий. Был ли первоначальный набросок договора написан по-русски или по-латыни, вопрос спорный. Если такой первоначальный набросок договора составлен был по-латыни еще в Смоленске перед отъездом Еремея и Пантелея, то написал его, конечно, Михалевич.

Содержание

Введение

- § 1. Предварительные замечания 5
- § 2. Общие предпосылки развития культуры Древней Руси 7
- § 3. Социальные предпосылки развития древнерусской культуры 9
- § 4. Восток и Запад в истории древнерусской культуры 12

Глава I. Хозяйство

- § 1. Страна и население 19
- § 2. Использование природных богатств страны 29
- § 3. Земледелие и скотоводство. Садоводство и огородничество 31
- § 4. Ремесла и обрабатывающая промышленность 37
- § 5. Пути сообщения, служба связи 49
- § 6. Торговля 57
- § 7. Деньги и кредит 63
- § 8. Капитал, хозяйственное водительство, труд 66
- § 9. Народный доход 68

Глава II. Общество

- § 1. Семейно-родовое начало в Древней Руси 71
- § 2. Общинное начало в Древней Руси 74
- § 3. Дружинное начало в Древней Руси. Артели и братства. Церковь в общественном строительстве 77
- § 4. Разложение родового и общинного быта и образование общественных классов 81

§ 5. Высшие классы древнерусского общества	84
§ 6. Средние классы русского общества. Городское население	89
§ 7. Сельское население низших разрядов	94
§ 8. Холопы	98
§ 9. Быт	101

Глава III. Власть и управление

§ 1. Источники и виды власти	108
§ 2. Политическая география Древней Руси. Вопрос о феодализме	111
§ 3. Князь как орган власти. Верховное управление	115
§ 4. Вече	118
§ 5. Верховный совет	120
§ 6. Сейм	124
§ 7. Строй управления	126
§ 8. Финансы	130
§ 9. Войско	134
§ 10. Международные сношения и дипломатия	140

Глава IV. Право и суд

§ 1. Основы правосознания древнерусского общества	145
§ 2. Источники права	152
§ 3. Смешение права публичного и частного. Лицо в древнерусском праве	155
§ 4. Семейное право	158
§ 5. Наследственное право	161
§ 6. Вещное право	163
§ 7. Обязательственное право	169
§ 8. Суд	173
§ 9. Уголовное право	177
§ 10. Юридическая культура Древней Руси	180

<i>Примечания</i>	183
-----------------------------	-----

- Вернадский Г.
- В35 Звенья русской культуры. Древняя Русь (до половины XV века) / Георгий Вернадский. — М. : Ломоносовъ. — 2016. — 208 с. — (История. География. Этнография).
- ISBN 978-5-91678-298-1

«Звенья русской культуры» — одна из важнейших книг Георгия Вернадского, своего рода краткая и емкая энциклопедия жизни Древней Руси. В ней рассказывается об устройстве власти в стране, работе суда и существовавших законах, роли церкви и организации войска, сборе налогов и использовании естественных природных богатств. А также о торговле и ремеслах, дорогах и способах передачи информации, денежном обращении и международных связях, но прежде всего о быте разных слоев населения — князей и дружинников, горожан и холопов. В основе книги идея о том, что, несмотря на одинаково тесные общения домонгольской Руси с Востоком и Западом, восточные влияния глубже и в конечном итоге благотворнее сказались на формировании русской культуры и самосознания русского народа.

Георгий Вернадский (1888–1973) — выдающийся русско-американский историк, профессор Йельского университета, сын великого мыслителя Владимира Вернадского и ученик Василия Ключевского.

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Георгий Вернадский

Звенья русской культуры
Древняя Русь (до половины XV века)

Редактор С. Жданов
Верстка А. Петровой
Корректор Н. Пушина

Подписано в печать 21.09.2015. Формат 60×90/16.
Усл. печ. л. 14,5. Тираж 1500 экз. Заказ 4979.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

Георгий
Вернадский
Звенья
русской
культуры

«Звенья русской культуры» — одна из важнейших книг Георгия Вернадского, своего рода краткая и емкая энциклопедия жизни Древней Руси. В ней рассказывается об устройстве власти в стране, работе суда и существовавших законах, роли церкви и организации войска, сборе налогов и использовании естественных природных богатств.

А также о торговле и ремеслах, дорогах и способах передачи информации, денежном обращении и международных связях, но прежде всего о быте разных слоев населения — князей и дружинников, горожан и холопов. В основе книги идея о том, что, несмотря на одинаково тесное общение домонгольской Руси с Востоком и Западом, восточные влияния глубже и в конечном итоге благотворнее сказались на формировании русской культуры и самосознания русского народа.

Георгий Вернадский (1888–1973) — выдающийся русско-американский историк, профессор Йельского университета, сын великого мыслителя Владимира Вернадского и ученик Василия Ключевского.

ISBN 978-5-91678-298-1

9 785916 782981